

СМЕНА

№ 11 июнь 1975

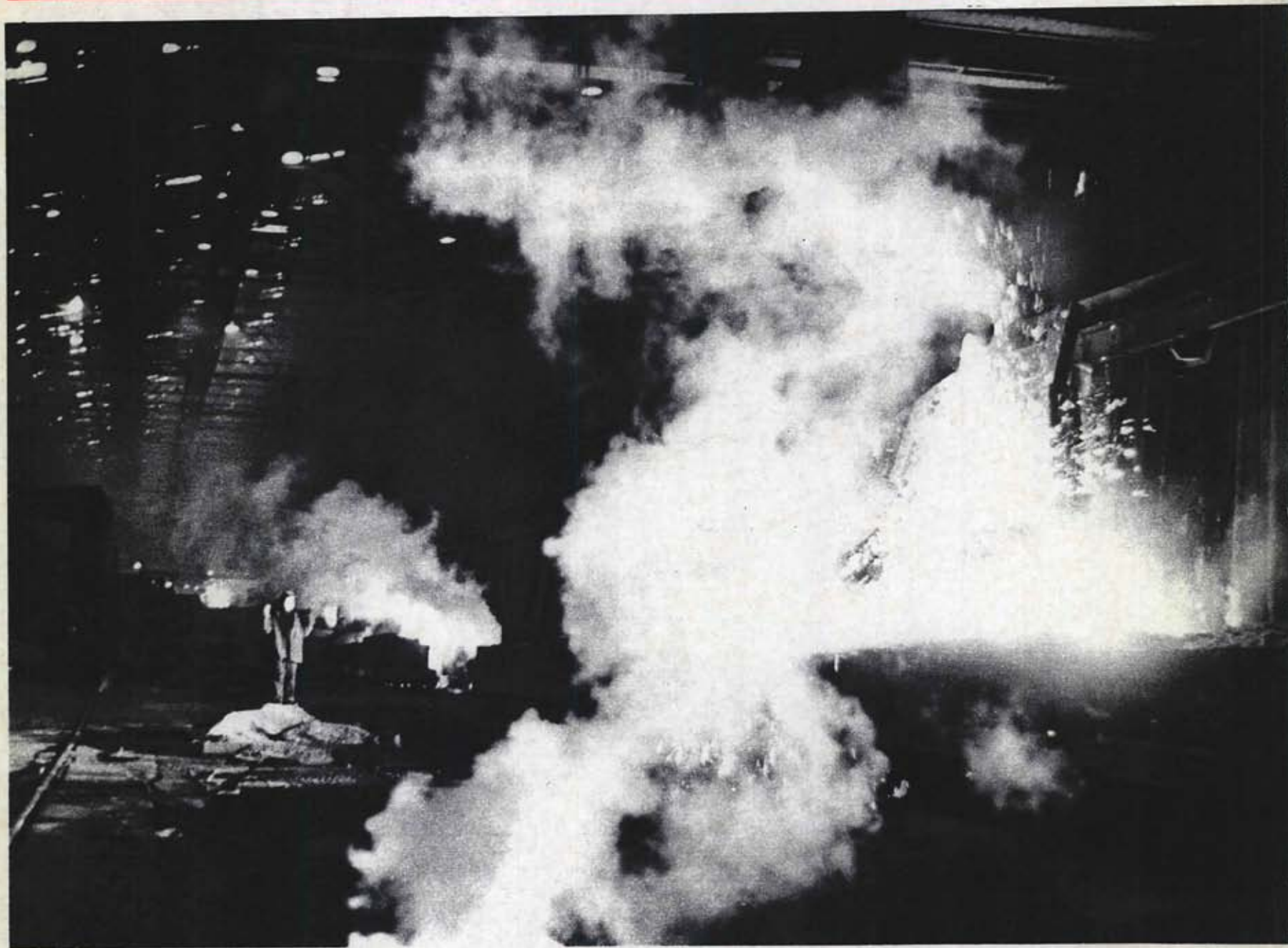
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

**УДАРНЫЙ
ТРУД
МОРСКОГО
ЦЕХА**

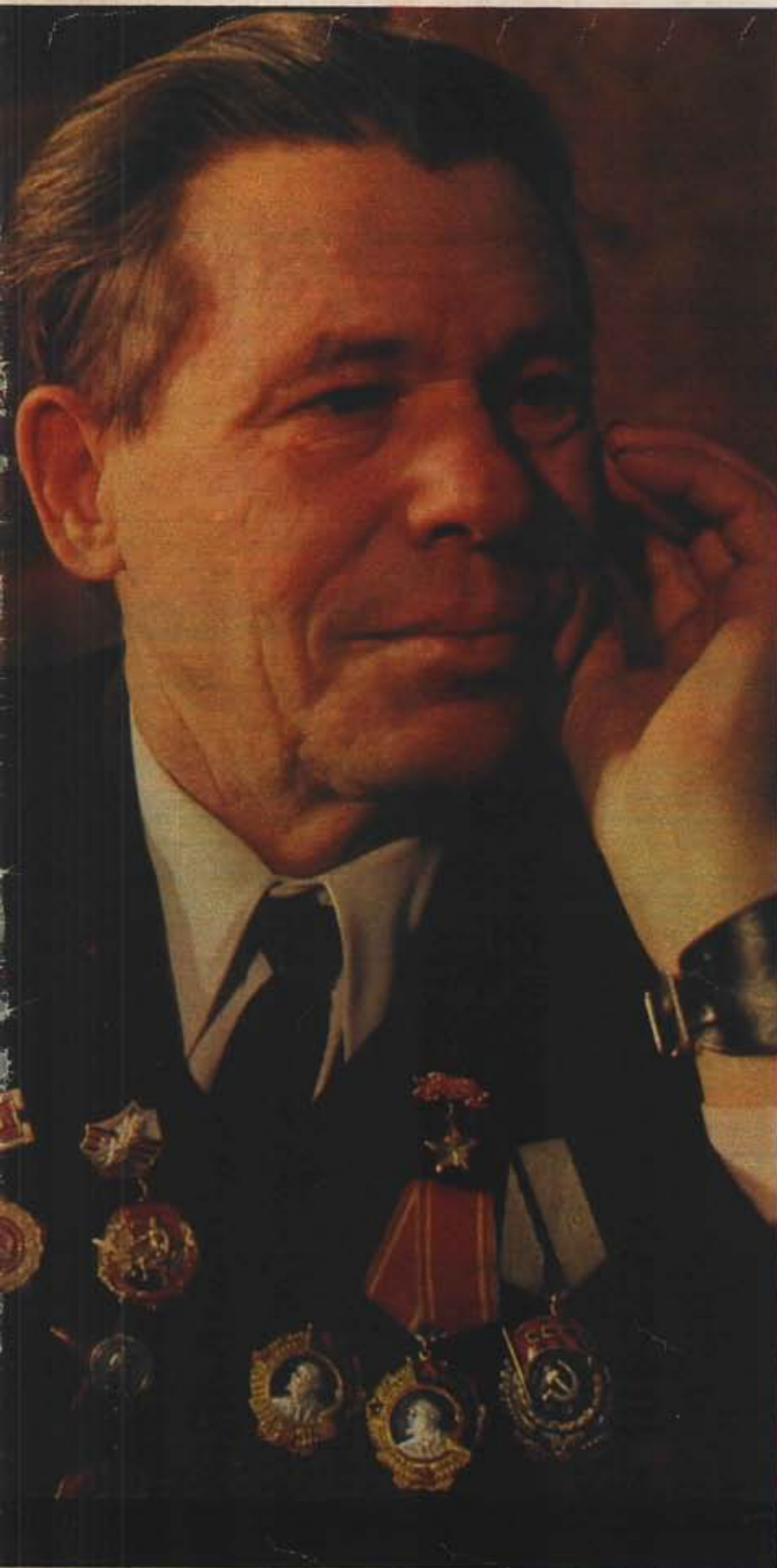
**КОММУНИСТ.
ВЫСОКИМ ПРИМЕРОМ
ЕГО ЖИЗНИ
ПОВЕРЯЮТ КОМСОМОЛЬЦЫ
СВОЙ ТРУД,
СВОИ ДЕЛА,
СВОИ СТРЕМЛЕНИЯ**

М узей краеведения в Новокузнецке попросил сталевара Чалкова написать свою биографию. Александр Яковлевич просидел полдня, скрипя пером-оставочкой в тетради, тщательно вымарывая неудачные, на его взгляд, места. Закончил писать, прочитал, далеко отставив от себя тетрадь. Потом позвал тезку — пятиклассника Александра, отдал внуку тетрадь, сказал: «Перепиши-ка почище». И добавил, вздохнув: «Да покрупнее. Маловато что-то получилось».

Александр старательно переписал. Биография деда заняла полтора тетрадных листа. Родился и вырос его

ВРОТА

Сергей СМОРОДКИН
Фото Альберта ЛЕХМУСА

дед на Алтае в семье крестьянина. Вместе с тремя братьями пришел строить Кузнецкий комбинат. Работал коновозчиком, землекопом, бетонщиком. В 1934 году, когда лучших строителей рекомендовали в мартековский цех, — пришел в мартеновский. В нем и работал почти тридцать лет сталеваром.

Александр Яковлевич похвалил внука за ясный почерк, подписался: «Чалков» — и запечатал биографию в конверт с «Ту-154». Недели через две к Чалковым пришла девушка в сверкающих красных сапожках и с папкой. Открыла дверь Татьяна Васильевна, заключив по юному виду, что девушка пришла из школы — пионервожатая или десятиклассница.

Но девушка оказалась сотрудником музея. Она уверенно села за стол, достала из папки знакомый конверт с «Ту» и сказала, что Александр Яковлевич написал хорошо, но слишком коротко.

— Просим вас, Александр Яковлевич, подробно рассказать об исторических событиях, которых вы были свидетелем.

— Да я вроде обо всем написал в биографии. Прямо и не знаю, о чем еще писать, — задумался Чалков.

— Понимаю, — сказала девушка и снова открыла папку. — Мы составили на этот случай для вас подробный план. Сначала расскажите, как вы жили в деревне, об острой классово-борьбе с кулачеством в то время. Потом, как откликнулись на призыв и пришли строить Кузнецкий комбинат. Работали без помощи машин — лопата да носилки, жили в землянках, голодали даже... Помните, у Маяковского в стихах о Кузнецкстрое? Там же есть про голод? Чалков кивнул:

— Голодно было. Это верно.

— Затем остановитесь на периоде Великой Отечественной войны. Опишите, как варили броневую сталь, как ваш самоотверженный труд был отмечен. А закончите рассказом о трудовой династии Чалковых. У вас ведь четыре сына на комбинате работают?

— Пять. Самый младший, Боря, на седьмую печь подручным пошел.

— Ну и замечательно. Сделаем фотографии. Получится запоминающаяся экспозиция. Пишите по нашему плану, и все будет отлично. Отлично!

Девушка заметно разволновалась, смотрела на Чалкова глубокими, ясными глазами и, правду сказать, была в этот миг очень мила.

— Ладно, — согласился он. — Опишу.

И пообещал, что напишет быстро. Может, даже завтра. Сотрудница музея сказала, что торопиться вовсе не нужно и что, если Александр Яковлевич напишет дней через десять, будет хорошо. Почувствовав себя свободнее, девушка принялась за сладкие пирожки, которые уже давно остывали на тарелке.

Распровавшись с сотрудницей музея, Чалков прошелся по комнате, постоял у окна. Солнце садилось в тучу. «К снегу, — подумал он, по привычке растирая поясницу, застуженную в мартене на сквозняках. — К снегу, стало быть, потеплеет...»

В прихожей раздался звонок. Чалков открыл дверь. С пылающим лицом стояла на пороге сотрудница музея.

— Главное-то забыла, — сказала девушка. — План, по которому вам писать, у меня в папке остался. Это меня пирожки отвлекли. Пирожки...

— Ничего-ничего, — сказал Чалков. — Я недавно пошел за газетами в киоск, а ноги меня и проходной принесли. Выходит, до своего комбината в полной задумчивости дотопал...

План, по которому Александру Яковлевичу надлежало работать, написан был на двух листках и состоял из десяти пунктов, а к каждому пункту — свои подпункты. Чалков несколько дней сидел над тетрадкой, записывая, зачеркивая и вновь записывая. Вспомнилась ему братья, с которыми он пришел строить комбинат, и почему-то особенно часто деревня, в которой он и не был с тех далеких тридцатых годов. Вспомнилась деревенская свадьба и как он плясал в новой желтой рубахе, а Таня сидела в свадебном наряде и слезы падали на домотканую скатерть... Ну, какие тут исторические события? Свадьба, слезы, рубаха...

«Сынов надо звать, — решил Александр Яковлевич. — Посоветоваться...»

В трудных или неясных для него случаях Чалков всегда советовался с сыновьями.

С

ыновья, кроме Юрия, жили в одном с ним доме, в одном даже подъезде — спасибо, комбинат позаботился, — и созвать их было просто. Сыновья пришли вечером. Не было только Валерия, который работал в ночную смену. Сыновья начали разговаривать о своих делах, шутить и смеяться, а отец раздумывал, как объяснить, зачем он их позвал.

— Такое дело, — сказал Александр Яковлевич. — Музей попросил меня биографию написать. Я написал. Теперь просят написать побольше. И исторически. А в голову не то идет, что надо. Вот тут план да моя писанина. Пять дней писал...

Юрий, который сидел рядом с отцом, взял у него план и тетрадь, быстро проглядел:

— Ну, батя, ты у нас прямо летописец, прямо Нестор...

Он улыбнулся.

— План дадим Валентину. Он порядок любит, да и старший. Пусть действует по плану. Второе: нужен нам писец. Так? Так. Саша, — позвал он племянника, — бери бумагу, ручку, садись с нами. Вооружился? Хорошо. Назначу тебя семейным писцом. Пиши для начала: «В лето тысяча девятьсот семьдесят пятое я, Чалков Александр Яковлевич, с сыновьями... двоеточие... Юрием-сталеваром, Валентином-дозировщиком, Александром-диспетчером да Валерием-электриком, который сейчас на работе, но мысленно с нами, и Борисом — сталевара подручным, собрались в хороминах каменных». Точка. Успеваешь записывать? Запятые все поставил? Молодец!

— Погоди-погоди, — перебил его Валентин. — Что за шутки. Серьезное дело: люди вон план составили. К примеру, пункт третий: «Как и при каких обстоятельствах была получена вами первая в войну броневая сталь? Кто помогал вам?»

— Сдаюсь-сдаюсь, — сказал Юрий. — Этот пункт твой. Ты ж у нас еще в детстве «стальным» был. Бью в тебя вишневыми косточками, кричу: «Убит, Валька! Падай!» А тебе хоть бы хны. Твердишь свое: «На мне броня непробиваемая». Помнишь?

— Другое помню: батя принес премию после плавки, когда первую броню сварил, и была там шоколадка. Ты ее норовил без меня съесть...

— Верно. Тогда премии натурой давали, — сказал Александр Яковлевич. — Я про это написал.

Александр Яковлевич взял у Юрия тетрадку:

— Где же это место?

«На второй день войны позвонил на комбинат ночью нарком черной металлургии Тевосян. Сказал, что надо освоить выпуск брони. Решение просил сообщить до утра. Той же ночью вызвали меня на комбинат...»

— Не здесь. Дальше где-то...

— Про шоколадку записывать, дядя Юра? — спросил Саша.

— Ни в коем случае. Это поклеп Валентина. Без моей команды ничего не писать.

«Иду со смены домой. Прохожу мимо госпиталя. Тяжелораненых на носилках выносят. У кого рук, у кого ног нет. «Что ж ты, Шура, — говорю я себе, — одну плавку чуть не целые сутки ведешь? Брони надо больше, чтобы ребят защитить...»

Александр Яковлевич перевернул страницу.

— Поначеркал — не разберешь... Ага. Вроде тут...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО • ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО • ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 11 (1153)

ИЮНЬ
1975

НАША ОБЛОЖКА:
ИЛЬИЧЕВСКИЙ ПОРТ.
Фото Виктора САККА

РЕПОРТАЖ «НЕСМОЛКАЮЩИЕ СУТКИ» — НА СТРАНИЦАХ 4—9.

1
КОММУНИСТ.
СТАЛЕВАР ЧАЛКОВ
И ЕГО СЫНОВЬЯ.

12
ЭКСПЕДИЦИЯ
«СМЕНИ» — БАМ.
ПОЕЗД ИДЕТ В ТЫНДУ.

14
НОВОЕ ИМЯ:
СТИХИ МИХАИЛА
СМОРОДИНОВА.

22
ТВОРЧЕСТВО
МОЛОДЫХ.
НАСЛЕДНИКИ «ПЯТОЙ
СТУДИИ МХАТа».

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

МОЛОДЫЕ ГВАРДЕЙЦЫ ПЯТИЛЕТКИ: СЧАСТЬЕ
САКИНЫ АКПЕРОВОЙ

ЭКСПЕДИЦИЯ «СМЕНИ» — НЕФТЯНЫЕ РЕКИ
СИБИРИ

ТУРИЗМ ПО ВСЕМ ШИРОТАМ

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашии, А. П. Кулешов, В. В. Луцкий [заместитель
главного редактора], В. Г. Победоносцев, Р. И. Рождественский,
Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, А. П. Середа, С. С. Смирнов, А. Б. Сту-
ков [главный художник], Д. Н. Филиппов

Художник О. С. Теслер

Технический редактор Л. И. Курлыкова

«Мысль есть», — сказал я Никитину. Он тогда был у нас мастером по спецсталлям. Толковый сталевар. Только осторожный. Риск не любил. «Сам понимаешь, как я тебе разрешение дам? А ежели свод подожжешь? Голову же вместе с волосами снимут?» Пошел я к Сахарову Алексею Алексеевичу. Начальнику нашего цеха мартеновского. Так и так: хочу броневую сталь без добавки смеси сварить. «Разрешите!» «Дай подумать», — говорит. — Утром скажу».

— Алексея Алексеевича хорошо помню, — сказал Валентин. — Только только на комбинат пришел. Стою в прокатном, смотрю, как слитки идут. Сахаров мимо проходит. Говорит: «Похож на отца. Похож. Сразу узнал, что Чалков». Потом спросил: «Нравится?» — и на слитки кивнул. «Красиво», — говорю. Он головой покачал: «Красивого тут ничего нет. Видишь, внутри темные полосы да пятна! Металл, значит, охлажден. Значит, брак. Раковины потом будут...»

— Не перебивай, — сказал Борис. — При чем тут раковины?

— Да к слову.

— Есть. Нашел это место про премию, — сказал Александр Яковлевич, переворачивая страницу.

«Вижу, пора пробу брать. Плеснул из ложки. Искры рассыпались — углерод в норме. Броню для самолетов сварили в 185-тонной печи за одиннадцать часов вместо восемнадцати. Приносят мне премию прямо к печи. Она тогда натурой выдавалась. Хлеб. Мясо. Сахар. Еще пол-литра водки положено было. Ну, мы на радостях эту премиальную бутылку тут же и выпили. Народу много к печи пришло поздравлять. Досталось каждому по наперстку. Климасенко Леонид Сергеевич — начальник смены, он потом директором «Запсиба» работал, тост сказал: «За скоростную, но не последнюю! За победу!»

— Про чарку ты, батя, убери, — рассудительно сказал Саша. — Для музея не пойдет.

— Ладно, зачеркну. А вот вспомнилось. Ясно так. Первая скоростная. Ребята. Как мы с Климасенко потом сражались из-за раскислителей... Не дай бог! Я горячий. А он порошок. И упрямый. Мне все говорил: «Ну, я хохол, мне положено быть упрямым. А ты же русских кровей. Ну, уступи...» И хохочет. Рекомендацию в партию Климасенко мне давал. Подходит как-то ко мне, говорит: «Иди в диспетчерскую, Никитин тебя пока у печи подменит». Я как был, пошел — в красной фуфайке, закопченный. Зачитали рекомендацию. Биографию рассказал. Потом спрашивают: какая сегодня главная задача для большевика? «Задача одна: все силы для победы отдать, чтобы врага одолеть», — отвечаю. Приняли единогласно. В сорок вторым было. Будто вчера...

Александр Яковлевич прикрыл рукой глаза. Как бы от яркого света.

— У нас где-то фотография есть. Вы с Климасенко сняты. В шляпах стоите. Плащи на руках. Принеси-ка, Саша, альбом. Поглядим, — попросил Борис.

Саша принес альбом. Желтоватые, серые кусочки картона легли на стол, как замершая жизнь.

— А я этот снимок не помню, — сказал Борис. — Когда это? Мама в шубе. Я ее в ней не видел. А Валя с Юрой — «женихи». Прямо «женихи». Такие большие. Валерка за колясочку держится. Чтобы не упасть перед фотографом. Года два ему? — Дай-ка взгляну. — Юра взял снимок.

— Ага... Валентин, Саша с ним рядом. Вот и я. В футболке. Отец в кителе, как всегда. А мама почему-то и впрямь в шубе. Весна ведь. Вон, в левом углу и ветку с листочками видно...

— Разрешите.

Валентин смотрел на выцветший снимок, припоминая что-то.

— Точно. Это как раз та весна, — сказал он. — Ну, когда шубу выиграла. Не помните, что ли?.. Про выигрыш этот я первым узнал. Собираясь на каток. К валенкам коньки прикручиваю, тороплюсь до прихода матери. Я же от бельевой веревки добрый кусок отхватил без разрешения. И вдруг слышу шаги мамы и... смех. Я прямо остоленел от этого смеха. Мама тогда и улыбалась-то редко... А тут смех, и я с этой веревкой.

— Тебе потом досталось все равно, — говорит Татьяна Васильевна.

Она тихо вошла из кухни: никто и не заметил. Стоит у стола, смотрит на сыновей, на седую голову Александра Яковлевича, на старенький снимок.

— Было-было... Да... Открывает мама дверь и с порога: «Сынок... Выиграли... шубу...» Я и сообразил не сразу. Все эта веревка в голове. Потом дошло: мама же недавно лотерейные билеты купила. Сличили номер, серию — совпадает. Каракулевая шуба!

Татьяна Васильевна вытерла мокрые руки о фартук, взяла фотографию.

— Я на почте проверяла, так меня валерьянкой отлаивали. Какой-то майор проверил еще раз, успокаивал, до дому даже проводил... Поднимаюсь по лестнице — смеюсь почему-то. Правда, смеюсь и смеюсь. Смех напал такой.

— И я вспоминаю теперь, — сказал Юра. — Мы на кухне едим котлеты из мороженой картошки и придумываем, что на выигрыш купим. Тебе — платье, туфли, отцу — сапоги и костюм, нам — рубахи, ботинки, велосипед, лыжи. Еще патефон хотели...

— Мне портфель новый, — сказал Саша. — Да все Юра отговаривал: «Что за цаца? Только в школу пошел — и портфель ему новый. Мы с Валей вон сколько лет с одним бегаем...»

— А козу забыли? — улыбнулась Татьяна Васильевна. — Еще же козу купить собирались. Я говорю: «Молоко козье полезное. У Валерика легкие слабые. Болеет часто. Давайте козу купим». А Валентин уперся: нет и нет. Грозил даже, что из дому сбегит, если козу возьмем.

— Понятно, — Юра хлопнул Валентина по плечу. — Старший наш. Значит, ему козу и пасти. Потому и бунтовал.

— Ладно-ладно, психолог. Ты лучше расскажи о себе. Как ты мамино пальто примерял. Забыл?

— Зачем? — смеется Борис. — Зачем примерял пальто? Ходить в нем, что ли, собрался?

— Мы, значит, о козе спорим. С патефоном, сапогами, велосипедом, даже с портфелем для Саши согласны. Осталась коза. Брать или не брать? Отец со смены пришел. Поел. Сидит вот, как сейчас. Глаза рукой прикрыл. Они у него тогда от пламени воспалились. Мы к нему. Как он считает — брать животину или нет?

— Ну, Валентин, Валентин, — притворно заныл Юра. — Да брось ты эту козу. Мы зачем собрались? Отцу помочь. Исторические факты восстановить. А ты — коза да коза. Совесть имей. Еще план тебе доверили... Как человеку.

— Нет уж, доскажу, раз начал. Да и Боря не знает. Его ж тогда на свете не было...

— Ладно-ладно, — сказал Борис. — Дальше-то что...? Тянешь резину.

— Батя встает. Приносит с вешалки мамينو зимнее пальто. Говорит Юре: «Надень. К свету встань ближе».

— Пальто это свое не забуду, — сказала Татьяна Васильевна. — Долго

оно мне служило. Я его из солдатской шинели перешла. Зимой на улице идти — наденешь на себя лыжную куртку, свитер, еще и кофту довоенную. И все одно мерзла...

— Увидели мы это пальто... Вернее, прочувствовали, в чем мать ходит... И уговорили ее взять выгреш. А потом сосед сфотографировал нас поздней весной. Маму, конечно, упростили шубу надеть для снимка.

— Я тоже эту шубу помню, — вставляет Борис. — Вернее, хвосты и рукава какие-то от нее.

— Хвосты, — обижается Татьяна Васильевна. — Тебе, между прочим, из этих «хвостов» шапку справили. Вон снимок, где тебя в армию провожали. Ты в кубанке каракулевой стоишь. Казак! Только шашки в руках нет да усов...

— Ну вот, я и виноват уже, — говорит Борис. — Радоваться надо, что у шубы такое качество. До моей службы в армии дожила... И, заметьте, пятиугольного знака качества тогда еще не было.

— Писец! А писец! — кричит Юра. — Ты где? Спать пошел, что ли? Надо исторические слова Бориса про качество записать. Ну, молодежь пошла. Уже спят...

— Верно, Юрий. Еще и про братьев скажи. Я зачем вас звал? — Александр Яковлевич закрыл тетрадку. Снял очки. — Нет, на вас, грамотеев, надежда слабая. Про шапку да про козу толковать начали. Идите по домам. Обойдусь как-нибудь...

— Батя, я один тебя не подведу, — улыбнулся Борис. — Потрясающий случай расскажу. Исторический факт из жизни Бориса Александровича Чалкова... Дело было в армии. Служу я, значит, в эсмонском подразделении. Служу второй год. Так вот. Однажды к нам в часть приехали ветераны, фронтовики, которые в нашей дивизии воевали. «Ну что, войны, как живете?» — спрашивают. Отвечаем по уставу, показываем технику, выучку демонстрируем. Потом собираемся в клубе. Фронтовики выступают перед нами. Рассказывают о сражениях и военных эпизодах. И вот один товарищ-ветеран, рассказывая, как он под городом Ельней бил фашистскую нечисть, не давая им ни вздохнуть, ни оглянуться, упомянул, что автомат — верный его друг — был именной. От сталевара Чалкова. Стало быть, от тебя, батя!

— Стало быть. Четыреста штук таких сделали.

— И тут, заметьте самое интересное. Подполковник Шагабудинов встает и дополняет ветерана: «В на-

шем полку проходит срочную службу отличник боевой и политической подготовки сержант Чалков. Попросим сержанта рассказать о его знаменитом отце-сталеваре».

— Борис, Борис, — поморщился Александр Яковлевич. — Скромнее давай... Скромнее...

— Я и так... И вот идет Боря Чалков, ваш сын, на сцену. И рассказывает о том, что слышал от своего отца. А слышал он вот что: двадцать третьего марта родился брат Валерий. Идет батя из родильного дома. Гордится законом — четвертый сын! Приходит на комбинат, вызывают его в партком. Вошел. Поднимаются отцу навстречу парторг ЦК ВКП(б) на комбинате Чернышев, секретарь горкома Москвин:

— Поздравляем, Александр Яковлевич! Ты у нас герой!

Отец про себя думает: «Откуда узнали, что у меня сын родился? Позвонили из роддома, что ли?»

— Спасибо, товарищи, спасибо, — говорит батя.

— Уже знаете? — удивляется теперь Чернышев.

— Конечно. Я ж только из роддома.

— При чем тут роддом?

— Как при чем? Четвертый сын у меня сегодня родился. Татьяна Васильевна чувствует себя хорошо. Сын — тоже. Вес — 3 550. Рост — 52 сантиметра...

— Ну, Чалков, везет тебе. Двойной праздник, — говорит Чернышев. — За быстрое освоение производства высоколегированных сталей в большегрузных мартеновских печах ты, Александр Яковлевич, удостоен звания лауреата Сталинской премии. Поздравляем, Саша!

— Вот как оно было, — говорю я. — Так я слышал от отца. А от себя скажу, что батя премию передал в фонд обороны и попросил на эти деньги изготовить автоматы. И вот, как видно, один автомат попал к товарищу-ветерану, который выступал передо мной.

Рассказал я все это. Аплодисменты, как Муслиму Магомаеву. И вдруг один вопрос круто поворачивает мою судьбу и решает мою жизнь. Спрашивают гости-ветераны: «А вот вы сами, сержант Чалков, после демобилизации чем занимаетесь?»

— Пойду в мартеновский, где работал отец и где сейчас трудятся мои братья, — рублю я, не задумываясь.

— Вот именно, — сказал Юрий. — И когда ты, Боря, задумываться начнешь?

— Мне снова аплодируют. Иду я на свое место, а в голове одно: «Эк, наворотил... Я же монтажник... После армии снова хотел на монтаж идти. Сорвалось. Придется идти в мартен...»

— А мы-то думали, — сказал Валентин, — что ты и впрямь после армии нашим духом проникся. Тебе, значит, задний ход не с руки было дать. Совесть, значит, еще есть.

— А как же, — хохочет Борис. — Думаете, зря душевные слова говорил со сцены? А? Плохо меня знаете...

ыновья разошлись. Внук Александр спал. Квартира наполнилась тишиной и спокойствием. Александр Яковлевич прилег на диван. В глаза стояли лица сыновей, мартеновский цех,

печь, расплавленный металл, железо, какие-то обрывки того, что было его жизнью. Всплыло милое лицо девушки из музея. Как она разволновалась, объясняя свой план... В нем было все правильно, определенно, складно, а его, Чалкова, жизнь, как только он прикоснулся к ней, начала растекаться, ускользает, поворачивается какими-то мелочами, о которых и говорить-то не стоит. И чем больше Александр Яковлевич раздумывал над своей жизнью, тем меньше казалась она ему пригодной для описания. «При чем здесь история и он, Чалков? Варил сталь и варил. Всю жизнь. А начнешь вспоминать — какая-то ерунда лезет в голову. Сыновья тоже хороши. Эту шубу лотерейную вспомнили. Козу. Черт-те что, Борис комедию, как всегда, устроил. Надо поговорить с ним. Мужу двадцать шестой год. Ребенок растет. А он чудит все. Надо поговорить...»

Утром он сел к столу, взял из вазы яблоко, дал его внуку, а сам, обмакнув перо в чернильницу, задумался. Потом быстро написал: «Добавить что-либо к сообщенному ранее в биографии не могу, так как память с возрастом ослабла, а документов не сохранил».

«Так будет ничего, — подумал он, представив, как его письмо будет читать девушка из музея. — И ей не обидно...»

Саша хрумкал яблоком, наблюдая, как дед пишет. На кухне тихонько звякала кастрюлями Татьяна Васильевна. Писать больше не хотелось. Раз-

брызгивая чернилами, Чалков подписался. Встал. Положил вчерашнюю тетрадь, из которой зачитывал сыновьям, в шкаф, в то отделение, где лежали его грамоты и ордена.

— Пойдем-ка, брат Александр, узнаем, что нам бабушка приготовила...

Они пошли на кухню. Внук был ему по плечо.

«Быстро растут теперь мужики, — подумал он. — Это хорошо, что быстро. Хорошо».

— Ничего интересного, — сказал Чалков, передавая тетрадь мне. — Только время зря потерял тогда...

Я перелистывал тетрадь, исписанную крупным некрасивым почерком, разговаривая с Александром Яковлевичем, который быстро поглядывал на меня, словно проверяя в чем-то. Был он невысок, сухощав, с острым и темным, опаленным пламенем лицом.

Потом я разговаривал с сыновьями Чалкова, с его друзьями-сталеварами, а потом, говоря словами историка, «изложил то, что удалось узнать, дабы дела человеческие не были повергнуты временем в забвение». Хотя слова эти и не совсем верны.

В третьем томе «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза» есть страница, где рассказывается, с какой любовью и заботой формировали сибиряки в 1943 году свой Особый стрелковый корпус. Есть на этой странице и «чалковская строка».

«...ТЫСЯЧИ ОМИЧЕЙ, НОВОСИБИРЦЕВ, КЕМЕРОВЦЕВ, КРАСНОЯРЦЕВ ВСТУПИЛИ В КОРПУС. КРУПНЕЙШИЕ ЗАВОДЫ И ФАБРИКИ СИБИРИ УЧАСТВОВАЛИ В ЕГО ОСНАЩЕНИИ. ЗНАТНЫЙ СТАЛЕВАР КУЗНЕЦКОГО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО КОМБИНАТА А. Я. ЧАЛКОВ, ПОЛУЧИВ СТАЛИНСКУЮ ПРЕМИЮ ЗА ОСВОЕНИЕ СКОРОСТНЫХ ПЛАВОК БРОНЕВОЙ СТАЛИ, ПЕРЕЧИСЛИЛ ЕЕ В ФОНД ОСОБОГО СИБИРСКОГО СТРЕЛКОВОГО КОРПУСА ДЛЯ ПРИОБРЕТЕНИЯ АВТОМАТОВ. В НЕРАБОЧЕЕ ВРЕМЯ ОН СВАРИЛ СТАЛЬ СВЕРХ ПЛАНА ДЛЯ ИХ ИЗГОТОВЛЕНИЯ.»

НА КАЖДОМ АВТОМАТЕ, СДЕЛАННОМ ИЗ ЭТОЙ СТАЛИ, БЫЛА ПРИКРЕПЛЕНА ТАБЛИЧКА С НАДПИСЬЮ: «СИБИРЯКУ — ОТ СТАЛЕВАРА ЧАЛКОВА.»

Владимир ВОЗЧИКОВ

По ясности воспоминаний —
До очевидности почти, —
Мой полдень юный,
Полдень ранний,
Пора сказать тебе «прости».
Не повторить, не притвориться.
И не перелететь между.
Темнеют вечера и лица,
И сам я в темень ухожу.
Там быть всему —
Но лишь не чуду.
Хоть и предчувствую
В конце
Как бы из вечности
Отсюда
Взгляд детский
На своем лице.

Разговор с любимой

Мы говорим слова чужие
И, мыслями утомлены
Заемными,
Сказать о жизни
Что можем мы!
Что знаем мы!

Мы не свое поем,
И шутим
По-писаному,
И живем
По-читаному,
И заучен
С театра — жест,
С экрана — стон,
И от души к душе пробиться
Столь мудрено,
Что ты права:
«Молчи, как бы не ошибиться.
Зачем слова, зачем слова!»

Шла ночь.
Пунктир
Из вострепанных и круглых
Ворон
На верхних ветках
Лип сырых
Дымками от взорвавшихся шутих
Спускался в стих
И отлетал за угол.
И в мокром камне
Звезды фонарей

Холодново мне напоминали
Пронзительную, азматскую дали,
Жаровню ясных голубых углей.

И тот прямоугольный водоем,
В который небо угли высыпало,
И кроны ив, что — словно
По лекалу
В огня шипящих —
Отразились в нем.

В этом году
Листва так зелена,
Что думается:
А еще весна!
А уже осень
Сонный свой капкан
Намерена сомкнуть
Над городами,
Над кущами лесов,
Над поездами,
Расчетливо
Спешащими на юг...

Так друг необходим.
Так нужен друг!

...Поют простоволосые девчонки
В грузовниках черемуховых днем,
Мальчишки хрипло шепчут,
Струны тонко
Вызывают
Над лесным огнем:
«Иду к тебе,
Плыву,
Лечу,
Шагаю.
День этот — твой,
И эта ночь — твоя.
А наша встреча —
В середине мая,
И только год
Потом назначу я».

НЕСМОЛКАЮЩИЕ СУТКИ

Алексей ВЛАДИМИРОВ,
Виктор САКК (фото),
специальные
корреспонденты
«Смены»

Красно-белая колонна Ильичевского маяка вынесена далеко в море на длинном и узком волноломе. Маяк — уже не море, но еще и не порт.

Еще пахнет в тишине морем и водорослями, лениво всплескивает у бетонных плит прозрачная зеленая вода, но уже видно движущееся разноцветье порталных кранов, кивающих тебе со слоновьим радушием, и доносится ветром неповторимая музыка работающего металла. Любопытные крабы снуют в расщелинах бетона, равнодушно шурит на них глаза лохматый пес, а совсем рядом, в сотне метров от этого мира, снуют маленькие, как крабы, красные и оранжевые автопогрузчики...

Так начинается порт для судов, ожидающих на рейде своего причала. Среди разных флагов, которые несут они сюда со всех континентов, на подходе к приемному бую каждое судно поднимает еще один флаг — черно-желтый: «Мне нужен лоцман!»

На зелено-палевых волнах рейда покачивается итальянский рудовоз. Вспенивая воду, бежит к не-

ГРУЗЫ ДЛЯ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН.

БУДНИ ГИГАНТА.

НА ПОДХОДЕ К ПРИЧАЛУ ОЧЕРЕДНОЕ СУДНО.

**МНОГО ЗАБОТ У СТАРШЕГО СТИВИДОРА
АЛЕКСАНДРА БУТА.**

тырехтонную порцию сахара и зашелкивает гигантские челюсти. Грейфер плывет над бетоном, на одно лишь мгновение застывает над воронкой бункера и как бы нехотя разжимает стальные челюсти. Снежный поток с гулким шумом осыпается в бункер, оттуда — на ленту транспортера и тугой тяжелой струей течет в окошко вагона.

На соседнем причале иная жизнь, иная музыка. Сквозь разноцветные переплетения кранов виден высокий серо-зеленый борт судна под индийским флагом. Его гулкие пустые твиндеки в ожидании, пока ярко-оранжевые автопогрузчики, ловко лавируя в лабиринте пестрых грузов, выкатывают из огромного, похожего на строенные ангары склада рулоны бумаги и, откатываясь, ставят их под цепкие стальные захваты. Кран подхватывает рулон, несет его над причалом к трюму, а в раскрытую горловину соседнего трюма в то же время, с той же ловкой осторожностью второй кран грузит металлические балки... Маркировщица, тоненькая девушка в красной косынке, выводит четкие, твердые буквы: «Порт назначения — Калькутта».

Ритмы железной музыки сменяют друг друга. Пока не привыкнешь к объему и масштабам порта, трудно, конечно, представить себе целый завод, сложенный на причале. Но здесь привыкаешь ко всему, даже к этому.

Мощной сухопутной технике оказывается не по плечу справиться с химическим заводом, отправляющимся в Болгариию. К причалу подходит самоходный плавкран с точным и звучным именем «Богатырь». Только что он грузил тепловозы на палубу судна, уходящего в Александрию, теперь его голубая шестидесятиметровая стрела возвы-

му маленький катер. Человек на борту — в синем кителе и ослепительно-белой фуражке — лоцман. Он поведет «итальянца» к причалу.

Для каждого судна, откуда бы оно ни пришло, порт начинается с лоцмана и кончается им.

После тишины маяка порт встречает неожиданно. Кажется, попал в гигантский круговорот грохота и движения. Так — по всему шестикилометровому фронту причалов.

Лес кранов густ; за ним не видно судов. Стена кивающих и разворачивающихся гигантов отделяет берег от моря. Обилие техники, ее мощь и масштабы заставляют глаза разбегаться, и нужно выбирать, ибо на каждом причале — свое, особенное, у каждого свой запах, цвет, ритм.

У одного только что ошвартовалось огромное низко сидящее судно и уже ждет, замерев с распахнутыми трюмами. Из люков тянет мягким медовым запахом, по которому каждый здесь знает, что рейс был дальним — судно пришло с Кубы. По ту сторону крановых путей его груза ждет вереница вагонов. Отрывисто ударили звоночки, заворочались краны, огромный грейфер ныряет в чрево трюма, с густым шелестом загребаает че-

15 июня — выборы в Верховные Советы союзных и автономных республик и в местные Советы

ОТ САМОГО ЧЕЛОВЕКА

Валерия ПЕРУАНСКАЯ

шается над лесом порталных кранов «болгарского» причала. Скажу тут же, сами порталные краны часто становятся грузом «Богатыря»; не демонтируя, «Богатырь» легко переносит их на новое место. Теперь ему предстоит заняться химическим заводом.

Неспециалисту трудно разобраться в назначении всех этих агрегатов, которые перетаскивает «Богатырь» с причала на судно, но видимые невооруженным, так сказать, глазом размеры, вес, обозначенный на металле, и легкость, с какой работает кран, говорят сами за себя. Как, впрочем, и цифра на его главном гаке — 300 тонн!

Шаг за шагом, причал за причалом под аккомпанемент железных звуков все более рельефно лепится художественный образ порта, выявляя новые грани своего многоликого существа. Вряд ли где-нибудь, кроме морского порта, можно одновременно увидеть этот огромный и разнообразный ассортимент грузов. И нигде, кроме морского порта, невозможно с такой отчетливостью ощутить живую экономику страны в ее международных связях. Здесь она перед вами в своем поистине глобальном грузопотоке: индийский джут, чай с Цейлона, хлопок из Египта, итальянская техническая сода, французские станки, овощи и фрукты из Болгарии... И в разные порты мира, в сто стран, идет из Ильичевска обратный грузопоток: руда, уголь, бумага, прокат, автомобили, телевизоры, целлюлоза, сельскохозяйственная техника, химическое оборудование...

Эта экономическая география начинается на тридцати причалах порта. Днем и ночью, зимой и летом, когда за волноломом стоит штиль или бушует шторм, краны дают жизнь порту, заставляя пульсировать его мощные артерии. Их железная музыка, поначалу непонятная, обретает смысл

и красоту, стоит только приглядеться. Тогда можно увидеть, как, едва дрогнет ходовой звонок, машина крана делает легкий реверанс, подхватывает груз, одновременно «вирает», разворачивается кругом и отходит по путям назад. Все три операции цикла делаются одновременно. Это высший класс...

И здесь нужно остановиться, ибо познание порта может пойти неверным путем. Захваченные обилием и мощью техники, ее умной, красивой работой, мы пока не увидели тех, кто создает эту музыку. Молодая маркировщица в красной косынке, моряк с золотыми шевронами, избегающий по трапу на борт, еще две-три фигурки, но, насыщенный движениями и шумом, порт почти безлюден. И это тем более удивительно, что, прежде чем самому попасть под сень порта, я слышал и читал об ильичевских портовиках значительно больше, чем о его механизмах, машинах и тонногрузах.

Трудно сосчитать, сколько уже написано об ильичевском крановщике Иване Козлове, неподражаемом виртуозе своего дела, мастере, учиться к которому потоком идут крановщики со всех концов страны. А недавно от Черного моря до Находки и Гамбурга прогремело имя Анатолия Барановского, вожжа комсомольско-молодежной, создавшего принципиально новую схему бригады грузчиков, добившейся невиданной до сих пор выработки и культуры труда...

— Слава Козлова и Барановского, как голос Шалыпина. Она не нуждается в микрофоне.

Это говорит Саша Бут, старший стивидор контейнерного участка. Ему двадцать три года, член бюро горкома комсомола, сейчас замещает ушедшего в отпуск начальника участка.

Мы сидим в «дежурке» в окружении телефонов,

Люся всего двадцать шесть. К ней применимо именно слово «все-го», потому что при этом она уже в третий раз избрана депутатом Моссовета. Первый раз это произошло, когда ей сравнялось двадцать. А когда было четырнадцать — такой вот у нее получился быстрый разбег, — она еще ни о чем не помышляла, кроме того, как бы поскорее перестать быть обузой для матери, растившей троих детей, и стать ей помощницей.

Однажды Люся услышала по радио объявление: школа кулинарного ученичества производит набор учащихся. И принимаются туда лица, достигшие четырнадцати лет, то есть после семилетки, а не, как всюду, после восьми классов. Люся к тому времени в восьмой класс лишь перешла.

Сразу же загорелась: как можно такое упустить? Стипендия — тридцать рублей, через два года хорошая профессия!

Незаметно пролетели несколько лет, в течение которых Люся из робкой, неумелой девочки, впервые переступившей порог фабрики-кухни, превратилась в комсомольского активиста, мастера своего дела, авторитетного в коллективе человека.

Можно допустить, что, не будь в Москворецком районе Люси Кофановой, нашелся бы другой, и пятый, и десятый, достойный носить столь высокое звание, каким является звание депутата столичного горсовета.

— Конечно! — соглашается Люся. — Я ведь когда узнала, что меня выдвигают кандидатом, сама своим ушам не поверила!

Она относится к своему положению трезво, ответственно, не заносится. Только смеется, рассказывая, как дома мать и старшая сестра никак не хотели в это поверить, думали: что-то она напутала.

Люсино трудолюбие, безотказность в работе быстро выделили ее из общей среды. Но, вернувшись немного назад, можно поведать о том, как, подобно Золушке, перебивавшей чечевичу или горох и проливавшей над ними слезы, Люся пришла однажды в отчаяние, заплакала и задумала все бросить. Случилось

это, когда она попала в первый раз на практику в столовую. Домой приходила с изрезанными до крови пальцами — шинковала овощи, а крови ужасно боялась. Потом разделывала кур. По пятьсот штук за смену. Никакого творчества, никакого от нее не требовалось кулинарного искусства. Тут-то и засомневалась она в верности выбора. Ничего ей не надо — ни стипендии, ни профессии. Люся пошла к начальству: отпустите, не хочу больше, не могу! Не отпустили. Успешно закончила учение, получила 4-й разряд повара с диетуклоном и направление на фабрику-кухню № 3.

Это не раз с Люсей случалось, что ее куда-то не отпускали: из школы в кулинарное училище, из училища на вольную волю. Ничего не попишешь: нужный она человек. А свойственное ей чувство долга не позволяет пойти наперекор. Как уйдешь по депутатским делам, когда некому заменить тебя у плиты или разделочного стола? Как уйдешь, если надо накормить всех, кто придет в диетический зал?

— Ведь больному человеку, если он вовремя, скажем, не пообедает, — объясняет Люся, — обед уже не в обед. Мы до половины первого кормим рабочих завода имени Владимира Ильича, а потом открываем двери для всех желающих. К нам годами ездят люди с других концов города. Мы же готовим все на сливочном масле, мясо первого сорта, фарш проходит через мясорубку четыре, а то и пять раз... На улице часто очередь образуется. Как же я уйду?..

Вот она и откладывает поступление в институт, и получает отпуск в самое неинтересное для отдыха время года, а общественной работой занимается тогда, когда ее коллеги давно пришли домой, поужинали, уселись перед телевизорами. Хоть и молодая, а порой валится с ног.

Живет Люся в коммунальной квартире. Объясняет:

— Как я могу чего-нибудь просить, когда знаю, каждый день с этим сталкиваюсь: не одна я так живу. Вот когда все переедут в отдельные квартиры, тогда, наверное, и мне дадут.

то и дело звонящих, счетных машин, на клавишах которых постоянно «играют» смуглые пальцы старшего стивидора. Он только что с причала, присел к столу, забыв снять коричневую каску, точно специально подобранную под цвет его черноморского загара, «заработанного» в порту, — смена для него понятие растяжимое. «Молодому специалисту найдутся дела и после смены». Полусидя на краешке стола, он оборачивается к грузовому плану судна за спиной и, продолжая что-то прикидывать на машине, снимает трубку:

— «Светлов»? Как там у вас со вторым трюмом?.. Ну смотрите, а то подкинем... Ух, жарится! — Саша снимает каску, берет вторую трубку: — Склад? Слушай, Саня, что вы там тянете? «В графике! В графике!» Ты же не на одесском пляже, где «дальше всех не заплывать». Будет тебе погрузчик в 16.30 железно.

За окном «дежурки» привычная картина: ворохаются, кивая, краны, среди геометрически выстроенных рядов серебристых контейнеров вычерчивают замысловатые злипысы оранжево-красные автопогрузчики. Кажется, из этого обилия контейнеров можно сложить город.

— Первые дни они мне по ночам снились, голова к вечеру была такая же квадратная. На ощупь, конечно, — в зеркало смотреть было некогда. Но, знаете, интересное кино получилось: пригодились все, чему учили в институте!

Как и большинство работающих в порту, Саша «коренной ильичевец одесского происхождения», и потому интонация, манера весело говорить о серьезном не удивляют, а, напротив, придают местный колорит.

— Скажу по секрету, сегодня любой бригадир даст стивидору сто очков вперед.

Дверь быстро открывается и так же быстро за-

Она не перестает болеть чужими болями, не жалеет для людей ни своего времени, ни сил. Именно в этом ее сущность.

— Некоторые считают, — замечает она в связи с разговором о своих встречах с избирателями, — что не работающий лифт — это пустяк. Какой же пустяк? Вот недавно вызвали «Скорую» к больному на десятый этаж. Лифт не работал. Доктор старенький, спешил. Не дошел, сердце отказало. Вот вам и пустяк...

Или совсем о другом:

— Как повар диетического питания я уверена, что пользоваться алюминиевыми ложками, вилками вредно. Никуда не годится, когда в столовой треснутые, шершавые тарелки. А оттого, что прачечная никогда не возвращает вовремя спецодежду, мы носим халаты, передники не первой свежести. Это, я считаю, недопустимо. Диетические блюда — пресные, почти без соли, без специй, они требуют, чтобы их красиво оформили, подали в хорошей посуде. Иначе совсем не захочешь есть.

В чем же дело, такая уж разве проблема — ложки из нержавеющей стали? Выясняется: не перевелись еще охотники ложки и вилки из столовой уносить. Нетипичные, как принято говорить, случаи, пережитки прошлого. Но вот результат: в обычную столовую хорошую посуду и приборы не дают. Зачем рисковать? А между тем риск этот (не такой уж великий, кстати сказать) мог бы неожиданно обернуться положительным эффектом, если бы те, от кого зависит решение вопроса, взглянули на него с другой стороны. Известно, что у нас еще немало общественных мест, где не соблюдается должная чистота. А вот в метро ее соблюдают решительно все. И в ресторане не бросят окурка на пол, как в забегаловке. По логике получается: чем лучше, тем лучше. Особенно если речь идет о здоровье людей. Но не все это еще понимают. А Люся с этим мириться не хочет.

О проблемах общественного питания вообще и частных заботах фабрично-кухонь № 3 с Люсей можно говорить бесконечно. О подготовке кадров, оплате и облегчении труда

поваров, механизации производства. Обо всем она мыслит интересно, конструктивно. Но для меня в нашем разговоре важно и другое. Я вижу: Люся беспокоится, ищет, переживает. Как член и секретарь комиссии Моссовета по торговле и общественному питанию контролирует, например, строительство новых объектов, оказывает строителям конкретную помощь. Вместе с другими членами комиссии занимается тем, чтобы наладить питание водителей городского транспорта на конечных пунктах. Участвует в мероприятиях по обеспечению всех школьников города горячими обедами, а школ — помещениями для столовых.

Ей часто приходится выступать на разных собраниях, пленумах, совещаниях.

— Я по бумажке не люблю говорить. Еще если большой доклад — понять можно: всего не упомянешь. Но выступление на десять минут?.. Хотя я всегда для себя заранее записываю, что скажу, чтобы с мыслями собраться было легче. Кто-нибудь чересчур осторожный начинает советовать: про это не говори, про это лучше промолчи. А я выхожу и говорю то, что считаю нужным. И всегда хорошо получается, ни разу меня потом не ругали. — Люся улыбается. Тут она явно собой довольна.

И еще она бывает довольна тогда, когда ей удается помочь людям.

— Сначала на меня смотрели так: какой из нее депутат? Девчонка. Только когда у себя на предприятии помогла несколько людям, отношение изменилось. Была у нас кассирша, Анастасия Ивановна Федоткина, замечательная женщина. Отзывчивая, безукоризненно честная. С таких, как она, пример хочется брать. Раньше работала на стройке, получила там облучение. Из-за плохого здоровья пришлось со стройки уйти. За койку с нее стали брать плату, как за посторонней, в тройном размере. В комнате, кроме Анастасии Ивановны, а ей было сорок, еще три девушки. Работали они посменно, приходили то поздно вечером, то под утро. Никакого человеку покоя. Я обратилась к заместителю председателя райисполкома. Честно скажу, не ожида-

ла, что он вот так сразу пойдет мне навстречу. А не пришлось ни спорить, ни доказывать: дали Анастасии Ивановне комнату...

Люся улыбнулась. Вообще она не очень улыбка, хотя улыбка ее красит.

— Одному человеку очень мне хотелось помочь. Он уже не молодой, семьдесят лет, но такой бодрый, крепкий, просто смотреть на него радость. А история вот какая получилась. Он двадцать пять лет прожил с женой в ее комнате, а своя у него тоже была, двенадцать метров. Он там был прописан, но не жил, и соседи ее для своих нужд приспособили — у них очень кухня тесная. Жена внезапно умерла. А его стали выселять. По закону-то правильно, но не по-человечески и не по необходимости. Комната хоть и большая, но полутемная, окно выходит под арку. Семья в такую комнату не поедет, а если одному отдавать, то почему бы не ему?

Мне нравится, как Люся разумно, неформально рассуждает.

— Знаете, есть еще ненужные межрайонные счета-расчеты. Тут как раз получилось, что один район, если оставит комнату этому человеку, теряет столько-то квадратных метров, а другой за его счет получает. Как будто мы не в одном городе живем.

Посмотрела я ту комнату. Поняла: вся у человека жизнь тут, как же можно это вдруг отнять? Мне даже страшно стало... И добились мы с ним своего... Этот человек на работу ко мне заходил, девочки спрашивали: «Что у тебя за поклонник такой — вся голова седая?..»

Все-таки это прекрасно — делать добро, иметь возможность его делать. Я гляжу на Люсю, и мне хочется, чтобы никогда, ни при каких обстоятельствах не утеряла она этого свойства — умения быть счастливой оттого, что благодаря ей счастлив кто-то другой. Чтобы не наскучило ей ходить, бегать, проверять, хлопотать. Чтобы всегда умела она так справедливо, широко подходить к сложным житейским ситуациям...

— Иной раз в райжилотделах не хотят разобратся, всех под одну гребенку стригут. Вот и приходится

людям к депутату идти. Скажем, такой случай. Переселяют в связи со сносом одну женщину. Ей всего пятьдесят, а из-за тяжелой болезни выглядит старухой. Работает в прачечной. И вот дают ей крошечную комнатку, да вдобавок далеко от работы. Снова обратилась я к зампреду. Он уже знает, зря к нему не пойду, я ведь не за всех хлопочу, не у всех просьбы бывают обособленные. Выделили ей комнату — 16 метров, в доме первой категории, вблизи прачечной...

Я с интересом слушаю разные истории из ее депутатской практики, размышления о жизни, работе, своем будущем. За внешней мягкостью в Люсе угадывается сильный характер. За подкупающей женственностью — жизненная стойкость, целеустремленность. Достигла Люся немалого, а все равно — только начало. Что будет дальше?

Дальше Люся хочет учиться. В вузе. Она хорошо потрудились, многому научилась сама, успела поучить и других. И, что называется, уперлась головой в потолок.

На ее место придут другие девочки. Пусть и они пройдут полезную трудовую школу, учатся, растут, идут дальше. А там, глядишь, и труд поварихи станет легче. Перестанут быть дефицитом тележки Бахчевникова, о которых где только может хлопочет Люся, — отпадет необходимость перетаскивать вручную 80-килограммовые котлы, как это еще нынче приходится делать на многих предприятиях общественного питания, появятся современные, удобные плиты, кондиционеры...

Что же до Люси, то она мечтает о юридическом факультете. Почему именно о нем? У нее есть обдуманый ответ:

— Если хорошо знать производство и законы, то можно правильно решать вопросы, умело руководить предприятием.

Что ж, задача сформулирована. Без ложной скромности, с учетом своих возможностей, опыта общественной работы.

Остается планы осуществить. Будет нелегко, куда трудней, чем сейчас. Она и сама немного страшится: выдержит ли? Но мне на память приходит Люсини же слова: от самого человека его судьба зависит.

хлопывается за высоким парнем. Коричневая каска на нем, такая же, как у Буга, кажется светлее. Несмотря на рост, он подтянут и легок, потому особенно обращает на себя внимание крупные кисти рук с твердыми, прямыми пальцами, сжимающими пухлую записную книжку.

Саша присаживается к столу и разводит руки: — О! Пожалуйста! Здравствуйте, я ваша тетя! Что я говорил? Сейчас он будет вынимать из меня мозги. Интересный клинический случай. Рекомендую: хирург — бригадир 221-й Сергея Попов. Сестра, наркоз!

Звонит один из многих телефонов. Не глядя на Сашу, бригадир безосмысленно берет трубку, как человек, для которого эта разветвленная связь как своя ладонь. Закуривая, он говорит в трубку в том же стиле, который убеждает меня, что я не где-нибудь, а всего лишь в тридцати километрах от Одессы:

— Нет, это тетя Паша. Ну, ну, я! Сейчас иду. Слушай, Толик, что ты там колдуешь над трупом, как папан над самолесом?! Да не вкалывать, милый, а работать надо. Головой — тоже.

Пока идет этот быстрый телефонный монолог, Саша делает кивок в сторону бригадира и показывает мне поднятый вверх большой палец. Когда Попов опускает трубку, Бут откидывается на стуле:

— Так какое оружие вы предпочитаете, милорд?

— Пока — карандаш, а если...

— Ваш выстрел!

— Каждому стивидору, если, конечно, его учили не в церковноприходской школе, известно, что допускается перегруз до 500 килограммов на один борт...

— О! А мы не делаем больше сорока! Ответ?

— Можно двадцать.

— Трудно.

— Тогда иди ловить бабочек. Сачок я тебе подарю.

Словесная эта дуэль, легкая, но серьезная, переходит в цифровую. В ход идет пухлая записная книжка бригадира, счетная машина стивидора, графики, грузовой план и опять записная книжка. Наконец, Саша откидывается на стуле:

— Если бы я был царь, я подарил бы тебе четыре контейнера «Абрау-Дюрсов». Чтоб я так жил!

Когда бригадир вышел, я узнал историю 221-й комсомольско-молодежной бригады. На рабочем календаре бригады сейчас близок к завершению 76-й год. Впрочем, дело не ограничилось даже этим; теперь ребята «вышли на эксперимент». Начали с того, что тщательнейшим образом проанализировали все открытые и опыт бригады Барановского. Считали, как математики, и думали, как инженеры. Подсчеты и выкладки, сделанные на основе своих внутренних резервов, позволили предположить, что можно добиться большей производительности, если создать одну сквозную бригаду из трех звеньев по 16 человек, работающую посменно друг за другом. «Сквозная» потому, что каждое звено не только выполняет урочную часть сменной работы, но и одновременно готовит все для работы следующей за ним смены. Получается замкнутый непрерывный цикл, и каждая смена-звено в начале рабочего дня не тратит, как бывало, драгоценного времени на подготовительные операции. Как выяснилось с первых же шагов эксперимента, бригада оказалась настолько цельным и единым организмом, что решили, чтобы и заработок трех звеньев шел в общий котел.

С самого начала поисков оптимального варианта ребята комсомольско-молодежной взяли за прави-

ло не делать тайн из своих опытов и находок. Можно вспомнить, как в самый ответственный момент работы лучший звеньевой 221-й Анатолий Кириязов возглавил отстающую 219-ю. Сейчас они идут рядом.

Познакомиться с ребятами из 221-й удалось только в обеденный перерыв. И это не случайно. Видимое «безлюдье» порта в рабочие часы объяснилось предельно просто: все на своих местах — на автопогрузчиках, кранах, в трюмах. На простоях и перекуры, как здесь говорят, нет времени.

Однако и после обеда разговор получился недолгим — на две сигаретки. И пошел он поначалу «не по делу», как мне показалось, а в том же легко-веселом одесском стиле, с шутками и подковырками, но так естественно идущем этим шестнадцати парням, загорелым, улыбкающим, с неистребимым черноморским жизнелюбием. Да и одеты они были для своей профессии как-то непривычно, несколько даже изысканно — в джинсах, спортивных куртках, рубашках, на зависть столичным пижонам. Только каски и руки, знающие работу, говорили о принадлежности их к профессии грузчика. Но был час отдыха, и, кроме того, этот день оказался «праздником возвращения блудного сына», — Толя Кириязов наладил работу у соседей и вернулся в свою родную 221-ю.

Но как ни легок и весел по форме был разговор с ребятами, в конечном счете он свелся к вещам сугубо серьезным, к тому, что занимало всех, а меня по-новому заставило взглянуть на атмосферу порта и людей, в нем работающих. В частности, я понял, что иногда, теряя чувство реальности, мы остаемся в плену цепких книжных представлений, и, говоря о портовом грузчике сегодня, нужно отдать истории цепочку согбенных спин, тяну-

**ВОДОЛАЗ В ПОРТУ
ПО-ПРЕЖНЕМУ
НЕЗАМЕНИМ.**

ГЕОМЕТРИЯ ПОРТА.

**НЕДРЕМАННОЕ
ОКО ЛОЦМАНСКОЙ
СЛУЖБЫ.**

**ПОСЛЕОБЕДЕННЫЙ
ПЕРЕКУР.**

щихся по шатким сходям с непомерной ношей на плечах под шалашинскую «Дубинушку». Но дело не только в том, что львиную долю работы грузчика выполняют в порту механизмы. В еще большей мере, чем техника, изменилась профессия, — сила грузчика направлена теперь в другую сферу — творческую.

— Пора, ребята. — Бригадир поднимается и безошибочно привычным движением вынимает из кармана толстую записную книжку. Быстро, на ходу раскрывает нужную страницу. — Слушай, Толик, возьми хронометр. Пустись, как только поднимешь контейнер. Выключишь, когда поставишь под захват. Так четыре раза. Понял?

Что ни говори, прогресс прогрессом, а не так-то просто привыкнуть к грузчику с хронометром. Впрочем, как заметил Попов, слово «грузчик» уходит из лексикона портовиков. Докер?

— Нет, не привыкнется. Это, как говорят в Одессе, из другой оперы. Портовый рабочий — в идеале это механизатор. У нас в 221-й по две-три механизаторских специальности имеет каждый.

Как только ребята приступили к работе, больше в тот день я никого не видел. Шумящий и движущийся порт обрел свою рабочую форму — обезьяндел.

В порту блестит ночь. Вода угадывается по тысячам пляшущих огней и сильному запаху моря, идущему, кажется, из самой темноты гавани. Отраженные огни раскачиваются ветром и снующими от причала к причалу катерами. Порт живет. Приходят и уходят в море суда.

Ближайшему судну нужно идти догружаться в Одессу; сейчас оно наполовину в балласте, а при

таком ветре выйти из гавани — дело рискованное. Свести риск к минимуму — дело лоцмана. Тому, кто встанет сейчас на мостике рядом с капитаном, хорошо известно, что значит в такую погоду «раскантовать», развернуть судно в узкой гавани носом на канал. Парусность, инерция — законы физики неумолимы; малейшая ошибка в расчете, поспешность или нечеткая реакция могут дорого обойтись. Нужно предвидеть неожиданности и трезво оценить ситуацию. А она не проста: справа — громада дока, слева далеко выдвинули мощные форштевни три океанских судна. Работая с гигантами, лоцман должен быть ювелиром.

Старшему лоцману Александру Саенко едва за тридцать. Учебного заведения, готовящего лоцманов, не существует; ими становятся опытные судоводители, имеющие склонность к этой ювелирной работе. И потому в биографии Саенко все кажется ясным, если, конечно, не считать молодости в связи со столь ответственной работой. Но «за кормой» у него судоводительское отделение Ленинградской «мореходки», рейсы четвертым, третьим, вторым помощником, тысячи миль, приходы и отходы, швартовки в чужих и своих портах. Он из тех, кто «нюхал море» с мостика, входил в незнакомые гавани, всякий раз напряженно сжимая ручку машинного телеграфа, и вот теперь — Ильичевский порт. Ученик лоцмана, лоцман, старший лоцман...

С ходового мостика Саенко приказывает буксировщику отводить судно от стенки. Отдан последний швартов, но ветер, точно ждавший этого, с новой силой уперся в высокий борт. Нос поспело на док. В арсенале лоцманских средств было в

этот момент только одно, способное отвлечь беду. Реакция Саенко мгновенна:

— Отдать якорь!

Якорь летит вниз, грохоча железом по стальному клюзу. Самое опасное — навал' на док — миновали. Но работа только начинается — судно по-прежнему стоит кормой на канал. И вновь команда с мостика дать полные обороты машине буксировщика; теперь на малых оборотах ему помогает своими машинами судно. Но ветер усиливается настолько, что якорь не держит нос; судно продолжает движение бортом. Лоцман приказывает включиться в работу второму буксировщику. С трудом преодолевая силу ветра, они вдвоем медленно, метр за метром, разворачивают судно носом на канал...

Провожать суда хорошо, стоя у красно-белой колонны маяка. Это еще не море, но уже и не порт. Пока идешь по длинному бетонному брекетеру к маячному огню, постепенно погружаешься в другой мир: словно уходя куда-то, стихает железная симфония порта, только движется, все отдаваясь, огоньки, и скоро остается лишь звук шагов по бетонным плитам да всплески воды у самых ног.

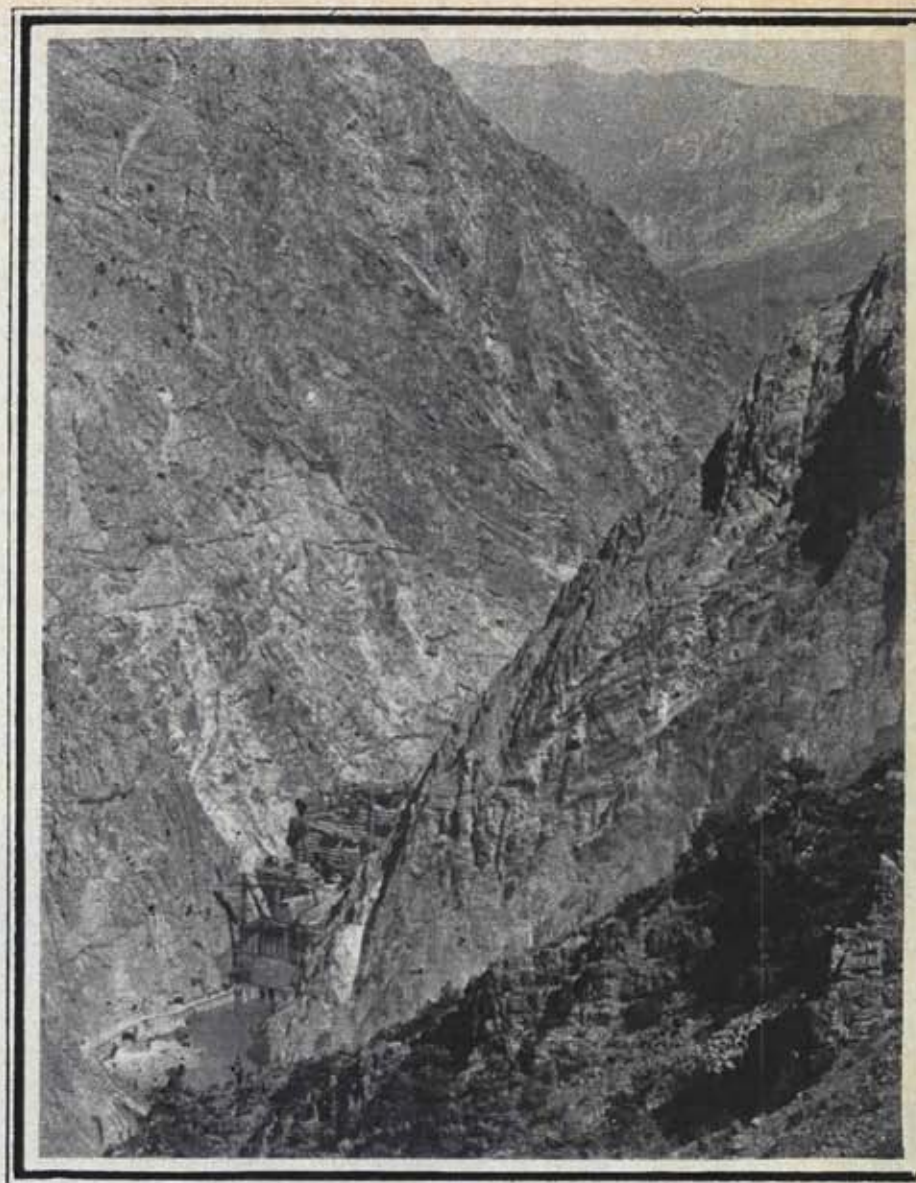
К тишине ночи со стороны порта приближается гул работающих двигателей. Проплывает силуэт огромного судна. Огни палубной надстройки пригущены, горят только ходовые. В кильватере всплывает невидимую воду катер. Там, в море у приемного буйа, он снимет с борта лоцмана — последнего из провожающих, кто пожелает счастливого плавания судну, уходящему из порта в далекий рейс.

В честь XXV съезда КПСС бригада Анатолия Андреева, лауреат премии Ленинского комсомола Киргизии, приняла повышенные обязательства:

- — возвести досрочно, к концу года, левый берег плотины до проектной отметки гребня. В связи с этим члены бригады обратились ко всем комсомольско-молодежным коллективам Токтогульской ГЭС включиться в соревнование за право первыми поднять флаг на гребне плотины;
- — достигнуть выработки под опалубку на одного человека 6 тысяч кубометров бетона вместо положенных по плану 5 200 кубометров;
- — в завершающем году пятилетки увеличить бригадную выработку на 15 процентов;
- — все работы вести только с хорошим и отличным качеством.

Алим БАБЕТОВ,
заведующий отделом рабочей и сельской молодежи газеты «Комсомолец Киргизии»

СКАЗАЛЫ

— Здравствуй, малыш!
— Здравствуйте...
— Как тебя зовут?
— Толя Толич, а папу Анатолий Андреев.
— Ясно. А кем папа работает?
— Гэсовщиком. А вы?
— Как тебе сказать, вот разговариваю с тобой, потом пишу.
— Значит, разговорщиком? А какая буква, которая смеется?
— Наверное, «ю»!
— А я думал «ха» или «хи».
— Вполне возможно. Ну, а где твой папа сейчас?
— Там, на ГЭСе, где сильно-сильно высоко. Он всегда там, а меня только один раз туда на праздник брал. Там ветер злющий, а папка мой его не боится.
— Ну, спасибо тебе, Толя Толич. Я поеду к твоему папе и передам от тебя привет. Хорошо?
— Ладно...
Машина трогается, а на крыльце небольшого дома остается чуть наспившийся Толя Толич. Он машет рукой...

В комитете комсомола слова сына Андреева, что его отец «там, на ГЭСе», подтверждает начальник штаба стройки Эдуард Супранов.
— Верно, Анатолий на створе. Они работают в первую.
Ехать на створ в самый разгар смены не имеет смысла — прошлогодний опыт подсказывал. В тот раз встреча с Андреевым была мимолет-

ной. Над шатром плотины гудел неистовый ветер. Ребята только застучали на смену — и сразу каждый включился в ритм работы.

Анатолию было не до «праздных» разговоров. Извинился и занялся делом. Тогда я попробовал поговорить с ребятами. Они тоже пожали плечами — некогда.

Хотя у меня не было желания и носа показывать из шатра, пришлось по хлюпкой грязище (ветер был с мокрым снегом) добираться до туннеля, где стояли утепленные автобусы. Уже на полпути я бросил взгляд на шатер: там, на высоте, монтажники закрепляли сорванные концы брезента...

Супранов меня не узнал. Ничего удивительного: начальник штаба один, а журналистов разных рангов на Токтогулке побывало множество. Сам он мне показался совсем другим, чем год назад. В тот приезд зима обрушивала на небольшой поселок хваткие морозы. В комитете комсомола никто не снимал верхней одежды. И Супранов — в шубе и мохнатой ушанке — был схож с эдаким типичным сибирским медвежатником. А сейчас, аккуратно причесанный на пробор, в ладно сшитом костюме, Эдуард напоминал подающего надежды аспиранта.

Насчет аспирантуры разговор не заводили. Я знал, что за плечами этого паренька Красноярская ГЭС, которую он строил, возглавлял там штаб. Не первый год на Токтогулке.

Мнение, слова Супранова весомы. Что скажет он об андреевцах?

— Сказать просто — отличные ребята, — начал Эдуард, — делают отлично свое дело — значит, ничего не сказать. Вам, журналистам, выдавай что-нибудь характерное, выпуклое, что ли... А тут сразу и не ответишь. Видите ли, Андреев сумел создать в своей бригаде какой-то особый микроклимат взаимопонимания. И его не просто уважают, а и любят чисто по-мужски. Есть у него талант быть понятным каждому. И сам понимает каждого. Может, это идет от его простоты, уравновешенности характера, от знания людей? Появись он в любой компании, где многие его не будут знать, он сразу становится «своим». И без всяких эффектных внешних проявлений. Так просто зайдет, и всем становится хорошо. И в работе он таков, что позавидуешь.

— И все-таки, Эдуард, как заметил Лев Толстой, человек без тени не бывает...

— Тени... Возможно. Но в данном случае не могу привести примера. А потом — Анатолий у всех на виду. Если б что... В общем, сами познакомьтесь, поговорите.

Прежде чем встретиться с Андреевым, я запасся еще двумя мнениями. Говорили ребята из его бригады. Энвер Джалилов:

— Я пришел в бригаду, можно сказать, ничего не зная. Ну, а сейчас другое дело. У нас в бригаде все двумя-тремя профессиями владеют.

Многие учатся. Я тоже — в политехническом. А вообще-то курс рабочего прошел у бригадира. Ребята помогли. К примеру, Сервер Фатеев. Поможет в любом деле. А бригадир у нас очень принципиальный. Безделья вообще терпеть не может.

Поначалу как бывало: захочешь, скажем, удлинить перекур, баланду потравить — подойдет Анатолий. Посмотрит. Возьмется сам за твою работу. А тебя в этот момент всего воротит. Смелости наберешься — извинишься, нет — долго будешь мучиться. Ну, а кто сам не поймет, бригадир поговорит как надо.

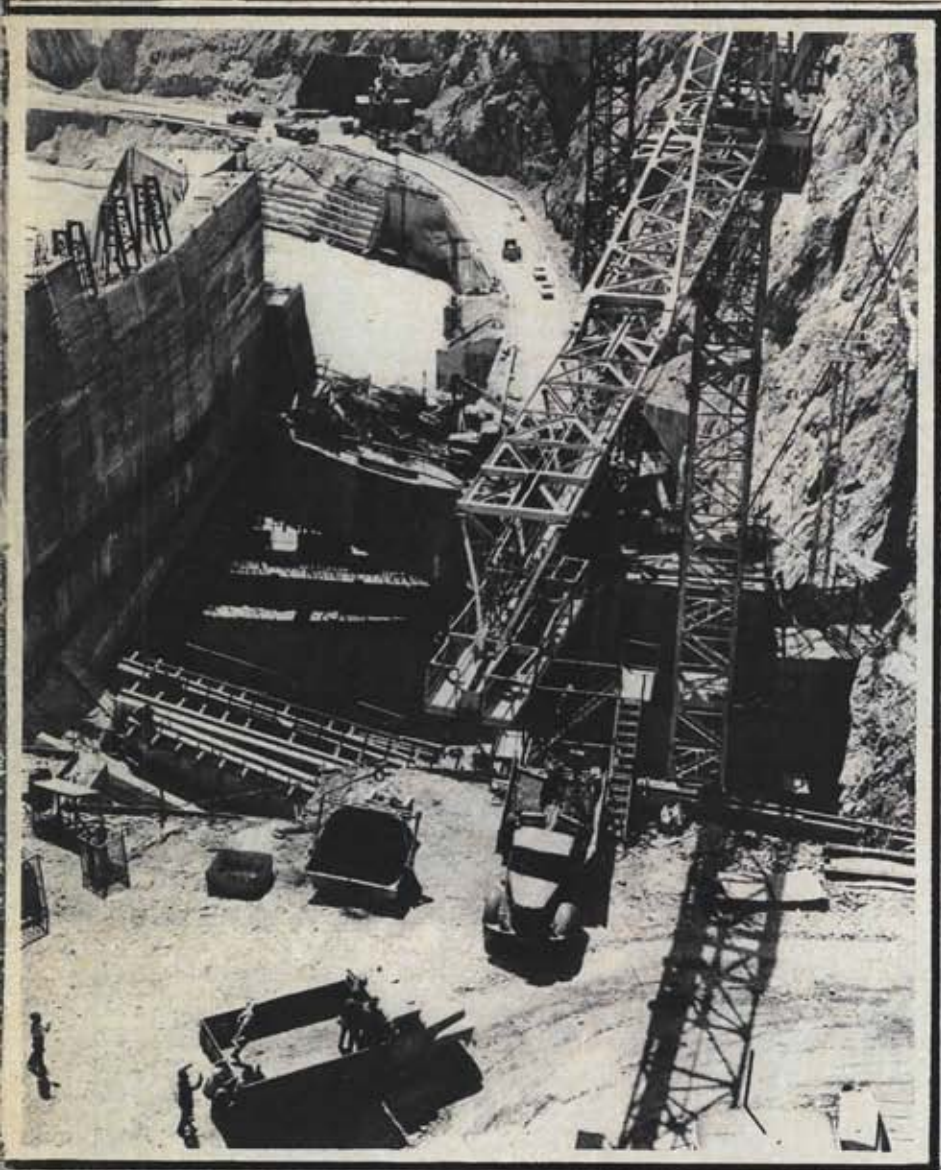
— Энвер, закончишь институт...
— ...Останусь, конечно, здесь. Жаль только, что придется уходить из бригады!.. Но все равно мы будем вместе здесь, на Токтогулке.

Анатолий Усманов:

— Знаете, есть такие люди, о которых говорят: весь доброта. Так вот Анатолий из них. Только у него нет абстрактная доброта, когда человек людям на словах мил и дорог, а на деле палец о палец для другого не ударит. Нет, у Андреева действующая, атакующая, что ли, доброта. Если бы не Анатолий и его бригада, скажу, положила руку на сердце, не врос бы я всеми корнями в Токтогулку...

Попадаешь в туннель и волнуешься: какая она сейчас предстанет перед тобой, Токтогулка?

Несколько минут, и ты в этом, не раз описанном, виденном на фото-

совместной службе в армии. Путь-ки дали.

Приехали сюда. Побродили вдоль Нарына, послушали свист ветра, и хоть небо было высоким и безоблачным, горы показались нам безжизненно-угрюмыми. Сомнение у нас появилось: можно ли здесь что-нибудь строить? Одна дорога чего стоит.

Что делать? Наши пожитки нехитрые. Выход нашли очень удобный — подаваться с этих мест туда, где пониже, потише да поуютнее. Вспомнили Фрунзе, завод. И к чему надо было нам тащиться сюда? Вот и вся романтика! Она хороша, думали мы, когда сидишь в тепле у приемника и слушаешь песни про голубые города, про тайгу и палатки. А на деле она вон какая. И ведь не на месяц-два, а на целые годы ты должен здесь возводить с «нулевого цикла» свою голубую мечту.

Так что ж — уезжать? Но всем своим нутром чувствовали: не то делаем. Может быть, главное в жизни с плохого начинаем — с отступления. Остались.

Все говорят, что начинать трудно. Оно так и есть. Сейчас вспомнить смешно, как я сваривал трубы большого диаметра. Переход надо было выдержать под углом 90 градусов. А как? Расчетов не было. Поэтому взял обыкновенный толь. Сварачивал, прочерчивал линию мелом, разрезал. В общем, как портной, по лоскуточкам вымеривал металл и варил.

Это сейчас смешно, а тогда не до смеха было: стройка только начиналась. Все мы учились у нее.

У нас существует правило: предстоящую работу обсуждаем вместе. Это правило дает нам возможность выполнить задание добротнее и быстрее; кто-то подает идею, начинаем обмозговывать. Смотришь, можно внести и свои коррективы.

А потом у нас здесь на стройке грани между рабочими и специалистами стираются. Хотя бы по той про-

Ответственность чувствовали и чувствуют ребята. Это тоже объединяло. Именно так рождался наш коллектив. И, я думаю, он у нас сложился. Во многих молодежных бригадах Токтогулки он сложился. Возьмите, к примеру, бригады Николая Еланского, Юрия Пиляцева.

И не только на работе. Вместе собираемся по вечерам. Отмечаем знаменательные события. Или взять шефство над школьниками. Они на створе — наши гости, мы — у них в классах. Пополнение в бригаду и на стройку с этой школы пришло. А сейчас мы взяли новый класс...

Вот нас часто спрашивают: учимся ли мы, ведем ли общественную работу? Так это само собой разумеется. Как же иначе? У нас каждый имеет нагрузку. Сейчас все перечислять — времени не хватит. А почему? Я бы ответил так: по Уставу партии, по Уставу ВЛКСМ и по уставу нашей сегодняшней жизни так положено.

Как можно жить по программе: дом — работа — дом? Да если я куркулем буду сидеть дома, меня жена выгонит. Кстати, пойдемте ко мне. Танюша заждалась. Угощу вас черным кофе и царской рыбой. Форель — сам нарыбачил.

Сумерки над Кара-Кулем опускались рано. Поселок затих, а там, на створе, шла обычная работа.

С Токтогулки я уезжал поздним вечером. Когда позади были встречи с этими удивительными ребятами, которые вместе вот уже десять лет.

Один из последних вопросов, который я задал Андрееву, был, пожалуй, слишком прямолинейным: «С кем ты, Анатолий, если потребуется, пойдешь в разведку?» Он, как обычно, не спешил с ответом. После продолжительной паузы сказал:

— Да у меня, если считать, пальцев на руках не хватит.

Но я все-таки настоял. Дал Анатолию блокнот, и он сам написал фамилии: «Сервер Фатеев, Александр Та-

И ЛЮДИ

графиях и на экранах кино узком каньоне. Первое волнение рождает сравнение: Токтогулка — уникальный памятник. Не просто ГЭС, а памятник, который воздвиг себе каждый, кто здесь работает. Эта впаляющая, на зло всем ветрам, в скалы бетонная громадина знает тысячи имен.

Она будет стоять века. И, может быть, вот та девчонка в костюме цвета хаки, которая, шально смеясь, бежала наперегонки с нашим «Москвичом», когда-нибудь приведет сюда своих внуков. Приведет и скажет: «Здесь в семидесятых годах прошлого века прошла моя молодость, здесь начинались первые строки моей трудовой биографии...»

В Комсомольске-на-Амуре я видел, как рос по часам величественный Дворец молодежи, который строили юноши и девушки со всех концов страны; на Капчагайской ГЭС был свидетелем пуска первых агрегатов, в Темиртау восхищался «Станом-700»; в Амурске и Солнечном любовался ажурными этажами зданий среди первозданной тайги... Словом, были встречи с тем, что мы называем героической летописью современности.

И вот Токтогулка. Не меня первого поражает она своей грандиозностью. И хоть сам ты не вложил и толики труда в ее создание, все равно в эти минуты, находясь на высоте плотины, чувствуешь себя счастливым. Хотя бы из-за того, что здесь был, знал в лицо, по имени лучших ее людей. Знал, как нелегко росли

среди этих древних скал, рассеченных буйным Нарыном, ее «этажи». Каждый метр и даже сантиметр плотины — героизм, подвиг наших современников, о которых еще будут сложены песни, написаны книги.

Можно стоять не только минуты, а и часы здесь, на высоте, слушая эту волнующую симфонию человеческого труда. Но кругом люди, которые строго ведут счет этим минутам, часам. В таком деловом ритме, что зевать просто-таки неприлично.

Кто побывал здесь более десяти лет назад, знает, как встречала будущих строителей ГЭС. Точнее, не ГЭС, а место под будущую ГЭС: палатки и дерзкие по своим масштабам планы проектировщиков.

Вот что рассказывает об этом один из пионеров Токтогулки, ныне лауреат премии Ленинского комсомола республики, бригадир комсомольско-молодежной интернациональной бригады Анатолий Андреев.

— Одиннадцать лет назад, демобилизовавшись из армии, приехал я во Фрунзе. С двумя своими сослуживцами устроился на завод. Работали с месяц полегоныку: и с общежитием непорядок был, и с настроением неважно. Услышали о Токтогулке. Подали заявления «по собственному желанию». Пожалуй, эффект романтики сработал.

Все трое — в горком комсомола: дайте путевки. Мне дали, а однополчанам нет: не комсомольцы. Я за них поручился: мол, знаю по

стой причине, что стройка наша уникальная. И все, разумеется, проектом не предусмотрели.

Впервые в стране мы, например, применили бескрановый метод сплошной укладки бетона. Переоборудовали для этого машины, которые и назвали «Нарынцами».

Главный технолог Владимир Дмитриевич Бушман не гость в бригаде. Он постоянно решает все вопросы непосредственно в бригадах. У нас с ним самая что ни на есть прямая связь. Свои задумки Владимир Дмитриевич проверяет на деле у нас. И тут происходит то, что мы называем творческим содружеством.

Много полезного ребятам дал и наш мастер Леонид Ивченко, да и у других специалистов мы многому научились.

Осваивали новые профессии — смежные. С самого начала получилось так, что вся наша работа была построена на интересе. Ребят объединял сам дух стройки. Каждый из нас знал, что будущая ГЭС будет вырабатывать 4 миллиарда 400 миллионов киловатт-часов электроэнергии. Что Токтогулка увеличит доходы народного хозяйства Киргизии и Узбекистана более чем на 430 миллионов рублей. Водохранилище поможет оросить 400 тысяч гектаров новых земель, и еще 900 тысяч гектаров не будут страдать от нехватки воды даже в самые засушливые годы. Одно только это за два-три года полностью окупит стоимость строительства.

наев, Константин Юшко, Виктор Андреев, Алик Сарымсаков, Бейшен Асанбеков, Энвер Джалилов, Вахит Абдрахманов, Хатиф Усманов, Владимир Катков, Эниш Токторбаев, Анвар Сантгиряев, Макшыбек Дубакаев, Владимир Дмитриевич Бушман, Леонид Ивченко, Мамысалы Сабилов...»

Я думаю, вопрос, заданный Анатолию, был не праздный.

На него походя не ответишь. Именно наугад не назовешь. Генерал-лейтенант в отставке А. Д. Окорочков в своей рецензии на книгу В. Кочеткова «С кем ты пойдешь в разведку» писал: «В разведку, в бой идут люди, не потерявшие чувства локтя, способные пожертвовать собой ради товарища. И во время войны и во время мирного строительства нам всегда помогали дружба и взаимопомощь советских людей, которых воспитывает наш социалистический строй».

К ответу Андреева я бы добавил, что каждый, кого он называл, пошел бы с ним в разведку.

— Ну, что ж, Толя Толч, давай прощаться.

— Давайте.

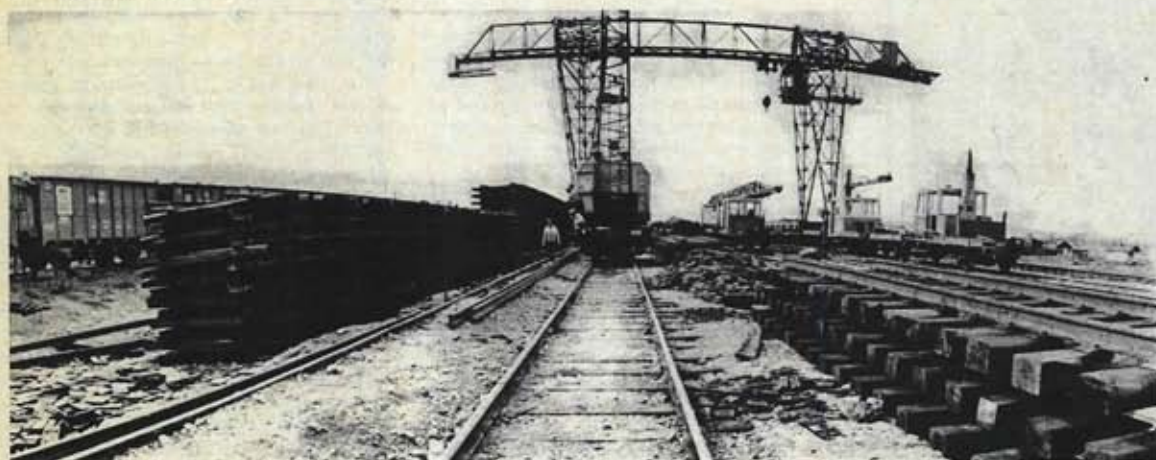
— Кем будешь, когда вырастешь?

— Гэсовщиком.

— Молодец!

Из Кара-Куля провожало меня ночное небо, бархатный лоскут которого, утыканный крупными жемчужинами южных звезд, был неровно очерчен черными вершинами скал.

Виктор КАСТОРНОВ,
старший инженер ГлавБАМстроя
Министерства транспортного
строительства

СТАНЦИЯ БАМ. ЗДЕСЬ СШИВАЮТ ЗВЕНЬЯ ДЛЯ БАЙКАЛО-АМУРСКОЙ МАГИСТРАЛИ.

ТЫНДА. КОГДА НАШ ФОТОКОРРЕСПОНДЕНТ БЫЛ ЗДЕСЬ, ЭТОТ ДОМ ЕЩЕ СТРОИЛИ СЕЙ-
ЧАС ОН УЖЕ ПОСТРОЕН.

Почти три года назад у маленькой восточной станции Бам раздался мирный взрыв. Они возвестили второе рождение соединительной ветки Бам — Тынды и рождение всей Байкало-Амурской магистрали. Тогда, три года назад, только старожилы помнили, что до войны на линии Бам — Тында уже бегали поезда и вот-вот должно было начаться сооружение от Тынды — географического центра магистрали — дороги на запад до Тайшета и на восток. Но началась война. Рельсы с только что построенной ветки сняли и отправили под Сталинград, на строительство Волжской рокады. Тайга поглотила земляное полотно, и даже на останках железобетонного моста, недалеко от станции Бам, выросли чахлые лиственницы.

И вот сейчас, в 1975 году, снова пришли поезда от Бамы до Тынды.

Строители Байкало-Амурской магистрали, обсудив решения декабрьского (1974 г.) Пленума ЦК КПСС, обязались в честь юбилея Великой Победы досрочно сдать 30 объектов БАМа, и в том числе на пять месяцев раньше срока открыть рабочее движение на участке Бам — Тында. И в этом ударном трудовом обязательстве глубокий смысл: сыновья и внуки солдат продолжают дело, начатое отцами и дедами.

В Тынде, как, пожалуй, нигде на магистрали,

видны все этапы могучей стройки: от предварительных изысканий, рубки просеки, сооружения баз стройиндустрии до укладки рельсов.

На Малом БАМе, как и на Большом, нет легких километров. У них есть одна особенность: километры Малого БАМа я бы назвал экспериментальными. На них приобретается опыт для выхода на БАМ Большой. Впрочем, роль этого участка не только в том, чтобы ускорить строительство Большого БАМа и выйти к консумируемому углю Южной Якутии, ориентировочные запасы которого составляют сегодня десятки миллиардов тонн. Эта железнодорожная ветка сократит знаменитый АЯМ — Амуро-Якутскую магистраль, автомобильную дорогу, обеспечивающую грузами весь Север. Введение в строй дороги до Тынды даст около трех миллионов рублей экономии в год на автоперевозках, не говоря уже о выгодах более отдаленных.

Малый БАМ передает строителям, идущим следом, уникальный опыт. Это как бы генеральная репетиция перед большим наступлением. И важно сегодня извлечь из опыта строительства Малого БАМа максимальную пользу. Этот опыт нужен не только транспортным строителям, но и проектировщикам и предприятиям-поставщикам. Вечная мерзлота «выдала» массу сюрпризов, которые предусмотреть ранее было нельзя. Инженеры Мосгипротранса не раз пересматривали проектные решения, увязывая их с условиями рельефа и данными геологии. В Тынде, к примеру, жилой микрорайон был предварительно запроектирован на свайном основании, а строят его сего-

дня на обычных ленточных фундаментах. И строят с успехом. Большие средства, а главное, время сбережены.

Однако не все проектные организации быстро принимают оптимальные решения. Гипропромтрансстрой, Главстроймеханизация и в какой-то степени Главмостстрой очень часто предлагают такие конструкции, которые предприятиями не изготавливаются или давно сняты с производства. Общежития в Тынде запроектированы той серии, конструкции которой предприятиями транспортного строительства сегодня не выпускаются. Значит, остается один выход: индивидуальное изготовление. А стало быть, на малый объем надо готовить опалубку, арматуру и т. д., что резко удорожает строительство. Дело доходит до курьезов. Лестничные площадки и марши для общежитий, заложенные в проекте, управление «Бамстройпуть» пыталось заказать на разных предприятиях страны, но везде получило ответ: такой тип не выпускаем! И результат: заканчиваются отделочные работы, а маршей и площадок пока нет.

Напрасивается само собой решение: в управлениях строительства надо создавать свои предприятия стройиндустрии, которые бы изготавливали все необходимые мелкие конструкции как для капитальных сооружений, так и для временных. Плиты для балконов и карнизов, различные перемычки, те же самые лестничные марши и столлярные изделия с успехом можно изготавливать на месте, не тратя деньги на транспортные расходы и время на поиски поставщиков.

Или взять такой отнюдь не маловажный вопрос, как отопление жилых поселков. В Тынде сначала пошли по пути «протопанней и легче»: сооружали печи из кирпича. Во-первых, кирпича потребовалось большое количество, во-вторых, его надо было везти по тайге за двести километров, и, в-третьих, натопить помещение, когда на улице минус пятьдесят с ветром, не просто.

Одним словом, от печей и истопников при них отказались. В Шимановске построили котельную, уложили временные теплосети и подключили все дома к центральной котельной. Так же поступили в Тынде и в Аносовском. Путь радужный, но для временных поселков дорогостоящий.

Есть другой выход из положения, учитывая, что котлы и котловое оборудование не всегда подходит к суровым бамовским условиям. Вместо обычных котлов можно использовать... паровозы. Паровозные котлы просты в обслуживании, экономичны и высокопроизводительны. Нужно только построить железнодорожный путь к месту стоянки паровоза, теплосеть и развести воду по объектам. Причем нет необходимости сооружать над паровозом крышу, тратить время на устройство котельной. В этом случае нужна только договоренность между министерствами транспортного строительства и путей сообщения.

Ситуация на любой стройке, а тем более на такой, как БАМ, меняется быстро. В этом году объем работ только на Амурском участке увеличился по сравнению с прошлым годом в три раза. Чтобы ускорить строительство, нужна высокопроиз-

генеральная репетиция

водительская техника. Нужны такие машины, экскаваторы, бульдозеры, которые способны действовать при низких температурах. Завел мотор, нажал кнопку — машина заработала. Бам — Тында — это как бы испытательный полигон для техники, которой приходит довольно много и разных типов.

Станционные сооружения в Тынде водружаются на сваи, так как рядом марь. Мощная виброударная машина, созданная Рижским ремонтно-механическим заводом, по идее должна быть машиной № 1. Без нее действительно как без рук, так как на сваи придется сооружать сотни объектов. Четыре опытные машины, присланные рижанами, за два с лишним года смогли пробурить две скважины до пяти метров непроентного диаметра. Поясню, что скважина под свайное основание бурится на глубину до четырнадцати метров и диаметром 450—500 миллиметров.

Машина заводом дорабатывается. Но сколько же еще нужно времени машинистам, и когда она заработает на БАМе? Без этой машины сегодня в той же Тынде нельзя приступить к строительству вокзала, Дома связи и других служебно-технических зданий. Хотелось бы, чтобы комсомольцы Рижского ремонтно-механического завода взяли под свой контроль усовершенствование ви-

броударной машины, выпустили ее с высоким качеством и повышенной надежностью.

Механизаторы, работающие на БАМе, ждут, что представители заводов, производящих землеройные машины, внимательно отнесутся к их замечаниям. Не секрет, что все марки экскаваторов, поступивших на Бам, требуют большой доработки. Бульдозеристы пока только мечтают о машинах, способных разрабатывать вечномерзлые сыпальные грунты в северных условиях.

Комсомольцы промышленных предприятий, выпускающих технику для земляных работ, должны обратить самое пристальное внимание на типы машин и механизмов, специально приспособленных для стройки века. Только ускорив земляные работы, мы сможем построить линию Бам — Тында — Беркамит досрочно, с хорошим качеством.

И последнее. Скоро на карте страны появятся десятки новых железнодорожных поселков. Они вырастут вдоль трассы магистрали. Проектировщики предложили ставить поселки в расчете на сорок семей. Конечно, если бы рядом был крупный или даже средний город, такое решение понятно. Но представьте таежные пространства и

эти карликовые железнодорожные «полудеревни». Думается, что невесело будет жить в них железнодорожникам. И опыт Транссибирской магистрали это подтверждает. Поселки строили через двенадцать километров. Построить-то их построили, но люди из них ушли.

Мне кажется, что разумнее на трассе БАМа строить достаточно крупные станционные пункты со школами и стадионами, клубами и детскими комбинатами. А вдоль трассы построить «автоколею», чтобы путевцы могли на мотоцикле или автомобиле обслужить свое хозяйство.

...14 сентября 1972 года тепловоз № 1272 подтолкнул платформу со свежесшитыми звеньями, и бригада Ивана Зелицкого уложила «серебряное» звено на Малом БАМе. Давно позади самые трудные первые километры. Вперед — путь не менее трудный: через тайгу, реки и хребты надо пройти тысячи километров. Первые десятки километров ветки Бам — Тында дали бесценный опыт организации работ в суровых условиях Восточной Сибири. Важно сегодня этим опытом по-хозяйски распорядиться.

Письма с магистрали

Реперный знак № 1

Мы живем в поселке Чульман. Вы, наверное, слышали это название — неподалеку будет северная точка Байкало-Амурской магистрали. Давно мы мечтали об этой дороге. И не только мы.

В верховьях реки Алдан, в 160 километрах на юго-запад от поселка, мы обнаружили реперный знак, фотографию которого посылаем: еще в 1931 году в этих местах шло изыскание железной дороги Большой Невер — Лена. Сорок четыре года простоял этот репер, сорок четыре года назад проходили здесь смелые, мужественные изыскатели трассы. Даже в наше время в эти места добраться очень сложно. А тогда...

Спасибо им, смельчачкам-изыскателям. Они мечтали о дороге и думали о будущем страны, о будущем Якутии.

А. АЛЕКСЕЕВ, В. ЧИКИШЕВ,
работники Чульманской ГРЭС

Раздумья после аплодисментов

Нашему управлению вручили переходящее Красное знамя за первое место в социалистическом соревновании. Торжественный, радостный это был для нас день.

Долго мы шли к нему. По крупицам добывали наш опыт. Создали собственную схему и технологию разработки выемок в условиях вечной мерзлоты. В течение двух лет управление не выполняло годовых заданий. Но задание 74-го мы выполнили к началу сентября — управление окрепло, вошло в ударный ритм. Занятые трудностями разработки перевальных выемок, мы стали работать синхроннее, оперативнее, хотя наступившие морозы затрудняли действия механизаторов.

Практика показала, что если глубина выемки в мерзлых грунтах составляла восемь — десять метров, то проектировать ее разработку надо в два горизонта с таким расчетом, чтобы нижний горизонт был высотой два — четыре метра. Это ускорило темпы нашего движения вперед.

Но без сюрпризов не обошлось. Выемка на 97-м километре трассы Бам — Тында была уже почти пройдена, когда обнаружилось, что она пересекает водоносные горизонты: объем разрабатываемых пород увеличился вдвое. Здесь сказались недостаточная изученность участка при геологических изысканиях.

И все же мы одолели этот километр, сейчас идем дальше. Но не так споро, как хотелось бы. Дело в том, что вся буровая техника взрывников изрядно потрепана. Уже сейчас бывают случаи, когда из двадцати буровых установок БТС-150 не работают три четверти. Запасных частей нет.

Оставшиеся в строю установки потребностей стройки удовлетворить не могут. А стройка набирает темп, мехколосники вводят в бой свежие силы. Мы не хотим подводить товарищей, но нашего желания мало. Необходимо обоснованное техническое обеспечение.

Владимир ОМЕЛЬЧЕНКО,
геодезист СУ-87

«Смене» отвечают

«Москнига»

В статье «Поглядим на дорогу» («Смена» № 23 за 1974 год) строители Байкало-Амурской магистрали высказали претензии в адрес московского книжного магазина «Молодая гвардия».

Проверка, проведенная комиссией Московской городской конторы книжной торговли, показала, что факты, изложенные в журнале, подтвердились. Научно-технический отдел магазина, которому было поручено комплектование заказанных книг, недобросовестно отнесся и порученному делу: в литературу по технике были вложены книги, которых строители БАМа не заказывали, допущены неточности в оформлении документации заказа.

За безответственное отношение и комплектование заказа для строителей Байкало-Амурской магистрали администрация «Москниги» объявила выговор заведующей научно-техническим отделом тов. Дудкиной Л. Р.; директору магазина «Молодая гвардия» тов. Замановой Л. А. объявлено замечание за отсутствие контроля в данном вопросе.

Директор «Москниги» С. ПОЛИВАНОВСКИЙ,
секретарь парткома В. СЕМЕНОВ

Мы приносим извинения строителям БАМа за недобросовестное отношение работников магазина «Молодая гвардия» к своим обязанностям. Мы уже сообщили строителям, что готовы заменить не устроившие их книги на другие, нужные им. Почтовые расходы будут оплачены магазином.

Начальник отдела организации
торговли «Москниги» Л. ПЕТРОВА

"Ждет нас глас"

Сосны

Напряженно вглядываясь в дали,
за собою чувствуя тайгу,
век вот эти сосны простояли
на покато камском берегу.
Тихие участницы маевок,
нам они поведать могут,

как
прятали не раз от глаза злого
бунтарей

в подземных тайниках.

Кама...

Мрак.

Беззвучны взлеты весел,
и баркас жандармский — за спиной.
— Прягай, Яков!

Добрались до сосен,
и — ищи-свищи во тьме ночной.
Юность века!

Ты вернулась снова
отдаленным эхом из тайги,
трубным басом Якова Свердлова,
кровью Борчанинова Луки.
И октябрьской стартовой ночью
бор сосновый тихим быть не мог:
подсобив путиловским рабочим,
ухал Мотовилихи гудок.
А потом меж сосен, что смолою
огневых оплакали бойцов,
выросли колчаковской зимою
штабеля раздетых мертвецов.
Сосны, сосны...

По коре закатной
с той поры смола, как кровь, течет...
Сделай скрипку из сосны закамской —
без смычка, пожалуй, запоет.

Михаил СМОРОДИНОВ,
производственный мастер,
участник VI Всесоюзного
совещания молодых писателей

У нас часто, представляя читателю того или иного поэта, говорят прежде всего о его профессии. Он, мол, рабочий человек, с трудной биографией, хорошо знает жизнь. Об этом, конечно, нужно говорить, но необходимо и помнить, что знание жизни, рабочая биография не дают права молодому поэту писать слабо, а нам — делать определенную скидку на неопытность, занижая общелитературные критерии.

Михаил Смородинов тоже имеет рабочую биографию — закончив авиационный техникум, он долгое время работал мастером на заводе, — но в данном случае мы говорим в первую очередь о его поэтическом мастерстве, о его работе в поэтическом цехе. Он чувствует слово, ищет и старается найти самое нужное. Историзм и современность в слове с личностью, с лиричностью, свойственными складу стихов М. Смородинова, отличают их в большом потоке сегодняшней молодой поэзии. От этого поэта в будущем можно ждать многого; жизнь, которую он знает не только по книгам, раскрывает перед ним широкие горизонты для творчества.

М. Смородинов был участником VI Всесоюзного совещания молодых писателей, которое рекомендовало книгу его стихов издательству «Молодая гвардия». Настоящая публикация — первое серьезное знакомство всесоюзного читателя с творчеством молодого поэта.

Владимир ФИРСОВ,
лауреат премии Ленинского комсомола

Поздно

Поздно...
Слишком поздно я понял
двойный смысл этого слова.
...Было поздно.

И стрелки часов,
как ракеты, нацелились
в звездный зенит.
Постовой на углу,
разглядев мой потрепанный ватник,
со значеньем погладил
оттопыренную кобурку.

А какой-то рассеянный, поздний
прохожий,
наступив моей тени на голову,
не извинился...
Не обиделась тень,
на крыльцо поднимаясь твое.
А в подъезде темно:
кто-то лампочки вывернул, чтобы
на ступеньках сидеть
и во тьме поцелуй срывать.
Коммунальный сезам!
Опоздали мои заклинанья.
Только в сказке, увы,
так легко открывается дверь.
А за дверью моей констатируют:
«Поздно!»

Эхом этому «поздно»
вторит голос чужой.
А откуда он там! Может,
тень-торопыга
просочилась сквозь стены!
Мы с нею спешили к тебе...
Я спустился на ощупь,
как ночью ходил по распадам.
У крыльца — там фонарь —
поджидала меня моя тень.
Мы пошли наугад, не сказав
ни полслова.

Что слова, если тенью
стало прежнее чувство твое.
Ты прости, что живу
и назло тебе стану счастливым.
Или, может, не стану.
Это дело мое.

Дед

Не клад стотысячный,
не пруд
с зеркальным карпом и помещьем —
дед завещал нам, внукам,

труд,
считая праздность за бесчестье.
И вот представил я опять,
как дед, благословив домашних,
поехал в поле умирать,
весь почерневший, будто пашня.
И въявь

я вижу тот рассвет:
лошадка тянет плуг по кругу,
и пашет землю мертвый дед,
повиснувший на ручках плуга.

ВНУТРЕННИЙ ПЕРЕВАЛ

Дремучий лес, где дремлют тайны,
где хвойный запах так остер,
вдруг распадется, словно ставни,
над окнами лесных озер.
Блестят они, как стекла в рамах.
Зеркально в них отражены
и небо в реактивных шрамах,
и ломтик тающий

луны,
и замерший, как изваянье,
лось с патриаршей бородой,
и утренний парок дыхания
над черной пристальной водой,
изнанка листьев цвета охры...
И думается мне подчас,
что сквозь лесные эти окна
Земля разглядывает нас.

Предзимье

Плоды рябины потеряли горечь.
Морозец утром, как вино, бодрит.
На лиственнице, вставшей на угоре,
как яблоки,

алеют снегири.
Лучится иней первозданной синью,
и в птичьих песнях —
радость и азарт,
и так прозрачен ясный день предзимья,
что сквозь него просвечивает
март.

Суровая, задумчивая родина,
край щедрых недр
и родниковых вод,
Урал...

Здесь у лесных ручьев
смородина,
моя однофамилица,
цветет.
Медведица Большая в небе
светится,
лукаво наблюдая по ночам,
как учит лапой
бурая медведица
своих лохматых непутевых чад...

Пусть в самый черный день
останусь без подмоги.
Изменит друг.

Уйдет любимая, кляня,—
не буду все равно
на свете одиноким,
покуда на земле
есть мама у меня.
И глаз ее тепло
и добрых рук прохлада
прогонят боль и грусть,
сердечный снимут шок.
Все будет хорошо,
покуда мама рядом,
покуда мама есть,
все будет хорошо.
Из всех чудес в одно
я верую упрямо —
в неоновой глуши,
под ливней перепляс,
на площади ночной,
как в детстве, крикну:
«Мама!» —
сто тысяч окон
распахнутся враз.

Перевал

Незримый, ждет нас главный перевал,
тот, в граждан превращающий
мальчишек...

Каникулы.

И дедов сеновал
со звездами в широких щелях крыши.
Казалось мне, что звезды те глядят
на нас

глазами прадедов и дедов —
извечных русских пахарей, солдат
в «георгиях» и шрамах за победы.
И хоть они не встанут из земли,
но подвиг их

век не станет старым.
Россию нашу

прадеды спасли
из пламени московского пожара.
А молодой буденновец,

с коня
упавший на простреленном рассвете,
спас от орла двуглавого меня,
когда меня и не было на свете.
Потом легла тень свастики на нас,
и был свиреп дракон четырехглавый —
отцы прикрыли нас...

Не рвется связь,
связь, на которой держится держава.
Да, смертны мы.
Бессмертны мы — народ.
Теперь и наш черед в три силы биться:
за тех, кто жив,
за тех, кто мертв,
за тех, кто не успел родиться.

Долгий дождь

Листья липы льются охрой,
и по листьям, день за днем,
неприкаянный и мокрый,
кто-то ходит под окном.
Может быть,

он хочет чаю!
Может, хлебушка кусок!
Я окошко отворяю:
— Ну, влезай!..

Не влез.
Утек.

Затыкаю уши ватой,
отвернусь.

А за спиной
мой настырный соглядатай
дышит, мокрый и больной.
Он меня вконец измучил,
въяв тирана и во сне...
В небе — тучи,

в лужах — тучи,
гром и молнии — во мне.

Учительница

Нам — по бетонке. Вам — по гати.

Нам — пятьдесят км. Вам — пять.

Учитель — вы. Я — испытатель.

Учить добру — вам. Мне — стрелять.

Снаряд взрывается в овражке.

Тайга гудит в укор пальбе,

и прыгают непроливашки

на партах

в вашем третьем «Б».

Все — для детей...

А вдруг — по детям!!

Но мы живем ли не затем,

чтоб больше не было на свете

запретных зон,

дорог и тем!

И вот мы едем утром ранним.

Ждем, что откроет поворот

фигурку женскую в тумане,

родную

от платка до бот.

— Садитесь, милая! Подбросим.

Крюк вездеходу невелик...

А землю густо иляксит осень,

как нерадивый ученик.

Вечерних окон теневой театр!

Всегда премьеры

на подмостках этих —

без репетиции,

за актом акт,

на уровне шекспировских трагедий.

Гляжу, невольный зритель,

сквозь стекло,

в движенье губ угадывая звуки.

Мужчина хмуро подпирает лоб,

и женщина заламывает руки.

А вот окно под крышей, как бельмом,

от мира плотной шторой укрыто.

Чуть ниже —

глядит девушка белье.

А тут — две тени

в поцелуе слиты...

И прохожу я, людям не судья,

счастливого финала им желая.

Я их люблю.

Домой шагаю я

и свет в своем окошке зажигаю.

Кама

«Ну, что мне Кама!

Чем красива
и чем, скажите, хороша,
когда пропахла керосином
от топляка и до ерша!
Змеится цепь мазутных пятен,
а где же, собственно, вода!..»

Теперь мне скепсис мой понятен:
я слишком мелко забредал.
Разлука возвращает зренью.
И нынче Кама мне видна
то как безудержное время,
то как бурлацкая спина.
Ползут плоты навстречу баржам,
моторки реют, как стрижи...
Ты — донор сел, лесов и пашен,
река, дарующая жизнь.
Прости, что я тебя ославил,
страдая детской слепотой.
Трудяга, ты гордишься впрямь
своей глубинной чистотой.
Всю — от истока и до устья,
от быстрых вод до плавных вод —
живописал бы, да боюсь я:
редактор ножницы возьмет.
И, глядя на крутые волны,
на силуэты кораблей,
я просто постою безмолвно
наедине с рекой моей.

Закон — тайга

А ведь он далеко не потешен,
этот древний закон — тайга...

Четкий елочный след протектора.

Алебастровые снега.

И по чутким снегам алебастровым

мчались тени семи зверюг,

и, нагнав вездеход,

лобасто,

как сохотого, взяли в круг.

Мы вдвоем

улеглись за грузы.

Сталь ружейная пальцы жгла.

Вездехода железный кузов

ощетинился в два ствола.

И по просеке

красным шаром

прокатился смертельный мак.

Сбит в прыжке свинцовым ударом,

ткнулся в снег и утих вожак.

И ныряли зверюги в саван.

Стекленели навек зрачки.

А из желтых зубов свисали

окровавленные флажки...

Быть жестокими некрасиво.

Но в бою ли жалеть врага!

Если б гильзу перекосило,

где б мы были, закон — тайга!

Рисунки Владимира ДЕЛБЫ

НОВОЕ ИМЯ

Лариса ЧЕРНИКОВА, студентка, участница VI Всесоюзного совещания молодых писателей

С удовольствием рекомендую молодую писательницу Ларису Черникову, студентку Литературного института имени Горького. За ее плечами театральное - режиссерское отделение Краснодарского института культуры, на творческом счету — несколько поставленных пьес и режиссерских работ.

По складу творческой своей природы Л. Черникова — лирик, ее интересуют тонкие движения души, особый лирический настрой характера. Наиболее интересно проявляет себя молодой литератор в трудном жанре современной сказки. Она умеет перенести в сказочный сюжет приметы современного быта, сегодняшние наши проблемы. И это придает сказкам особый, если так можно сказать, шварцевский колорит, когда ткань произведения вбирает в себя живую ткань современности.

Думаю, что публикуемая «Сменой» сказка Ларисы Черниковой заинтересует молодых читателей, заставит их задуматься о добре и зле и еще раз твердо поверить в то, что добро непременно побеждает.

Желаю Ларисе Черниковой новых творческих удач.

Виктор РОЗОВ,
лауреат Государственной премии СССР

СКАЗКА О СКАЗКЕ

В королевстве (на картах не ищите) таком-то, в школе... (не знаю номера) последний урок тянулся ужасно долго — так казалось принцу, сыну короля королевства такого-то, потому что это был урок алгебры, где все время были сплошные $xy^2 + (m-n)$ и больше $(z-c)^3$

ничего не было!

И принц писал вслед за учительницей эти $xy^2 + (m-n)$ и мрачно думал, что все на свете можно полюбить (конечно, более или менее), кроме этой алгебры! И если б придумали приз за самый скучный предмет, так, конечно, алгебра стала б золотой чемпионкой, а геометрия — серебряной, а иностранный — бронзовым призером... потому что... И так ясно, почему. А сегодняшний день — вообще сплошные призеры... И только один несчастный урок истории, и то такой древней, а вот родной литературы — ни одного! Да, совсем пропащий день!.. Но тут мрачные мысли принца по поводу этой алгебры превалила маленькая лодочка, которую кинули с задней парты. Он развернул лодочку и прочел: «Твое высочество, правда, что отец хочет тебя женить? Хи-хи-хи! Вообще-то это здорово: молодежная свадьба в нашем классе!» Подпись: «Проницательный».

Принц прочитал, пожал плечами, обернулся к задней парте, постучал пальцем по голове и написал на обороте расправленной лодочки: «С чего ты придумал такую ерунду? Это отец так, для политического мероприятия. А если некоторые собираются жениться и устраивать в классе всякие молодежные свадьбы, так есть, между прочим, такое старинное выражение: «Дуракам закон не написан», — если они даже воображают, что проницательные. Привет!» И подпись: «Мое высочество». И сложил лодочку опять в лодочку и кинул назад. Потом лодочка вернулась к принцу снова, и на ней уже более мелкими буквами (не хватало места) было написано следующее: что некоторым не мешало бы выразаться поосторожнее насчет каких-то дураков, потому что у некоторых по физикутуре всего лишь хромая тройка, а кое у кого — твердая пятерка, а физикутура, как известно, не что иное, как сила мускулов... На это нетуmano-угрожающее сообщение принц написал, что при подходящем случае хромая тройка будет рада поменяться зпятами с твердой пятеркой. После чего твердая пятерка ответила, что... а тройка, что... Тут, наконец, прозвенел авонок с этой алгебры, которого принц ждал уже с самой первой минуты, а сейчас о нем забыл.

Принц побежал по длинному, узкому коридору королевского дворца, влетел в кабинет отца, щелкнул замком портфеля, вытаскивая оттуда какую-то книгу угрожающих размеров, швырнул портфель с учебниками подальше (и портфель так брякнулся, что король перепугался и сказал: «Ти-ше!») и хлопнулся на диван,

задрогал ногами и уткнулся в эту угрожающих размеров книгу.

— У тебя по расписанию отдых! — строго сказал король.

— Я отдыхаю...

— Подвижный отдых! Надо больше двигаться, а ты обложишься всегда какой-то макулатурой и валяешься! — порицающе продолжал король.

— Ничего, я уже двинулся...

— Где? На уроках?

— Папа, ну, если знаешь, зачем спрашиваешь?

И только король, сделав строгое лицо, собрался объяснить принцу простую истину, что на уроках надо заниматься, а не... как тут вошел представитель министерства... какого-то министерства, конечно, с бумагами (а иначе зачем и заходить?), и король, недовольно подумав, что вот никогда не дадут заняться воспитанием ребенка, взялся за эти бумаги. Потом представитель ушел, а король сосредоточенно застучал на своей термосчетомашинке, в то же время заглядывая в каталоги со всякими «статистическими данными»...

— Послушай, папа! — вдруг прервал сосредоточенный стук машинки принц. — Я у тебя давно хотел спросить, что это за ерунда с этими самыми... невестами! Уже все в классе смеются! Я думал, это ты так, для какого-нибудь политического мероприятия, а что на самом деле? Очень нужно! А все твои министры!..

— Видишь ли, детка, — король переставил «данные» из одного каталога в другой, а потом зачем-то опять вернул их обратно, — видишь ли... невеста нужна... — И король опять замолчал, что-то высчитывая на своей термосчетомашинке.

— Зачем нужна? — торопил принц.

— Нужна в интересах королевства, — очень серьезно сказал король.

— Королевства! — воскликнул удивленно принц. — Как это, папа? — И принц громко засмеялся. — В ин-те-ре-сах! Какая ерунда! Чего это такие... странные интересы у нашего королевства?

— Ничего странного, — наставительно говорил король, — это записано в своде королевских законов...

— Законов! — перебил принц. — А когда? Ты шу лел назад, да?

— Не тысячу, а...

— Сто!

— Гм... Да... давно...

— Вот! Я так и знал! — И принц опять засмеялся.

— Это, видишь ли, детка, очень тонкая политика! — Король протянул «то-онка» для большей убедительности.

— Ну да!.. Куда то-оньше! — хмыкнул принц. — А ты, папа, не можешь мне объяснить эту тонкость? Только популярно, ладно?

— Видишь ли... — начал король, — по мировым статистическим данным...

— Папа! Я же сказал: по-лу-ляр-но!

— Ну так вот, — тянул король, — видишь ли, когда ты станешь взрослым, тогда...

— Что тогда?

— Ты сможешь выбрать невесту... гм... и без нашей... так сказать... помощи...

— Само собой! Только я и сейчас могу. Подумаешь, трудность!

— Не говори ерунды! — прикрикнул король. — Так вот: став взрослым, бог знает, кого ты... Все принцы — народ вообще легкомысленный...

— Это ты из личного опыта? — как бы между прочим уточнил принц.

— Что это за разговоры! — возмутился король. — И чему вас только учат в школе! Не понимаю! — И король стал говорить по этому поводу целых пять, а может быть, даже и десять минут, пока принцу это ужасно не надоело, и он сказал:

— Папа! Ну что ты всегда одно и то же! Ты же мне это утром говорил, и вчера, и вообще. Папа! Ты лучше скажи, зачем объявили этот дурацкий бал, с этим самым... выбором невесты! Должен же я знать!

— Совсем не должен! — сердито сказал король.

— Как это не должен? — возмутился принц. — Послушай, папа, отмени, пожалуйста, это дурацкое мероприятие!

— Что это за детские разговоры! — недовольно сказал король. — Отмени-отмени! Будто бы это так просто: взял и отменил!

— Папа, ну, сам подумай: такая допотопщина в наше время!

— Закон, милый мой, есть закон! Во все времена! Все принцы, — продолжал король железобетонным голосом, — нашего королевства выбирали невест... в 14 лет. Да! Закон! Женились, конечно, в первый раз в 18. Все!

— Что?! — до глубины души возмутился принц. — Так я еще жениться должен? Почти сразу после школы? И не подумаю! — И принц от возмущения даже замолчал. — А по твоим этим... статистическим! Кто это женится в 18 лет? Одни... морально отсталые личности! — И принц от негодования опять замолчал. — Это в наше время! — добавил он еще для большей убедительности.

— Что за разговоры?

— А что? Скажешь, нет?

— Гм... — Король как-то не знал, что сказать, поэтому он сказал: — Оставим эту тему!

— Ага! «Оставим!» Как что, так сразу оставим! — Голос принца принимал все более обличительный характер. — Папа! Ну я же вижу, что тебе хочется отменить этот дурацкий закон! Хочет-ся! — отчеканил он. — А ты просто боишься, — принц доходил до кульминации в своем обличительном слове, — своих министров! Им это не понравится. Скажут: нарушение!

— Видишь ли... — Король растерялся и думал, что бы сказать такое, чего он не думал.

— Почему это, я не понимаю, папа, — начал принц, — взрослые всегда говорят не то, что думают. Это, по-моему, ужасно скучно!

Рисунок Евгения ШУКАЕВА

— Ты осуждаешь взрослых? — строго сказал король.

Принц пожал плечами:

— Удивляюсь. Мне кажется, взрослым вообще ужасно скучно. И вообще у них жизнь какая-то не такая! — И принц пренебрежительно махнул рукой куда-то в пол.

— А какая? — удивился король.

— Ну... такая! — И принц махнул в пол еще энергичнее, и это уже получилось совсем уничтожительно для взрослых.

— Гм... мм... — Король как-то снова растерялся и не мог сообразить, ругать сына или не надо. — Что за странные мысли, — сказал он наконец.

— Совсем не странные! Папа! Я вот подумаю: через какие-то несколько лет я тоже буду взрослым... и тоже буду таким... скучным, да? И буду всякие мероприятия устраивать...

— Я все понял! — вдруг заявил король. — Ты переутомился от своих занятий! Ясно! Сейчас такая нагрузка!

Принц пожал плечами, не чувствуя никаких явных признаков переутомления.

— Так вот, — говорил король, — ты должен дней десять отдохнуть от всяких там алгебр и иностранных...

Ну кто, скажите, добровольно откажется отдохнуть от алгебры? Да еще от иностранного! Нет такого человека на свете — в этом принц был твердо уверен.

— Я согласен! — с готовностью воскликнул принц. — Только и весь же класс! А один... я не имею морального права, понимаешь?

— Ну, конечно, что ж поделаешь, — велико-

душно согласился король. — Только скажи, голубчик, что до этого надо сделать? А?

— Что? — не понял принц.

— А как ты думаешь?

— А-а... Эту самую выбрать... невесту! — уныло сказал принц и скорчил такую трагическую физиономию, что король чуть не засмеялся.

— При чем здесь невеста! — возразил король. — Двойку надо исправить. По алгебре. Вот что.

— Ладно! — с видом невинно обреченного согласился принц. — Папа, а учитель по воспитательной разрешит?

— Я его уговорю!

— Ура! — закричал принц страшным голосом и подбросил вверх книгу угрожающих размеров. Из книги полетели пожелтевшие листы.

— Что это за допотопная книжища у тебя? — спросил король, помогая собирать листы.

— Это сказки.

— Сказки? — удивился король. — Зачем тебе такая ерунда? Такой большой мальчик.

— Ничего не ерунда! — Принц выхватил у короля собранные старые страницы и стал рассовывать по книге.

— Там мне принесли новую книгу... перевод с какого-то, в столе, «Операция «Сейф». Возьми, почитай, а я — потом.

— Не хочу! — вдруг, к большому удивлению короля, заявил принц. — Мне, папа, осточертели всякие эти «сейфы»! Все время одно и то же: кого-то все время грабят, убивают, чтоб потом

было что расследовать. Такая скука! И вообще... Я, знаешь, — он вспоминал одну фразу, которую говорил учитель по литературе, — стал опасаться за свою нравственность... от ваших переводов с такого-то!

Король засмеялся, услышав, что принц стал «опасаться».

— А что! Я, например, хоть сейчас открою любой сейф и шпионскую радию тоже могу рассекретить!

При слове «сейф» лицо короля выразило явный и тут же посредственно замаскированный испуг.

— Чего ты испугался? — удивился принц. — Наш сейф открывать не собираюсь! Что я там не видел? Карту нашего королевства? Она мне и в школе надоела!

— Я? Не-ет, так... — пробормотал король. — Ну и что в этих сказках? — вспомнил он, чтоб в самом деле показать, что он «так». — Кто тебе их подsunул?

— А-а! Это учитель по литературе. Говорит, почитай, это как кислород, понимаешь? От всяких многосерийных шпионов и мерзавцев.

— Ну и как... кислород? — с пренебрежением осведомился король.

— Я, папа, пока только одну успел прочитать, на геометрии, то есть на большой перемене, про какую-то Золушку. Хочешь, расскажу?

— Ну, расскажи, — без особого энтузиазма согласился король.

— Ну, значит, так, — с энтузиазмом начал принц, — жила, значит, одна девочка, ну... такая! — И принц помахал рукой куда-то вверх,

что, по его мнению, должно было означать, наверное, хорошую девочку.— И, понимаешь, она очень захотела увидеть принца!..

— Принца? Гм... ишь ты!..

— Не перебивай! Попала она, значит, во дворец, а ехала в карете... будто бы из тыквы, представляешь? Ну, тогда ведь транспорта никакого не было; при помощи волшебницы, конечно, вот, а потом там всякие разговоры, разговоры, значит, этот самый бал, а потом она потеряла туфельку и все такое, понимаешь?

— Потеряла? — удивился король. — Как это можно целую туфельку потерять? Это же не авторучка! Или она нарочно? Зачем?

— Зачем-зачем! — Принцу совсем не понравилась реакция отца, и ему хотелось рассказывать. — Ну мало ли зачем? Значит, так надо! — сказал он недовольно.

— Так две бы теряла, а то одну! Что они, разного размера? — не успокаивался король.

— Две нельзя! Ее по одной же потом нашли, понимаешь?

— Как «нашли»? В целом королевстве? По одной туфельке?

— Ну да!

— Ерунда! — убежденно заявил король. — Такого не может быть!

— Папа, так это же сказка.

— И в сказке не может быть!

Это уже совсем рассердило принца.

— Почему это не может? — возмутился он. — Все у тебя всегда «не может»! А что может?

— Ну ладно, успокойся, — примирительно сказал король. — Почитай «Операцию «Сейф»». По-моему, интересно. А то как попадет к министрам...

— И не подумаю! — перебил принц. — Сами читайте! Это чтение... для слабонервных!

— Учитель по литературе сказал? — хмыкнул король.

— Да. А что?

— Ничего, — пожал плечами король.

— А у меня пока нервы в порядке. И потом, у меня скоро — что? Каникулы? Каникулы. И я должен дышать чем? Кислородом? Кислородом! — И, схватив свою кислородную книгу, принц выскочил за дверь, но через четыре минуты заскочил обратно. — Папа! А как же мы решили по поводу этого мероприятия? С невестами, а?

Каждое утро железную дорогу на остановке 339-й километр переходила девочка лет 14, с большой пустой хозяйственной сумкой и пустым молочным бидоном, потом она возвращалась с полной сумкой и полным бидоном, днем она опять шла через остановку 339-й километр, в школу, вечером шла обратно, из школы.

Она очень любила свою станцию 339-й километр, железную дорогу, поезда... Остановка была людная: поезда часто приходили, уходили...

В этих поездах сидело много-много людей, они выглядывали в окна, выбегали на перрон и опять торопились в свои дальние поезда и близкие электрички. Как хорошо было этим людям! Они куда-то ехали, куда-то торопились, их где-то очень ждали, и поэтому они были такие веселые, такие нетерпеливые, им скучно было на ее остановке 339-й километр, они хотели, чтоб скорее-скорее их поезд тронулся, заспешил, полетел! А она никогда никуда не ехала, и ее никто не ждал где-нибудь далеко...

Когда она была маленькой, она любила гулять с папой по железной дороге, и папа всегда рассказывал всякие интересные истории, и все в этих историях (вот удивительно!) происходило на железной дороге. Даже старую сказку о Золушке папа рассказывал совсем не так. Он говорил, что нельзя ехать в карете из какой-то тыквы, все это ерунда, далеко ли вообще уедешь в какой-то карете! Если даже не из тыквы! А что Золушка, решив поехать на бал, побежала на поезд. Конечно! Ведь поезда ходят очень давно. Правда, тогда поездов, конечно, было очень мало, и если б Золушка не успела на этот поезд, она бы так и не попала на бал и не увидела бы принца.

И поэтому она бежала быстро-быстро-быстро и ровно за одну минуту до отхода прыгнула в поезд. Который и помчал ее к принцу!

У папы всегда все прыгали в поезд ровно за одну минуту до отхода!..

А свою маму она помнила уже плохо. Мама когда-то села в электричку и уехала...

— В последнюю минуту? — всегда спрашивала она потом, когда они вдруг вспоминали о маме...

— Да-а... в последнюю... — говорил папа.

— А мы с тобой не успели?..

— А мы не успели...

У новой мамы была не одна, а две дочки, уже большие. То у них с папой семья была маленькая, а то стала большая, и все были очень заняты, особенно мама и сестры: они работали очень далеко, в самом городе, рано вставали, садились в электричку и уезжали до вечера. Поэтому она, как и раньше, «вела хозяйство», как говорил папа, то есть готовила обед и «поддерживала чистоту в комнатах», так говорила новая мама. Конечно, ей все помогали, когда было свободное время... Но его всегда у всех было мало...

— Золушка ты моя! — вздыхая, говорил папа, а ей нравилось, что она Золушка!

Папа умер, а Золушкой ее до сих пор называют, даже в школе.

...Пришли с работы сестры и стали громко разговаривать, а потом (вот всегда!) ссориться. Сначала старшая все время нападала на среднюю, и ей стало очень жалко среднюю, а потом средняя как напала на старшую, так что среднюю стало уже совсем не жалко, а наоборот, старшую. Потом она уже не знала, кого жалеть, потому что ничего нельзя было разобрать, а сестры уже так кричали, что, наверное, на железной дороге было слышно, и она, бросив суп, котлеты, бежит в комнату к сестрам и уже на ходу строго говорит:

— Девочки! Ну, что вы ссоритесь!

— Не твоё дело!

— Не лезь в дела старших!

— Дела... а разве это дела? — Но сестры не слушают, продолжают кричать. — Девочки! — опять говорит она громко (иначе ее бы просто не услышали). — А вот что я вам хочу рассказать!

Сестры продолжают.

— Нет! Вы не представляете! — это уже последнее средство.

Сестры действительно умолкают, но не потому, конечно, что она применила «последнее средство», им просто уже надоело ссориться, но ни одной не хотелось первой сдавать завоеванных позиций.

— Ну, что?

— Ну, говори, что там?..

И она с энтузиазмом и, зная, что ей сию минуту надо срочно бежать на кухню, с жаром рассказывает то, что успела прочитать за сегодняшние уроки, и как раз тогда, когда сестрам уже интересно, что будет дальше, она, вскрикнув «ой!» (по комнатам ползет уже этот противный угар!), стрелой летит на кухню, сестры бегут за ней. Ну, конечно! Суп успел уже убежать, котлеты прижарились к сковородке и сердито стреляют остатками жира.

И она лезет на подоконник открыть форточку, доливая сбежавший суп, отдирает от сковородки сердитые черные котлеты, а тут еще сестры ходят за ней и пристают: что дальше!

За ужином все время говорили о завтрашнем бале в королевском дворце, и сестры опять стали ссориться, пока мама наконец не прикрикнула:

— Можно в конце концов за весь день по-человечески поесть? Или нет? Я вас спрашиваю! — И сестры успокоились и уже нормально говорили о бале и как им повезло, что они достали пригласительные, о танцах, что надежды завтра, о министрах (конечно, молодых), о короле и о многом другом.

Но о главном они не говорили. Они не говорили о принце! А она часто думала о принце и думала: а какой принц? И ей ужасно хотелось увидеть принца. А после ужина она мыла посуду (потому что сестры опять поссорились и не могли доказать друг другу, чья очередь мыть посуду) и опять думала о принце и представляла... что вот он... или вот она... во дворце... а принц... такой... а она говорит... а он ей говорит...

Она даже не заметила, как вода переполнила раковину и потекла-потекла...

— Что это такое? — услышала она вдруг строгий голос.

— Ой!

— Что это за безобразие? Ты о чем думаешь?

— Понимаете, мама... я так...

— Понимаю! Истории какие-то сочиняешь!

— И не-ет...

— Если взялась делать одно дело, — строго говорила мама, — так надо делать одно дело, а если будешь делать два дела, так из этого...

— ...ничего не получится, — уныло подсказала Золушка.

— Вот именно!

...По узкому коридору дворца со скоростью звука бежал принц. Можно было подумать, что за

ним гонится кто-то из учителей (по призовым предметам). Так и есть! Пока принц со скоростью звука бежал по длинному коридору, учительница по иностранному (которому он так великодушно отдал лишь третье место среди призеров), пройдя через какое-то министерство, вдруг оказалась прямо перед принцем.

— Вы зачем сбежали? — сразу же начала она строго и сердито. — Безобразия! Я буду жаловаться отцу! Я еще не решила, отпускать вас или нет.

— А я думал, что вы... уже решили... (Принц шнырял взглядом по сторонам: куда бы, будто нечаянно, исчезнуть?)

— ...не отпускать! — подхватила учительница по-иностранному.

— Вы хотите замучить меня своим иностранным, да? И когда же? В день рождения! — обличительным тоном говорил принц. — Будто нельзя подождать!

— Что это за разговоры! — возмутилась учительница. — Подождать! У вас нет легкости в произношении! Куда же еще ждуть!

— Так где ж я ее возьму? Если ее нет! — забыв о своем обличительном тоне, с отчаянием сказал принц.

— Вы должны!.. (Сейчас она скажет: на дополнительное!) — И, сделав вид, что нечаянно оступился на ступеньке бокового пролета лестницы, он молниеносно шмыгнул в подсобку бытовиков, а оттуда пробежал опять вверх внутренней лестницей и оказался наконец в рабочей кабине отца, которого, к счастью, на месте не оказалось. На всякий случай он залез под стол и закрылся суконной скатертью. Все! На сегодня он был спасен. И только что он хотел вылезти из-под стола и поднял конец скатерти на голову, как в кабинет вошел учитель по воспитательной части. Принц даже сделал слабое поползновение опять спрятаться, но было уже поздно.

— Что это такое? — сразу же приступил к исполнению своих обязанностей учитель по воспитательной. — Ты зачем торчишь под столом?

Принцу совсем не понравилось это «торчишь» — будто бы он гвоздь! Торчишь! Будто бы в день рождения нельзя сказать что-нибудь другое.

— А я не торчу! — начал он вызывающе. — Я иностранный, может, изучаю!

— Что-о! Иностранный?

— Представьте себе! Вы знаете, что ученые установили, что в лежачем положении (и принц совсем растянулся на полу) иностранные слова легче усваиваются? — И принц сделал очень сосредоточенное лицо и вполголоса забормотал какие-то загадочно-иностранные слова: он ведь знал, что учитель по воспитательной знает иностранный еще хуже, чем он.

— Гм... это... интересно... — Учитель начинал верить, но тут он вспомнил о своих прямых обязанностях, строго посмотрел на валяющегося на полу принца и сказал: — Да! Почему это (и он кивнул в сторону) по-иностранному за тобой... бежала? А? Как это понимать?

— Бежала? Не знаю... вы знаете, мы еще не повторяли прошедшее время, глаголы; я забыл... понимаете?..

— При чем здесь твои глаголы! — возмутился учитель по воспитательной.

— Мои! Очень они мне нужны!

— Я спрашиваю, почему она за тобой бежала?

— За мной?

— Ну, не за мной же!

— А-а! Ну-у... мало ли зачем... поздравить, наверное, хотела или что...

Учитель по воспитательной чуть-чуть не засмеялся, но тут же вспомнил о своих обязанностях, сделал строгое лицо и сказал:

— Да! Вот что! У меня к тебе есть дело!..

— Какое? — без всякого энтузиазма спросил принц.

Учитель по воспитательной немного помался.

— Как ты знаешь, — начал энергично он, — я являюсь учителем по воспитательной части...

— Я это сто лет знаю! — удивился принц.

— Так вот (учитель на этот раз даже не счел нужным задержать свое внимание на этом «сто»)... следовательно, — тянул учитель, — в часы досуга, то есть после занятий, ты должен слушаться меня...

— Так я... вообще-то... — Принц хотел сказать, «вообще-то» он слушается, но это как-то слишком мало соответствовало действительности, и потому он сказал: — Иногда-а...

— Вот сегодня и должно быть это «иногда»! — подхватил учитель по воспитательной. — Понимаете?

— Нет!— Принц действительно ничего не понимал, потому что учитель ничего ведь и не сказал.

— Ну, можешь ты хоть раз в жизни послушаться меня?— теряя уже терпение, говорил учитель.

Раз в жизни! Так он и поверил!

— Слушай меня внимательно,— кажется, учитель наконец стал говорить о «деле»,— до бала осталось всего три с половиной часа... так вот... Сегодня после 19.30 ты не должен (учитель подчеркнул это «не должен») выходить в танцевальный зал — раз, в большую гостиную — два и в буфет — три!

— Почему это я «не должен»?— удивился принц.— А как же я увижу этих... ну...

— Кого «этих»?— строго спросил учитель и сделал совершенно непонимающее лицо.

— Невест! Кого же еще?

— Не говори глупостей! Ты не должен видеть никаких невест! В твоём возрасте говорить о каких-то невестах!

— Здравствуй!— Принц даже растерялся (а иначе он не сказал бы учителю по воспитательной это «здравствуй»).— А кто говорит? Вы же и говорите!— И тут у принца мелькнула одна смешная мысль:— Может, вы сами выберете... невесту? Да?— Учитель молчал.— Тогда сами... и женитесь на ней! Через четыре года!

Это, конечно, было уж слишком!

— Ты с кем говоришь, безобразник!— закричал учитель по воспитательной.— Я отца вызову!

— Сразу «отца»!— возмутился принц.— Вызывайте! А я все равно и не подумаю жениться! Очень нужно! Выбирайте хоть сто невест!

Учитель, конечно, хотел опять закричать, но внезапно он почувствовал такую душевную усталость... после беседы с этим мальчиком... И он слабым голосом проговорил:

— Мне некогда... У меня... совещание... Так помни, о чем я тебя просил...

— Само собой...— без всякого энтузиазма ответил принц.

— Мама... я вас... попросить... Только вы... обязательно...

— Что такое? Опять двойку схватила? По физике?

— Не-ет...

— По геометрии?— Золушка молчала.— А по какому?

— Ни по какому...

— А что? Опять читала на уроках?

— Ние-ет... Мама! Возьмите меня на бал! Пожалуйста!

— На бал? Что это за фокусы? Зачем тебе «на бал»? Учи уроки, а не бал! В школу пора, а не бал! Сплошные тройки по физике! Математике! И еще ей... бал!

— Мама... Я вас очень прошу... я должна, понимаете?

— Должна! Учиться хорошо! Вот что ты должна! Слушаться старших должна! И вообще...

— ...быть примерной девочкой...— уныло подсадила Золушка.

— Вот именно!

И они уехали на бал!

А она должна идти в школу. Нет! Она не пойдет в школу! Нарочно. Она будет сидеть дома и... плакать! Но плакать почему-то совсем не хотелось... Какая она несчастная! Как ей не везет! Сестры — так поехали, а она — так нет! Конечно... они взрослые! Им можно! А ей нет! Но ведь принц!.. Тоже не взрослый! Ведь ему будет скучно!.. И что она сидит! Как дурочка! Будто бы к ней придет фея! Как в сказке... И в самолет посадит! И — во дворец.

А зачем ей фея... с самолетом?.. Когда есть электрички! Ну, конечно! А она сидит! И чего-то ждет! Надо сейчас же! Сию минуту бежать!.. До следующей электрички оставалось... ровно час 17 минут!.. Досиделась...

...Я надену... сиреневое платье... да... оно хорошее... она же не будет танцевать... потому что она еще не научилась танцевать... и принц тоже, наверное, еще не научился...

А туфли? У нее такие... обыкновенные туфли! Даже без каблучка! Это ужасно!

Но что-то надо же было делать! Не может же она из-за каких-то несчастных туфель не увидеть принца! Это даже смешно!

А в таких туфлях тоже нельзя!.. И она стала думать и уже ровно через две минуты знала, что надо делать. Она повытряхивала из коробочек и целлофановых пакетиков все брошки, ожерелья и всякие другие украшения сестер, взяла ножницы, толстую иглку и принялась за работу.

Через какой-то час ее обыкновенные туфли без каблучка уже бы никто не узнал. Потому что они стали необыкновенными.

До отхода электрички оставалось... ровно 6 минут! Какой ужас! Ведь если она сейчас не успеет... То все!..

Когда она прыгнула в зеленый, веселый, светлый вагон, до отхода поезда оставалась... ровно одна минута!..

Принц сидел в нерабочем кабинете отца (который по маленькому коридору) и грыз эту алгебру, уж очень ему хотелось поскорее освободиться (на целые десять дней!) от этой алгебры!

И вдруг он подумал: чего это я сижу! Как дурак! Если через какие-то два часа эти взрослые собираются навязать ему какую-то невесту!

Как бы не так! Надо действовать! И он стал думать.

Через две минуты решение было найдено. После этого он вытащил из ящика стола «Операцию «Сейф» (которую, конечно же, все равно прочитал) и открыл на определенной странице, потом через всякие подсобики, что приравнялись почти к подземным переходам, пробрался в рабочий кабинет отца, минуя длинный коридор, и... ровно через... семь с половиной минут сейф был вскрыт.

Принца даже разочаровало, что этот сейф так быстро и легко открылся: он был явно устарелого образца.

Фамильный королевский перстень — вот что интересовало принца! Этот перстень (он подслушал) и должны были вручить какой-то проклятой невесте. Теперь пусть попробуют! Наконец он может вздохнуть спокойно. Теперь бы еще спихнуть эту алгебру, и все! И тогда он будет самым счастливым человеком на свете. (Конечно, всего на десять дней. Нельзя же быть все время счастливым: это противоестественно. Так говорит учитель по родной литературе. И он, конечно, прав.)

Туда, где играла быстрая, шумная музыка, она не пошла: во-первых, там можно наткнуться на маму и сестер, и мама (конечно) станет... читать мораль, а во-вторых (она чувствовала это), принц совсем не там.

Так она шла-шла, сначала по длинному коридору, здесь все двери были закрыты, потом по маленькому коридору, здесь двери были открыты, и она заглядывала в комнаты — никого... И вдруг (это вечно таинственное и магическое «вдруг!») она увидела мальчика, который сидел на высоком круглом табурете и пытался прилежно смотреть в какую-то серую книжку (наверное, учебник, догадалась Золушка).

И хотя мальчик, который сидел на высоком круглом табурете, был совсем не такой, каким она представляла принца, но она сразу поняла, что это и есть принц.

— Мальчик!— позвала она почему-то шепотом.— А вы... принц?..

— Принц...— удивленно подтвердил принц.

— А я так и подумала, что вы принц!— сказала она, заходя в комнату.

— А вы, наверное, заблудились? Вы же на бал? Давайте я покажу, куда.— И принц слез со своего высокого табурета.

— Не-ет... я не на бал... А вы... здесь...

— Я здесь, потому что я должен быть здесь...— уныло сказал принц и с обиженным видом снова полез на свой высокий табурет.

— И я буду здесь!— решительно сказала она и полезла на другой, такой же высокий табурет.

— Зачем?— удивился принц.

— Потому что... ну... потому... я хотела... вас увидеть...

— Потому что я принц?— уныло уточнил принц.— Смотрите, не жалко! Может, мне в какую-нибудь позицию стать? Чтоб интересней было.— И он соорил такую физиономию, что Золушка засмеялась (ей ведь не надо было притворяться, что это совсем не смешно).

— Принц! Какой вы смешной!

— Что вы! Это вам показалось...— вздохнул принц,— наоборот, я очень серьезный человек...— И он опять вздохнул, а Золушка опять засмеялась.

— Скажите, только по-честному, а вы не за нуда?— вдруг спросил принц.

— Какая... зануда?— Золушка даже растерялась.

— Ну... вы не будете меня расспрашивать, как я учусь и вообще... и почему двойки по алгебре... и все такое... а то девочки всегда!..

— По алгебре? А у меня по физике. Я только недавно исправила.

— Честное слово?

— Честное слово.

— Это другое дело! Вы б так сразу и сказали! Значит, мы друзья по несчастью. И что за предмет такой противный — эта алгебра! Правда?

— Нет! Физика хуже!

— Ладно! Они обе противные!— великодушно заключил принц.

— Принц!— Золушка вдруг вскочила с высокого стула.— А у вас сегодня день рождения!— И она подбежала к своей сумке, которая скромно осталась стоять у дверей.

— Да-а,— уныло согласился принц,— день рождения... Никто даже не поздравил, все так спешили на этот дурацкий бал!..

— А я вас, принц... поздравляю... и желаю вам...— Тут она даже растерялась, не зная, что бы такое самое-самое хорошее пожелать принцу,— быть самым-самым хорошим...— сказала она.— А это вам...— Она покраснела и положила перед принцем какую-то книгу с блестящей обложкой и золотыми буквами.

Принц, конечно, тоже покраснел и обрадовался, но тут же поспешил взять себя в руки, как это и полагается современному мужчине.

— «Золушка»...— прочел он затейливые, в завитках, под старый шрифт, буквы.— «Золушка!» А я тоже прочитал эту сказку. Ничего... Сносная...

— Да?— Золушка огорчилась: то ли оттого, что принц уже прочел, то ли оттого, что «сносная»...

— Только у меня в таком доисторическом издании! Вся сыплется! И без картинок...— И принц стал рассматривать веселые страницы с картинками, и Золушка тоже (в который раз!) смотрела эти удивительные картинки, где все такие красивые, нарядные, великолепные...

— А как вы думаете, принц,— вдруг сказала она,— а если бы Золушка, например, сейчас жила... в наше время... только б у нее не было такого замечательного платья... И вообще... Полюбил бы ее принц или нет?

— В наше время не может быть Золушек!— уверенно сказал принц.

— А почему вы так думаете?— удивилась она.

— Ну-ну... потому, что Золушка... была... такая... это самое... ну!—И принц энергично махнул рукой куда-то вверх.— В общем... А сейчас?— Принц соорил пренебрежительную физиономию.— Все девочки такие...— И принц пренебрежительно махнул куда-то вниз,— обыкновенные! И вообще... зануды!

— Зануды!— Золушка, конечно, очень оскорбилась.— А принцев тоже нет в наше время!— жестко сказала она.

— Как нет!— удивился принц.— А я?

— А вы ненастоящий принц! Настоящий принц не такой!

— А какой?— Но тут (и на этот раз очень кстати) в комнату заглянул учитель по воспитательной части и, сразу же сделав строгое лицо, строгим голосом спросил:

— Чем ты занимаешься, принц?

— Алгебру учу! Разве вы не видите?— И он прилежно вился в раскрытый учебник.

— А что это за девочка?— строго спросил учитель.

— А-а! Она на бал. Только она не хочет. Она решила немножко подтянуть меня по алгебре. Представляете? Мы все время задачи решали. У меня даже рука заболела писать!— И принц помахал правой рукой.

Учитель был приятно удивлен: такого прилежания он, конечно, не ожидал.

— Что ж... гм... молодцы.— И, боясь, что принц начнет еще, чего доброго, проситься на бал или спрашивать про невест, учитель опять сказал «гм!» и «не буду вам мешать» и ушел. А они засмеялись.

— А когда у вас день рождения?— вдруг спросил принц.

Она молчала.

— Это тайна?— удивился он.

— Не-ет...

— А когда?

— Тоже... сегодня...

— Сегодня! Вот это да!

— Только его на воскресенье перенесли...

— Как это перенесли?

— Ну, когда занятий нет...

— Какая ерунда! А сколько вам стукнуло?

— Четырнадцать!..

— Тоже четырнадцать? Здорово! Прямо как в кино! Я б и не поверил, если б в кино. А я...— Он задумался.— А-а!— тут же закричал он.— Закройте глаза!

— Зачем?
— Ну, закройте! Пожалуйста! — И, когда она закрыла глаза, он взял ее руку и надел (тот самый) фамильный королевский! — А теперь откройте.
— Какое красивое кольцо! Немножко большое, но это ничего! Совсем как старинное... А что это за буквы?
— Это?... Мои инициалы! — с достоинством сказал принц, сейчас веря, что эти две непонятные буквы — его инициалы. — Это фамильный королевский перстень, понимаете?
Она кивнула головой. И вдруг:
— Принц! — И она перешла на шепот. — Но этот перстень... вы должны... вручить невесте! Я знаю!
— Вот еще! Какая ерунда! — Принц пренебрежительно пожал плечами, вдруг смутился и, досадуя на себя, неуверенно сказал:
— А знаете что...
— Что?
— Только вы... не будете смеяться? — Принц еще больше покраснел и заколебался: говорить или не надо...
А Золушка в это время говорила убежденно:
— Нет! Не буду! — хотя понятия не имела, над чем она не будет смеяться.
— Давайте... это... ну... вообще... давайте дружить! — выпалил наконец принц.
— Давайте!
— Ну... у меня, конечно, еще не было... друзей-девушек... — тут же, желая хотя бы частично себя реабилитировать, заявил принц. — Давайте играть во что-нибудь!
— Давайте! А во что?
— В шпионов!
— В шпио-о-нов? — разочарованно протянула Золушка. — А зачем в них играть?
— Ну... так! — Принц пожал плечами, не зная, как бы объяснить.
— Нет, лучше знаете во что?
— Во что?
— В «Золушку»!
— В «Золушку»? — удивился принц.
— Вы смотрели фильм «Золушка»?
— Да, в детстве!
— И я. Вот вы, значит, будете принц, только, конечно, настоящий принц, ну, вообще...
— А вы, конечно, Золушка, да? — хмыкнул принц. — Только, конечно, настоящая, старинная! И все такое, да?
— Да-а...
— А потом что?
— А потом... — Золушка смутилась.
Принц сделал ужасно ироническое лицо.
— А потом мы, то есть они, то есть эти... старинные... влюбляются! Вот что! — жестко изрек принц.
— Да-а... Ну и что...
— Как это «что»? А потом... это самое... ну... целуются! Вот что!
И эту игру тоже пришлось отложить... И помолчать... Потом принц сказал, что вообще-то здорово, что она пришла, а то он бы тут умер от скуки... и вообще. А она рассказала, как добежала за четыре с половиной минуты до электрички; и если б она не успела на 16.28, значит, она вообще бы уже не попала на бал: следующая электричка идет только через два с половиной часа. Такое безобразие! А ведь их остановка — 339-й км, такая большая, и вообще.
А потом принц сказал, что, кажется, он умирает от голода, и Золушка почувствовала, что тоже умирает. И принц тут же решил пробраться в запретную для себя зону — буфет! — и конфисковать там что-нибудь повкуснее. («Если эти невесты все не слопали!» — добавил он).
— Я мигом! — крикнул он уже на бегу.
И в этот миг часы стали бить... двенадцать! (Совсем так же некстати, как в старой сказке.) И ровно через час (по графику) кончался бал! И если сейчас она не сядет в электричку, которая отходит... ровно через 12 минут (если быстро бежать, можно успеть), то... И она представила, как мама возмущается на весь поезд, как рассказывает все классной и как они... отбирают у нее подарок принца! А мама еще говорит: если фамильный перстень должны вручить невесте, то его должны вручить невесте, а если его вручили не невесте, то ясно, что... Надо бежать! Сию минуту!.. Но ведь она... не попрощалась с принцем... И вдруг они никогда больше не встретятся... Нет! Этого не может быть... И, подумав четверть минуты, она быстро сняла свои необыкновенные, замечательные туфельки (как холодно будет босиком!) и, оставив одну туфельку у дверей, выбежала.
А ровно через две с половиной минуты возвратился принц с увесистым свертком конфи-

скованных бутербродов. Не видя Золушки, он закричал:
— Ага! Вы спрятались! Я так и знал! Вылезайте! Что я принес! Теперь мы спасены!
Никаких результатов...
— Ну, хватит, правда! — И принц полез под стол — никого... Открыл шкаф — тоже... Заглянул за дверь, под диван, еще под один стол... Нет!
Ушла... а говорила!..
Настроение у принца сразу же резко понизилось. Ему даже совершенно перехотелось разворачивать конфискованные бутерброды... И жизнь вообще показалась ему... слишком отвратительной!.. Все они... зануды, мрачно думал он, а говорила!..
А потом он пришел к мысли, что это не она, а он зануда. Во-первых, ругал несчастных девчонок... Во-вторых, предложил в этих дурацких шпионов... В-третьих, не захотел в эту старинную дурацкую «Золушку»... и вообще, несчастный он человек!.. Всегда ему не везет... И вдруг! Он увидел ее туфельку! Значит, она здесь? И он заново обшарил всю комнату и даже комнаты рядом. Ее не было! Не может же она по дворцу бегать в одной туфельке! Он ничего не мог понять!.. И вдруг он понял... догадался...
— Ненормальная! — подумал он. — Что ж она сравнивает жизнь с какой-то сказкой! Это же смешно! Ну разве в жизни такое может быть!..
Так терзался принц, совершенно машинально развернув увесистый сверток и машинально приступив к истреблению бутербродов, и в эту черную минуту вошел король.
— Ты почему до сих пор не спишь? — строго сказал он.
— Вот еще! Чего это я должен спать! Я алгебру учу. И вообще, как это можно заснуть, когда такой шум! Хотел бы я знать!
— А что у тебя такая... убитая физиономия? Ты расстроен? Чем?
— Ничем!
— Послушай, гол-у-убчик! — спохватился король (голубчик — у него получилось совсем не как «голубчик», а совсем наоборот). — Перстень давай-ка! Стащил себе втихомолку! Сейф открыл! Без спроса! Безобразия какое! Совсем распустился!
— А что, ты разрешил бы, если б я спросил?
— Это же преступление! — отчеканил король. — Понимаешь?
— Подумаешь, «преступление»! Невесту вы кому? Невеста — моя? Значит, и перстень мой!
— Ну, ладно! Моя! Мой! Давай перстень! Там министр...
— Какой еще министр? — перебил принц.
— Министерства нравственности и моральных устоев... какой же еще!
— Папа, а что, и такое министерство уже придумали? — удивился принц.
— Что значит «придумали»? Конечно!
— Так что этот министр... нравственности? Ты не договорил...
— А-а! Так я и говорю: там министр нравственности...
— Папа! Это его замминистры все время детективы читают? Ты говорил...
— Его! Безобразие!
— Конечно! Вместо того, чтоб работать! Детективы! — возмущенно поддакнул принц.
Король внимательно посмотрел на сына.
— Ты что? Нарочно?
— Что?... — сделал совершенно непонимающее лицо принц.
— Министр нравственности, — угрожающим тоном уже начал король, — и учитель по воспитательной...
— По воспитательной! Я так и знал!
— ...Отобрали уже... несколько претендентов. Теперь они обдумывают... Советуются... Давай сюда перстень!
— Дискуссию, значит, устроили? Да? На тему!.. Папа, у меня идея. Пусть в лотерею разыграют!
— Что в лотерею? — нетерпеливо вскрикнул король.
— Не что, а кого. Меня. Кого же еще. Неужели не ясно.
— Милый мой! Перестань городить ерунду! Давай перстень!
— Что ты все «перстень, перстень»! — с досадой сказал принц. — Нет у меня никакого перстня!
— То есть как это нет? Ты что, шутишь?
— Ну, какие шутки? В час ночи!
— А где же он? — грозно начал король. — Куда ты его задевал?

— Папа! Не волнуйся, пожалуйста... позвони министру... чтоб распустили этих несчастных претендентов... тогда я скажу...
И король дрожащим голосом попросил «распустить».
— Так куда же ты его задевал? Я тебя спрашиваю! — твердым и устрашающим голосом начал опять король.
— Никуда я не задевал... Я его подарил... и все...
— Что?! — Королю показалось, что он ослышался. — По-да-рил?! Так я тебя понял? — И видя, что принц молчит, понял, что понял «так».
— Кому ты его подарил? Я тебя спрашиваю!
— Кому-кому! — тянул принц. — Ясно, кому... девочке одной подарил...
— Де-воч-ке? — с невыразимым ужасом переспросил король.
— Так ты уже де-воч-кам перстни даришь?! Не слишком ли рано, голубчик!
— Папа, ну что ты так волнуешься? Ну, подарил, ну и что? — умиротворенно говорил он. — И не «де-воч-кам», а всего одной девочке... подумаешь! Что тут такого страшного?
— Страшного! — воскликнул с крайним возмущением король. — Он еще спрашивает! Что тут страшного!
— Ну что ты, правда... успокойся!.. — забеспокоился уже принц. — Было бы из-за чего так убиваться!.. Из-за какой-то ерунды! Кусочек какого-то золотого железа! Подумаешь! У нее сегодня тоже день рождения... — рассудительно, по-хорошему продолжал принц. — Ей тоже, представляешь, исполнилось 14 лет... — И принц пожал плечами, удивляясь, как это до отца не доходят такие простые вещи.
— Но он же... для невесты... — слабым уже голосом говорил король, устав от волнения...
— Ну, значит, считай, невесту я уже выбрал... вот... облегчил задачу этому министру... и по воспитательной... зря они свою дискуссию устраивали...
— Но ведь перстень — королевский! — Голос короля опять набирал силу.
— Да, конечно, с какими-то инициалами, мы заметили, ну и что?
— ...С печатью!
— Да, папа, а зачем там печать? Такая маленькая...
— Зачем! Эта печать — дубликат главной печати нашего королевства! Понял, что ты натворил? — Король даже торжественно, и на его лице без труда можно было прочесть: вот до чего доходит, когда не слушаются старших! Но вместо того, чтобы закрыть: «Какой в самом деле ужас! Я все понял! Я сделал ужасную ошибку и больше так не буду!» (как это представлял король), — вместо всего этого принц сказал:
— Что значит «главной», папа? А что, есть и неглавные? А зачем так много печатей?
Король от возмущения не знал даже, что сказать.
— Папа, но ведь этот перстень все равно хотели отдать какой-то невесте! — Теперь уже принц ничего не понимал.
— Да кто б ей отдал этот перстень? Что ты! Ну надели бы — да. И все! И сняли б. Удостоверение ей дали б — и все.
— Какое... удостоверение? — опять ничего не понял принц. — А зачем невесте удостоверение?
— Как «зачем»? Что она невеста! — И король пожал плечами: как это до принца не доходят такие простые истины!..
— А если б она его потеряла? За 4 года!
— Ну кто это теряет подобные документы! — возмутился король. — Надо быть совсем без головы, — добавил он еще для большей убедительности.
— Ясно... — слабым голосом сказал принц и отвернулся.
— Что с тобой? — забеспокоился король, увидя вздрагивающие плечи сына.
— Ни-че-го... — замотал головой принц и расхохотался.
— Сме-ешь! — возмутился король. — Натворил дел — и смеется! Совершил антигосударственное дело — и смеется!
Услышав про «антигосударственное», принц захохотал еще больше и сквозь смех делал попытку говорить:
— Ч-что ты, п-па-па! Из-за какого-то пустяка разводись тра... трагедией!
— Трагедией! — продолжал возмущаться король. — Ничего себе пустяки! Что это хоть за девчонка? Говори немедленно!
Принц пожал плечами... И ему стало грустно...

— Обыкновенная девчонка... — Он поколебался: говорить еще или не надо. — Хорошая...

— Хорошая! — возмутился король. — Я спрашиваю, как ее зовут! Фамилия! А он — «хорошая»!

— Зовут? — Он ведь так и не спросил, как ее зовут. — Не знаю, папа...

— То есть как это «не знаю»? — опешил король.

— Ну... я забыл спросить...

— Перстень — так ты не забыл! А как зовут — забыл! — Король с чувством крайней досады помолчал. — Как же ее теперь найти? Я тебя спрашиваю!

— Да, папа! Давай ее найдем! — неожиданно для короля горячо подхватил принц.

— Но как?... Надо созвать срочное совещание!

— Что ты, папа! Не надо совещания! — с ужасом воскликнул принц, сразу же представив, как уже не один, а целых двадцать или даже тридцать взрослых будут здесь разводить трагедию... — И потом после бала с буфетом... Понимаешь?

И король тоже подумал, что, пожалуй, сейчас, после бала с буфетом, от министров все равно будет мало толку и все равно надо ждать до утра. И он стал думать, что бы такое можно придумать сейчас, поскорее.

— Послушай, папа, — прервал вдруг его молчание принц. — Знаешь, как давай найдем?

— Как? — недоверчиво переспросил король.

— Только ты не будешь смеяться?

— Постараюсь. — Король сейчас, впрочем, было действительно не до смеха.

— Ну, слушай: давай попробуем, как в этой... ну... сказке... а? Как в «Золушке»!

— Что ты говоришь? Какой Золушке?

— Какой ты несообразительный, папа! Ну, помнишь, я тебе рассказывал одну сказку!

— А-а! Да... Что-то такое ты рассказывал. Ну и что?

— Ну вот: ты вызови сейчас... замминистров... по нравственности... и дай им задание...

— Какое задание?

— Вот, папа... только не смейся, ладно? Ты им дай туфельку, и пусть они, значит, меряют... в определенном пункте...

— Что за вздор! Какая туфелька!

— Эта... — И принц вытащил маленькую неправдоподобно красивую туфельку.

Король, придя в еще более крайнее недоумение, взял туфельку, покрутил перед собой и вопросительно глянул на сына:

— Что это такое?

— А ты что, не видишь, что это такое? — удивился принц.

— Ты зачем стащил у девочки туфельку? — строго спросил король.

— Кто стащивал? Очень нужно! Она мне сама оставила!

— То есть как «оставила»? Что за ерунда! — ничего не мог понять король. — Зачем?

— Зачем-зачем! Как в этой самой сказке, ясное дело!

— Какие сказки! — отчаянным голосом закричал король. — Я ему о деле говорю! А он мне — сказки!

— Это я тебе — о деле! А ты «какие сказки»! — тоже отчаянным голосом закричал принц.

— Я отка-зы-ва-юсь понимать! Каким это образом! Твою Золушку! — еще более отчаянным голосом закричал король.

— По этой самой туфельке! Я же тебе говорю! — тоже еще более отчаянным голосом закричал принц.

— Так мы ж ее сто лет будем искать! В наше время! — засмеялся король (конечно, нервно).

— Совсем не сто! Главное — точно координаты рассчитать!

— Какие координаты? Так она... в море живет? — У короля уже кружилась голова от нервного переутомления.

— Нет! На железной дороге! Дай мне подробные железнодорожные карты нашего королевства и справочники! — деловым тоном сказал принц.

Бедный король послушно принес карты и справочники.

— Так... значит... — стал усиленно размышлять принц. — Она сказала... какой-то километр... какой же км... 25-й? Нет... 105-й? Нет... 30-й?... Тоже нет... 78-й?... Даже не похоже... С какого из этих км поезд отходит в центр ровно в 16.28?... Отсюда... но это 14-й км. Это 108-й км...

И вдруг он вспомнил: «...В это время... как раз целых два с половиной часа ни одна

электричка не идет в центр». И он стал рыться в толстом справочнике... 339-й км. Ни одна! С 16.28 до... Да! Она же так и говорила: 339-й км! Как он мог забыть! И он немедленно сообщил результаты своих изысканий отцу.

— Да-а... — вяло сказал король. — Эта оставка... возле... небольшого города... так... всего на 86 тысяч человек!.. Таким методом можно искать... если не сто лет, то как раз до окончания века...

— Да нет! — перебил принц. — Она же добегала до электрички за 4 с половиной минуты! Понимаешь? А от города сколько надо бежать?

— Гм... ну не знаю... не пробовал (король сам удивился, что способен еще, кажется, шутить), но думаю... часа три-четыре, не меньше...

— Вот видишь! Так при чем здесь твой город? На 86 тысяч! Она, значит, на самой станции живет, понимаешь?

Теперь уже полез в карты и справочники король.

—...возле станции поселок... небольшой... Семь с половиной тысяч...

И этот вариант как-то не совсем подходил... Многовато тысяч было в поселке...

Теперь они оба прилежно мусолили карту поселка, но от этого он, конечно, не мог стать меньше...

— Месяц работы! Минимум! — изрек, наконец, король.

— Папа! — сказал вдруг принц. — Но ведь от этого поселка тоже за четыре с половиной минуты... до станции не добежишь!

— Действительно! Разве что на вертолете! — с досадой проиронизировал король: ну вот, он так и знал, что все эти изыскания — ерунда!

— А дома железнодорожных рабочих! — вдруг сказал принц. — Они же...

— Да-да-да, — подхватил король, — они обычно рядом!..

— Ну вот! А ты не верил!..

И замминистры были немедленно вызваны, проинструктированы и снабжены маленькой неправдоподобно красивой туфелькой, и король мрачно прокомментировал (конечно, после ухода замминистров):

— Ты делаешь удивительные успехи! Ничего не скажешь! Сейф открыл! Перстень сплавил! Координаты рассчитал! А еще говоришь, неспособен к точным наукам!

На это принц (как ни странно) ничего не ответил...

Замминистры собрались в дорогу, а король и принц пошли по своим комнатам — спать.

Король, впрочем, было совсем не до сна.

Только он закрыл глаза, как ему начинали мерещиться кипы всевозможных поддельных справок и прочих документов, скрепленных дубликатом королевской печати. И доказки тогда, что это не настоящие, а ненастоящие справки!

Поэтому король срочно вызвал к себе главного министра министерства нравственности и моральных устоев и кратко изложил ему суть дела. Министр министерства нравственности, услышав суть дела, конечно, страшно перепугался; он моментально представил, как пошатнется в королевстве нравственность!

Весь королевский автопарк (после бала с буфетом, как сказал принц) спал совершенно непробудным сном (в том числе управляющий аппарат автопарка), и бедный король с бедным министром нравственности, чертыхаясь и посылая (конечно, в душе) самые кошмарные понижения (по должности, разумеется) всему управляющему аппарату «Королеавтопарка», сломя голову побежали на проходящую электричку.

...Принц не стал звонить или стучаться в дверь: такой способ казался ему слишком примитивным, к тому же будут обязательно расспрашивать: кто, что, зачем и все такое. Поэтому он решил с тыла. Он подтянулся на руках, вскарабкался на выступ окна: обе форточки были открыты, поэтому не представляло никакого труда отстегнуть верхние шпингалеты, нижние (он это знал) обычно сидят слабее; окно открылось, и он влез на подоконник, сел, свесив ноги в комнату, и приподнял портьеру. Первое, что он увидел, — это (как в кошмарном многосерийном приключенческом) два человеческих тела в светлых элегантных плащах, связанных и валяющихся на голом полу!

Принц одернул портьеру. И вдруг узнал. Это были бедные замминистры министерства нравственности и моральных устоев! Принц захотел.

— Привет королевским детективам! — закричал он и прыгнул на пол. И в эту же минуту (вот удивительно, бывают же такие совпадения) в дверь стремительно и запыхавшись вбежали король и министр нравственности!

А из кухни, услышав какой-то шум, почти в ту же минуту вбежали все три женщины (ведь была суббота, выходной день). Все три женщины, увидя здесь, перед собой, в этой комнате, живого короля, на миг, естественно, потеряли дар речи; король, видя принца здесь, в этой комнате, тоже, на миг, разумеется, потерял дар речи; главный министр министерства нравственности (и т. д.), видя здесь, в этой комнате, своих подчиненных, совершенно связанных и валяющихся зачем-то на голом(!) полу, потерял сознание.

И тут, конечно, все сразу обрели дар речи, закричали, стали поливать бедного министра нравственности холодной водой. Но как только всё, а вернее, все стали на свои места, как тут же все вдруг энергично набросились друг на друга (разумеется, с упреками). Хозяйка — на дочерей: что они стоят рты раскрыв! Это вместо того, чтоб бежать на кухню кипятить чай, делать бутерброды и угощать таких высоких (это она уже кричала вполголоса и на кухне) гостей! Король — на принца: что он думает и каким это образом, и это вместо того, чтоб сидеть на занятиях и исправлять свои двойки? Принц — на короля: с какой это стати он будет торчать на занятиях, если такое дело и вообще! Он все придумал, а ему даже ничего не сказали и не взяли! Так вот же: они даже ехали в одной электричке! Главный министр — на своих замминистров: что это такое, он спрашивает! — им поручают такое дело, а они позволяют себя (это же смешно!) связать и прохлаждаются спокойно себе на полу, в то время как!.. Где туфелька?

Замминистры изменились в лице и судорожно зашарили по карманам брюк, пиджаков и элегантных светлых плащей. Увы! Туфельки там и в помине не было!

Главный министр страшно побледнел, а принц... засмеялся.

Вдруг хлопнула входная дверь, и принц выскочил в коридор. Там с бидоном молока и буханкой свежего хлеба стояла... она...

— Принц!

— Ну-у... я...

— Принц!.. Вы, значит... нашли меня!.. Так быстро... а я боялась...

— Совершенная случайность... — пробормотал принц и пожал плечами.

Но в прихожей уже стояли эти взрослые и слушали то, что им совсем не полагалось слушать.

— Перстень! — кратко сказал министр нравственности.

У принца замерло сердце: будто нельзя подождать!.. Потом!.. А сразу!.. Его подарок! Ужасно!

Она посмотрела на принца и сняла перстень. Министр быстро и ловко покрутил какие-то винтики, отвинтил печать, и перстень уже не представлял решительно никакой государственной ценности.

— Возьми, невеста! — хмыкнул он, возвращая перстень.

И все взрослые засмеялись.

Ну, это уж было слишком!

— Папа! Я не понимаю! Неужели у вас нет никаких... государственных дел во дворце! Безобразие! — И принц хлопнул входной дверью. За ним хлопнула дверью, конечно, и Золушка.

И они побежали от этих взрослых. Ведь им о многом еще нужно было поговорить... до отхода электрички...

— Принц... а что вы тогда конфисковали в буфете, а?

— Так! Ерунда! — засмеялся принц и махнул рукой.

И она тоже засмеялась и сказала:

— А вы хотите есть?

— Ага! Умираю от голода!

— И я! А вы любите ватрушки? С творогом?

— Ничего!

— А в буфет как раз привезли! Из города!

И они побежали на станцию 339-й километр.

— Хорошие у нас ватрушки? Свежие! — сказала она.

— Сносные! — сказал принц, запихивая в рот половину сносной ватрушки.

— А вы знаете, принц, в это время тоже целых два с половиной часа электрички не ходят в центр!

— Правда? И куда только смотрит министр транспорта и железных дорог! Не понимаю! Наверное, тоже детективы читают. Какое безобразие!

— Ой, я не пойму, принц, это вы шутите или серьезно?

— Я же говорил вам: я очень серьезный человек!

ПРОФРЕССИЯ — РАБОЧИЙ, ПРИЗВАНИЕ — АРТИСТ

Творчество молодых

АРТИСТЫ НАРОДНОГО ТЕАТРА В ГОСТЯХ У ПРЯДИЛЬЩИЦ ОРЕХОВСКОГО ХЛОПЧАТОБУМАЖНОГО КОМБИНАТА.

ГЕННАДИЙ КАРЕТНИКОВ — ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ НАРОДНОГО ТЕАТРА.

Валентин СВИНИННИКОВ
Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Давно не слышал я такой чуткой тишины в театре, таких дружных и точных, к месту, аплодисментов, то и дело вспыхивающих в зале. А спектакль не из лучших. И Каретников, наверное, мается сейчас, как от зубной боли. Не любит он всякие торжества, когда приезжих много, и стремятся актеры «выдать», показать товар лицом и безбожно пережимают.

То ли поддержка зрителей подействовала, то ли актеры успокоились, но ближе к середине спектакля наладилась игра. Может, и Маринка Тарасова помогла настроить. Ее Тузику, замучившемуся без ласки, хворому мальчишке, которого куда-то в сырую темноту гонит с секретным заданием хозяйка, как-то сразу веришь. И радуешься, видя, как оттаивает настороженное его сердчишко в кругу веселых, очень молодых и очень простых комсомолат. И вдруг неясная еще тревога разливается в воздухе. И вздрагиваешь от пронзительного вскрика Тузика в конце действия. Вдруг ясно-ясно понимаешь: это же сама смерть наяву привиделась мальчишке в образе бандита Кошелькова!

Разыгрались и другие бывшие студийцы. В роли Сени Булаева, поэта в кожаной куртке, сотрудника уголовного розыска, — Николай

Простомолотов. Всмотрел его в свое время Геннадий Каретников в девятом классе школы рабочей молодежи № 23, где вел да и сейчас ведет уроки. Тоненький юнец, в глазах — любопытство. Работал на бумагопрядильной фабрике Ореховского хлопчатобумажного комбината, интересовался литературой, просился в театр. Геннадий взял его в студию: пусть походит, присмотрится, дальше видно будет. Прирос Николай к театру: уже и школу вечернюю окончил и в армии отслужил, заместителем секретаря комсомольской организации своей фабрики стал, кандидатом в члены партии, студентом заочного отделения текстильного института, а в театр спешит чуть не каждый вечер. Играет в пяти спектаклях. Шесть лет назад был назначен Николай помощником режиссера в студии. Теперь он и по «Хитровке» вместе с Владиславом Боровским помогал режиссеру, так и в программке значится.

Хорош в наивной своей простоте матрос Груздь — Евгений Сосин. Ах, как искренне верит Груздь в то, что Ленин сам из балтийских матросов, что если уж враг в угрозыске, то ясно — из «бывших». И как искренне изумлен, узнав, что предатель — Арцыгов: «Я ж тебе, как брату, верил...» Как-то не воспринимается, что в образе этого мешковатого, простоватого парня — инженер-химик отбельно-красильной фабрики того же комбината, коммунист, секретарь комсомольской организации

отдела главного механика и тоже студент-заочник.

Арцыгова — врага в личине друга — играет Владислав Коротков. В 1946 году пришел он в театр десятиклассником. Теперь позади культпросветучилище, четыре курса Московского государственного института культуры. Работает он режиссером театрального коллектива городского Дома пионеров, постоянно играет в народном театре.

В роли Гали — «звезда» театра Нина Чуркина. Она работала секретарем комсомольской организации школы № 6, закончила литературное отделение местного пединститута, сейчас библиотечкарь. Мягкая, мечтательная, по-женски заботливая, хрупкая на вид, — вроде бы непохожа ее Гали внешне на сотрудницу угрозыска. А во втором действии Нине пришлось искать совсем другие краски — в самом логове «хитровандев» изображать «свою» для них и оставаться своей для зрителей. Ничего, справилась. Но, впрочем, ее «звездная» роль — не в «Конце Хитрова рынка». Призом за лучшую женскую роль была отмечена в Чехословакии ее игра в спектакле «Девочка и апрель».

Совсем другой выглядит Анна Севостьянова в исполнении Наташи Баркалевой. Спокойная, уверенная в себе русская красавица. Движения плавны, голос ровен. Но вдруг словно молния сверкает в глазах и в голосе — металл. Только не сразу и не по всякому поводу по-

казывает такую, настоящую Анну молодая актриса. Не должен зритель до самого конца подозревать, на что способна верная подруга матерого бандита...

Как всегда, добротны образы, созданные «стариками» театра — Валерием Назаровым (Горев), Игорем Соколовым (Барон), Виктором Пьяновым (доктор), Анатолием Лившицем (старик), Анной Дмитриевой Камышовой (старуха).

«Старики»... Основа и опора театра, его костяк и душа его. Много воды утекло с тех пор, как, волнуясь, стояли они пред строгими, взыскательными судьями — режиссерами и артистами МХАТа, набравшими труппу для одного из первых в Московской области да и в стране народного театра. А теперь Орехово-Зуевский драматический народный театр и представлять-то стало делом хлопотным — очень уж много он набрал «титолов» за 15 лет своего существования: спутник Московского Художественного академического театра Союза ССР имени М. Горького, лауреат Всесоюзного фестиваля и Всероссийского смотра народных театров, лауреат премии Ленинского комсомола Подмосковья. Семь раз выступал на сцене МХАТа перед взыскательной и избалованной московской публикой, а спектакль «Девочка и апрель» показывал, как уже упоминалось, за рубежом.

Пятнадцать лет пролетело с тех пор, как, разрезав ленточку у входа в зрительный зал перед премьерой

первого их спектакля, «благословил» народный театр народный артист СССР, лауреат Ленинской премии Борис Александрович Смирнов. Появилась уже своя история...

Но есть еще богатая и интересная предыстория — с начала нашего века, когда строились в Москве здание МХАТа, а в Орехово-Зуеве на деньги Саввы Морозова — театр для рабочих. Еще тогда мхатовцы взяли шефство над самостоятельными артистами из рабочей молодежи. В Орехово-Зуеве бывал К. С. Станиславский. А в 1916 году рядом с рабочими-артистами играл Барона в спектакле «На дне» В. И. Качалов. В 1919 году с помощью мхатовцев открылся здесь театр-студия. «Пятой студией МХАТа» назвал ее позднее в мемуарах руководивший ею В. Е. Захава.

Видимо, хорошие семена вложили первые поколения мхатовцев в души своих рабочих-учеников, если многие из них через всю жизнь пронесли увлечение театром. В городе с великим уважением отзываются, например, о Варваре Фокеевне и Николае Степановиче Прохоровых. Из самостоятельного рабочего театра Николай Степанович перешел в профессиональный, но вскоре вернулся в родной город, чтобы продолжать начатое МХАТом. Варвара Фокеевна долгие годы руководила драмколлективом в Доме пионеров, Николай Степанович — во Дворце культуры текстильщиков. У нее переломки с горящими глазами постигали азы искусства, проникались

любовью к сцене, а потом неокрепшие эти «саженцы» чаще всего попадали в искусные и чуткие руки Николая Степановича. Слава самостоятельных артистов Дворца культуры текстильщиков выходила далеко за пределы города. Всесоюзного признания удостоился, например, их спектакль «Молодая гвардия». Текстильщики ставили даже оперы, а их симфонический оркестр не раз выступал в Москве.

Крепкие драматические коллективы сложились и на многих других предприятиях города и района: заводе «Карболит», Дрезненской и Подгорной фабриках. Так что не случайно в 50-х годах, когда стали создаваться народные театры, мхатовцы вспомнили о наследниках своей «пятой студии».

...Погиб добродушный и могучий матрос Груздь. Пал, закрывая собой того самого «бывшего», которого не понял и которому долго не верил, Горев, еще при царе ставшего грозою преступного мира, а после революции честно отдавшего свое мастерство на службу народу. Пал от руки «невесты» бандита. Но зато обезврежен наконец уголовник, ставший политическим врагом Советской власти, Кошельков (В. Боровский), чья зловещая тень так впечатляюще-символически нависает в спектакле ореховозуевцев над молодыми жизнями, над молодой республикой. Настал конец Хитрову рынку — рассаднику организованной преступности... Отшумели аплодисменты после спектакля и юби-

лейных речей на торжестве, вручены приветственные адреса, дипломы, подарки — все, что положено в таких случаях.

А спектакль продолжается — во время традиционного «капустника», спектакль, имя которому — жизнь народного драматического театра. Вот она, его история, снова и снова оживает в шутливых сценках, поставленных молодежью театра, в песнях, сочиненных, наверное, на все возможные и невозможные случаи.

Слова могут показаться шероховатыми, да чаще всего так оно и есть. Но, на зависть иным профессиональным поэтам, звучат эти песни — и не только в театре. Лучшие из них попадают в спектакли, и подхватывает их весь город. Так было с песенками к спектаклю «Девочка и апрель». И как не гордиться такими песнями, если они, скажем, о тебе персонально:

Юра Дмитриев — бог-осветитель,
Юра — сердце театра всего,
Но когда аплодирует зритель,
Он, как бога, не видит его.

За этим маленьким гимном тоже стоит история. Электрик Юрий Тимофеевич Дмитриев вместе со «стариками» держал экзамен на актера народного театра, но не прошел. А жить без театра не смог. Попросился сделать «хоть что-нибудь». Стал осветителем, а потом... Потом — «богом-осветителем» и вообще незаменимым человеком. Его интуиция в распределении декораций на любой сценической площадке, блестящее

знание сцены, его мгновенная реакция в критических, граничащих с провалом ситуациях, когда отказывает какая-либо техника, его богатая выдумка не раз спасали театр. И поэтому он «бог».

А в приветствии пионеров на торжественном заседании растрогала всех девчушка своей частушкой о том, как она «на Камышову хочет походить». Кто же такая Анна Дмитриевна Камышова? Теперь пенсионерка, а была продавцом с пятью классами образования. В театре продавала программки. Но захаживала на репетиции, приглядывалась к работе актеров и потихоньку училась. В счастливый для театра день обратил на нее внимание Юрий Леонидович Гринев, прежний, до Каретникова, художественный руководитель, дал ей попробовать себя в небольшой роли. И вдруг обнаружился в Анне Дмитриевне такой яркий комедийный талант, природный, «от бога», что одно лишь ее появление на сцене МХАТа привело в восторг публику.

Молодежь театра чаще к Маринке Тарасовой сбегается «на огонек», а «старикам» — те к библиотекарю Лие Алексеевне Туркиной, много лет уже бессменному председателю художественного совета театра. Наверное, все важнейшие дела театра решались в ее гостеприимном доме. Лия Алексеевна отдала самостоятельной сцене, как говорится, всю свою сознательную жизнь. И сына вырастила артистом. Впрочем, в театре все ей как сыновья и дочери: уез-

жают ли учиться, уходят в армию — именно с нею ведут переписку. Играет она много, охотно и всегда интересно. Только дел и помимо актерских выше головы. В «Хитровке», например, Лия Алексеевна за костюмы отвечала. Иначе в народном театре нельзя. Любимый актер здесь — он же и гример, костюмер, рабочий сцены...

Еще один из «стариков», Валерий Назаров, начинал у В. Ф. Прохоровой в Доме пионеров почти четверть века назад. После окончания семилетки работал крановщиком и учился в индустриальном техникуме, экстерном сдал за одиннадцатый класс, теперь работает инженером на заводе «Карболит». За эти же годы создал десятки разноплановых образов в острохарактерных ролях. Для него, как считает Каретников, игра в народном театре абсолютно точно вторая профессия, поскольку он всегда подходит к этому с профессиональных позиций, то есть позиций удивительно честного отношения к делу и полной самоотдачи. Теперь он ведет занятия в молодежной студии театра, как вел когда-то Геннадий Каретников, вставший теперь у руля всего народного театра.

Каретников... Собственно, мое знакомство с театром с него и началось. На одном из дружеских вечеров несколько часов напролет читал стихи парнишка (как сперва показалось) — худенький, с острым профилем. Но отнюдь не романтически бесплотный «юноша бледный со взором горящим», нет, ощущалась в нем жилистая, мужицкая сила (оказалось потом, что его любимое занятие — сенокос). А читал мастерски, чувствовалась актерская школа. Но когда мне сказали, будто он играл Егора Булычова, я, признаться, не поверил. Булычова? Крупного, властного и сильного даже перед лицом смерти человека... Немыслимо.

Однако же Булычова — Каретникова признала строгая публика МХАТа.

А вырос Геннадий Александрович Каретников в народном театре и

вместе с ним. Студентом пединститута играл он вначале своих сверстников, то есть самого себя. Ну что ж, и первые пьесы так подбирались, чтобы попроще было «артистам из народа», чтобы могли опираться на какой ни на есть, а все же собственный опыт. Но топтание на месте, вечное повторение пройденного — смерть для всякого творчества. Растить театр можно только на настоящей драматургии. Это хорошо понимал Юрий Леонидович Гринев, режиссер, принявший театр в 1961 году, очень много сделавший для его становления. И посмотрите-ка, чего только нет в репертуаре ореховозуевцев: Н. Гоголь «Женитьба», А. Островский «На бойком месте», «Красавец-мужчина», М. Горький «Егор Булычов и другие», Ж.-Б. Мольер «Лекарь поневоле», Б. Лавренев «Разлом», В. Розов «В поисках радости», «Затейник», А. Зак и И. Кузнецов «Два цвета», И. Шур «Заводские ребята», Н. Долиннина «Они и мы», Т. Ян «Девочка и апрель»... Такому, пожалуй, и иной профессиональный театр позавидует. Может, творческая смелость не подкреплена уровнем исполнения? Нет же, свои «веселые» народные театры вполне обеспечивает. Иначе разве стал бы МХАТ семь раз предоставлять им свою сцену?

А как тянулись ввысь, через себя переступая, артисты народного театра, можно в какой-то мере представить себе по скупым записям в дневнике Каретникова. Вот он ищет краски для образа Глухаря («Два цвета»): «...это законченный негодяй без какой-либо воровской «героики». Он трус. В его повадке должно быть, по-моему, что-то крысиное. Жест, походка, манера говорить — все должно быть мелким».

После спектакля во МХАТе артистка К. И. Ростовцева, многолетний и верный друг ореховозуевцев (как и режиссер МХАТа В. Н. Богомолов, гример А. Д. Горохов), рассказывала, что другая известная артистка, К. Н. Еланская, выпрашивала, «где взяли напрокат этого хулигана», и не хотела верить, что Ген-

надий — педагог (к тому времени он уже окончил пединститут и преподавал в вечерней школе).

Вот его горькие слова о том, что «Булычова — нет!!!». И уже после выступления во МХАТе: «...недоволен тем, что я создал. Как глупо бывает, что нужный материал для работы над образом находишь обычно после того, как уже показался на сцене. В октябре мне попались в руки две книги, которые проливают истинный свет на Булычова. Хорошо, что еще не поздно и я смогу что-то изменить в моем Булычове. Надо играть жизнь, жажду жизни. Я же играл, надо откровенно признать, смерть Булычова, а это в корне неверно...» Не такое ли острое и честное недовольство собой — подлинный двигатель для творческой личности?

А потом все больше и больше в дневнике помет о нелегком хлебе режиссера. Гринев со временем все смелее стал привлекать Геннадия к совместной работе над спектаклями, пока наконец не доверил самостоятельно поставить «Девочку и апрель». Правда, тогда Каретников заканчивал уже второй вуз — заочное режиссерско-театральное отделение Московского государственного института культуры (там же учился и другой актер театра, Альберт Ильинцев, а сейчас — Владислав Коротков).

Об успехе первой самостоятельной постановки Каретникова писала и наша и чехословацкая пресса. Но, может, всего дороже вот такие безыскусные строки сочинения десятиклассницы средней школы № 4 г. Орехово-Зуево Наташи Мурановой:

«...В зале тихо и темно. И вдруг будто бы огромное солнце рассыпалось на множество кусочков и, ворвавшись в зал, осветило его ласковыми и озорными зайчиками. Они бегают по лицам зрителей, отражаются в глазах и оставляют свои частички в их сердцах. А у зрителей от этого становится хорошо и радостно на душе.

...Кончился спектакль. Я иду домой, а в голове кружатся и кружатся слова Александра Блока: «Только влюбленный имеет право на звание человека». Идет дождь, а я, не замечая его, все думаю и думаю об этих словах, о Варьке и Игоре, об их только зарождавшейся любви, о многом, многом другом...

Любовь. Какая она? Добрая или злая, слепая или зрячая, помогает ли она человеку или делает его беспомощным и жалким? И ответил на все мои вопросы спектакль «Девочка и апрель».

...В этом смысл и идея спектакля: любить надо самого человека.

Но спектакль этот не только про любовь, в нем переплетаются очень важные и острые проблемы о коллективе и дружбе в нем, о взаимоотношениях одноклассников между собой и учителем... И в самом конце: «...сложно писать сочинение об этом спектакле, потому что он сама жизнь, а жизнь всегда сложна... Много раз я смотрела этот спектакль, но всякий раз воспринимаю его по-новому, каждый раз открываю что-нибудь важное для себя, ранее не замеченное...»

(Это еще одна хорошая традиция театра — обращаться напрямую к своему зрителю. Спектакль «Два цвета», отмеченный премией Ленинского комсомола Подмосковья, был задуман и осуществлен как прямое вмешательство театра в жизнь, как бой хулиганству средствами искусства. И споры о нем выплеснулись в молодежные, особенно рабочие коллективы города. После спектакля «Они и мы» гороно по просьбе театра впервые провел конкурс на лучшее сочинение о нем — и около де-

сяти тысяч старшеклассников и учащихся профтехучилищ высказали свое мнение. На 15-летнем юбилее театр вручал призы победителям конкурса сочинений по спектаклю «Девочка и апрель».)

У нового художественного руководителя (Каретников сменил Гринева в 1972 году) много хлопот и планов. Хлопот, потому что театр — даже и трижды заслуженный — это живой организм. У него свои процессы обновления, без чего нет жизни, свои противоречия — без них нет движения. Спектакль «Конец Хитрова рынка» — не такой уж шаг вперед («Были уже Репы, были Глухарь», — поддразнивающе пели на «капустнике» студийцы). Но тем не менее шаг вперед, поскольку позволил на конкретном деле заново сплотить молодежь и «стариков». Театр сейчас жадно ищет пьесу, которая отвечала бы на самые острые, волнующие вопросы дня. И хорошо, если бы она еще и была близка городу, как это случилось с одной из эталонных постановок — «Голодным походом» В. Вахревского.

Владислав Вахревский — писатель из этого же города, старый друг театра. Кстати, он прошел в свое время школу Прохоровых и выдержал экзамен перед мхатовской комиссией. Но более полезным театру он оказался как драматург. К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина театр поставил грандиозный спектакль, герои которого — ореховские и ликинские ткачи с бывшей Морозовской мануфактуры, время действия — каунд Великого Октября, а содержание — история о том, как в результате борьбы рабочих были первыми в революционной России национализированы местные предприятия. И был по этому поводу соответствующий декрет Ильича...

Ох, и трудно было «поднять» такой спектакль! Драматические, быстро меняющиеся события, сложнейшие массовые сцены... Помогал горком партии, где, кстати, прошла и первая читка пьесы, помогли предприятия города, соорудившие уникальный станок-дорогу, пересекающую крутой спиралью всю сцену.

О том, насколько удался спектакль, говорят опубликованные в областной газете взволнованные раздумья народного артиста Азербайджанской ССР А. Л. Грипича. Уж он-то знает толк в такого рода постановках: перед войной ставил на той же сцене спектакль «Морозовская стачка». А. Л. Грипич прямо призвал народные театры нести зрителям темы и сюжеты, почерпнутые и из современной, прежде всего рабочей жизни, и из истории нашего революционного прошлого. «Всем настрою своим театры, родившиеся в трудовой гуще, призваны отражать насущные интересы народа...»

Может, содружество театра с В. Вахревским и продолжится столь же успешно, когда тот завершит обещанную пьесу про атамана Кудеяра — русского Тилиа или Робин Гуда.

А еще мечтает молодой режиссер о поэтическом театре. Это понятно, ибо все здесь бредят поэзией. Первые подступы уже есть — творческий вечер о Сергее Есенине, различные масштабные постановки совместно с хоровой капеллой «Комсомолия». А что впереди? Может, не зря еще в 1968 году в дневнике Геннадия появилась запись: «Блок разрывает меня. Не дает мне жить. «О Родине» — здорово... Теперь надо поднять дневники, и я найду тому человека, меняющего сюртук на солдатскую шинель. А как это будет зрительно, пока трудно сказать, хо-

М. ТАРАСОВА В СПЕКТАКЛЕ «ВЕДЛИКИЙ ВОЛШЕБНИК».

СЦЕНЫ ИЗ СПЕКТАКЛЯ «КОНЕЦ ХИТРОВА РЫНКА».

СОЛДАТЫ — Н. ЧУХРИЕНКО И Н. ВОРОБЬЕВ.

СЕНЯ — Н. ПРОСТОМОЛотов, ЧУБАТЫЙ — А. ПЛЮТО.

тя правильно сказал Фет: «...песни нет, но песня зреет...»

Писать о наследниках «пятой студии МХАТа» радостно и трудно. Трудно потому, что хочется сказать еще о многих и многих. Например, о Лидии Николаевне Харламовой, которая начинала свой путь 17-летней девушкой во фронтовой бригаде: танцевала, пела, читала стихи. А сейчас она, педагог-историк, глубоко изучает вопросы развития культуры родного города. Не без ее участия во многих школах и профтехучилищах города появились маленькие музеи, где достойное место занимает и народный театр. О художнике Викторе Скалине, работающем ночами, ибо когда еще удастся разложить на сцене громады холстов (и о нем тоже есть душевная песня)...

Нет, обо всех не рассказать. По этому в заключение — о главном. Народный театр — это, конечно же, высшая форма художественной самодельности, подлинно художественное творчество народа. Безусловно, выше здесь и сценическая подготовка актеров и уровень всей работы с ними. (Еще на первых репетициях «Хитровки» поразило меня, как глубоко ребята изучали и жизнь молодежи тех огненных лет и историю Хитрова рынка, причем привлекли для этого свидетельство такого знатока старой Москвы, как Гиляровский. Вполне профессиональная подготовка к работе над образом!) У народных театров — серьезный и ответственный репертуар, свой зритель, с которым ведется опять-таки капитальная массовая работа, своя, кровно близкая тема, во всяком случае, активный поиск ее. У народных театров, наконец, отличная традиция — воспитывать не только актера, даже и настоящего, мыслящего, а не копирующего, но прежде всего ЧЕЛОВЕКА. Это мне и хотелось показать хоть в малой степени в рассказе о буднях артистов Орехово-Зуевского народного театра — спутника МХАТа СССР имени М. Горького.

СТАЖАН СО ВСЕЛ

НАУКА:ФИЗИКА

Олег МОРОЗ

В то время как физики ломают голову над тем, что такое элементарные частицы, вопрос, возможно, решается довольно просто (хотя слово «просто» в данном случае звучит, пожалуй, несколько двусмысленно, если не сказать кощунственно). Может быть, каждая элементарная частица или по крайней мере некоторые из них представляют собой стянутые почти в точку огромные пространства или, что то же самое, огромные массы материи. Не исключено, что, опрокидывая стакан с водой, вы невзначай выливаете миллиарды вселенных — таких же, как наша...

Как изогнуть пространство?

С тех пор как общая теория относительности получила право на существование, в лексиконе физиков появились такие странные понятия, как «кривизна пространства», «замкнутый мир», «незамкнутый мир»... Что это такое, понять трудно, а представить невозможно. Обычно на помощь призывают аналогию (впервые, еще в 1917 году, ею воспользовался сам Эйнштейн, растолковывая широкой публике головомомные сложности придуманной им теории). Вообразите на минуту, что на некоей совершенно ровной плоскости живут некие «двумерные» разумные существа. Этим существам знакомы лишь понятия «вправо — влево», «вперед — назад», «Вверх» и «вниз» для них не существует. «Двумерные» люди прекрасно знают евклидову геометрию и очень довольны, что их двумерное пространство вполне соответствует этой простой геометрии: сумма углов треугольника всегда равна 180 градусам, а через две точки можно провести только одну прямую...

Представьте себе далее, что плоскость как-нибудь произвольно изогнулась, двумерное пространство сделалось кривым. Большинство жителей, его населяющих, естественно, равным счетом ничего не замечают, продолжая преспокойно ползать по своим делам. Лишь небольшая кучка провешенных математиков тамошней страны с тревогой обнаруживает, что пространство вдруг стало неевклидовым: сумма углов треугольника перестала равняться двум π и т. д. и т. п. В чем дело? Математики судят и рядят так и этак. Наконец самый гениальный из них высказывает «сумасшедшую» идею, что их двумерный мир искривлен.

...В конце концов гипотеза «свихнувшегося» геометра принимается за истину, хотя воочию представить, что она означает, ни один из «двумерных» мыслителей так никогда и не может.

По сравнению с ними мы себя чувствуем почти богами: нам нетрудно вообразить кривым «плоский» мир этих существ. Однако и наше воображение пасует, как только дело касается кривизны нашего собственного трехмерного мира, тем более — четырехмерного пространства — времени. Лишь аналогия с изогнутой, покоробленной плоскостью предоставляет для мысленного взора некоторую зацепку. Увы, не слишком большую...

Закон всемирной кривизны

Для изгиба пространства должна быть какая-то причина. Можно предположить, что плоскость, по которой ползают «двумерные» существа, прогибается оттого, что на нее взгромоздили некую гирю. Подобно этому и трехмерное пространство искривляется при некоторых специфических обстоятельствах — вблизи значительных масс вещества. Тут оно более всего отличается от евклидова. Напротив, в отдалении от таких точек кривизна делается все меньше и меньше, так что в конце концов мир становится евклидовым.

А каково в целом пространство, заполненное материей? Точнее говоря, не заполненное, а образованное ею, ибо пространство без материи — нонсенс, нечто не имеющее смысла. Двумерный мир, плоскость, мы в состоянии изогнуть так, что получится какая-нибудь незамкнутая поверхность, например, наподобие седла. А захотим — замкнем ее, сделав, допустим, сферу. Подобным же образом искривленное трехмерное пространство может быть в целом разомкнутым, а может замкнутым. Это также зависит от многих обстоятельств. Поскольку стационарный мир, у которого радиус кривизны со временем не меняется, по общему убеждению, — вещь маловероятная, внимание исследователей ныне привлекают главным образом нестационарные модели мира. В отношении их говорят вполне определенно, что такой мир будет разомкнут, если плотность материи в нем ниже некоторой критической величины. В этом случае он способен расширяться до бесконечности. Луч света, выпущенный из какой-нибудь точки внутри него, никогда не вернется назад (если только не отразится от какой-либо встреченной на пути преграды). Напротив, если плотность превышает критическую, пространство окажется замкнутым: оно будет то расширяться, то сжиматься, не выходя за некоторые пределы.

Нечто похожее на такой «пульсирующий» мир мы получим, надувая и спуская резиновую камеру внутри покрышки футбольного мяча. (Почему именно футбольного, а не волейбольного, например! Просто потому, что футбольная покрышка, как известно, более жесткая, и ее сподручнее использовать в качестве модели некоего ограничителя, препятствующего чрезмерному раздуванию камеры.) При этом опять-таки не надо только

забывать, что камера — двумерное замкнутое «пульсирующее» пространство, то есть нечто несравненно более простое, более поддающееся воображению, нежели трехмерный замкнутый мир.

В замкнутом пространстве свет, направленный нами в какую-либо сторону, в принципе, облетев все это пространство, может вернуться к нам с противоположной стороны. Короче говоря, и разомкнутый и замкнутый миры безграничны, однако если первый бесконечен, второй имеет конечные размеры.

Чем больше, тем меньше

Удивительные вещи происходят с замкнутым миром, даже и с двумерным. Представим себе, что наши плоские существа живут не на плоскости, а на поверхности шара. Случилось так, что за какую-то провинность они решили изгнать из своего общества одного из сограждан и очертили некую небольшую (по сравнению со всей шаровой поверхностью) окружность, в пределы которой он не имеет права вступать. Представим далее, что через какое-то время община

«двумерных» существ решила увеличить территорию, закрытую для доступа провинившегося, и провела из того же центра окружность большего радиуса. Такая операция повторяется вновь и вновь — до тех пор, пока вся сферическая поверхность не станет для изгнанника запретной. Что при этом происходит? Сначала длина ограничительной окружности растет по мере увеличения радиуса, а затем начинает уменьшаться и в конце концов обращается в математическую точку, исчезает из поля зрения (правда, за мгновение перед этим сам изгнанник должен навсегда покинуть поверхность шара, подпрыгнуть, чтобы дать возможность сомкнуться окружности, которая стягивалась вокруг него, и очутиться в каком-то совершенно немислимом для «двумерного» существа третьем измерении, в каком-то ином, потустороннем мире).

Сходным образом обстоит дело и в трехмерном замкнутом пространстве с той лишь разницей, что тут в любой ситуации опять-таки требуется поправка «плюс единица» к числу измерений. Допустим, это пространство имеет форму открытой Георгем Риманом трехмерной сферы (трехмерного прототипа обычной сферической поверхности). Изгонять нежелатель-

ЕННЫМИ

Масса с «дефектом»

По мере роста радиуса сферы удивительные вещи происходят не только с величиной ее поверхности, но и с общей массой материи, заключенной внутри нее. Казалось бы, чем больше рассеянной материи оказывается в пределах этой сферы, тем больше должна быть ее «суммарная» масса. Ан нет. В первое время она и вправду увеличивается с ростом радиуса сферы (хотя и медленнее, чем простая арифметическая сумма отдельных масс), однако затем общая масса материи начинает катастрофически уменьшаться и в конце концов, как и величина поверхности, обращается в нуль.

Причина! Она в так называемом гравитационном дефекте массы, который, подобно ядерному дефекту, определяют исходя из известной эйнштейновской формулы. Эта формула, как мы знаем, утверждает, что энергия и масса любого материального объекта, находящегося в покое, пропорциональны друг другу. В то же время энергия некоторой системы, состоящей из нескольких объектов, меньше суммы их энергии — на величину энергии связи, действующей между ними. Значит, и общая масса меньше арифметической суммы масс. Образуется как бы некий «дефект». В такой системе, как замкнутая вселенная, в «дефект» уходит вся масса, без остатка.

Замкнутый мир и так-то никак образом не проявляет себя «вовне»: ни световые, ни радио-, ни любые другие сигналы не могут вырваться из него «наружу». Но если бы даже у нас были основания подозревать, что он существует в некоторой области «внешнего» по отношению к нему пространства, и мы попытались бы создать в своем воображении некий зримый образ его, мы, по всем правилам, опять-таки должны были бы представить его как нечто, не имеющее ни размеров, ни массы, то есть как ничто (учитывая к тому же, что полный электрический заряд замкнутого мира также равен нулю). Получается как бы ничто в квадрате.

Предположим, однако, что средняя плотность материи в каком-то пространстве чуть-чуть меньше критической. В этом случае замкнутого мира не получится. Получится ПОЧТИ замкнутый. Кажется, ну, что такое «почти», стоит ли о нем говорить особо! Оказывается, стоит, ибо тут между «полностью» и «почти» качественное различие.

В почти замкнутом мире поверхность сферы при увеличении радиуса, как и в мире, полностью замкнутом, до поры до времени растет, а затем начинает уменьшаться. Однако уменьшение это не беспредельно: достигнув некоторой минимальной величины, поверхность опять станет увеличиваться, и в конце концов при очень больших радиусах пространство делается эвклидовым.

По образовавшемуся «коридору» наш изгнанник может спокойно, не прибегая к чудесам и потусторонним силам, покинуть свою «бочку Диогена», а при случае, если выйдет амнистия, и возвратиться в свой родной мир. До той же поры из его «эвклидова далека» покинутая им «бочка» — сфера наименьшего радиуса — будет представлять ему теми «воротами», за которыми скрывается запретная для него вселенная.

Остается еще добавить, что полная масса и полный электрический заряд почти замкнутого мира, естественно, уже не будут равны нулю.

«Быть может, эти электроны...»

Для нашего наблюдателя «ворот», по сути дела, олицетворяют весь мир, расположенный «за» ними. Ничто другое не явлено его взору и не может быть им измерено, как только размеры, заряд, масса и прочие характеристики, «приданные» этой сфере. Самое поразительное, что они могут быть мизерными, такими, например, как у электрона. В то же время «внутри» этого шарика могут скрываться гигантские миры размером в миллиарды световых лет, включающие в себя планеты, звезды, галактики. Академик М. А. Марков назвал такие гипотетические частицы фридмонами — в честь советского математика А. А. Фридмана, который одним из первых, еще в двадцатые годы, исследовал космологические проблемы в свете общей теории относительности. Быть может, и наша вселенная со всеми ее солнцами, млечными путями, туманностями, квазарами — такой фридмон.

Пожалуй, ни один фантаст не додумался еще ни до чего подобного, хотя его воображение ничем не стеснено и не ограничено. Правда, Валерий Брюсов написал однажды:

Быть может, эти электроны —
Миры, где пять материков,
Искусство, зная, войны, троны
И память сорока веков!

Впрочем, фридмоны не обязательно должны заключать «в себе» гигантские мироздания. Их скрытое «содержимое» может быть и более скромным, состоящим, например, из вещества одной галактики, одной звезды, из вещества в несколько граммов и даже долей грамма. Самое удивительное, что внешне фридмоны столь различных «классов» будут выглядеть совершенно одинаково.

Неизбежность странных миров

И все-таки наша взбудораженная фантазия, конечно, более всего заинтригована картиной необъятной вселенной, втиснутой в микроскопические размеры. Возможно ли! Мыслимо ли! Мало ли какие лазейки открывает теория! Далеко не каждой из них природа обязана воспользоваться.

«Лазейка», связанная с идеей фридмонов, имеет перед другими то преимущество, что природа как будто довольно сочувственно относится к ней. Дело в том, что размеры

сферической «горловины», которая ведет в почти замкнутое пространство, зависят от величины электрического заряда почти замкнутого пространства: чем больше заряд, тем и размеры больше. В таком случае, казалось бы, в природе могут встречаться частично замкнутые миры самых различных «наружных» размеров. Но трудно себе представить, чтобы «избыточный» электрический заряд гигантской вселенной был микроскопическим. Это маловероятно. А потому и фридмон, «включающий» в себя огромные миры, вроде бы маловероятная вещь.

Однако вот тут-то природа и проявляет словно бы симпатию к этому удивительному феномену: необъятно большое — в микроскопически малом. Согласно расчетам академика М. А. Маркова, почти замкнутая система с большим электрическим зарядом неустойчива; она стремится во что бы то ни стало уменьшить его, выбросить «наружу» избыток электричества. Причем «нормальный» заряд, при котором система обретает желанное равновесие, как раз микроскопический, близкий к заряду той или иной элементарной частицы. Например, если пространство в какой-то момент обладало большим отрицательным зарядом, то через какое-то время он неизбежно уменьшился бы почти до заряда электрона. Соответственно сократились бы размеры и масса этого пространства, как они явлены «постороннему» наблюдателю.

Короче говоря, по математическим выкладкам получается, что стягивание гигантских миров почти в точку отнюдь не маловероятно, при определенных условиях оно неизбежно. Это значит, что вокруг нас может обраться бесчисленное множество крохотных частиц, любая из которых на поверку окажется необъятным миром. Воистину, «быть может, эти электроны...»

Если принять идею фридмонов, модель вселенной как целого предстанет перед нами в ином свете, чем прежде. В еще более удивительном, хотя космологические дискуссии последних лет вроде бы приучили нас уже ничему не удивляться. Отныне мы должны свыкнуться с мыслью, что в принципе любая «элементарная» частица может оказаться входом в иные миры. Проникнув в этот вход, преодолев некий все расширяющийся и расширяющийся коридор, мы, возможно, оказались бы, в какой-то совершенно иной вселенной. Нашему взору предстали бы неведомые галактики со своими планетными системами и, не исключено, со своими цивилизациями.

Оглянувшись назад, туда, откуда пришли, мы увидели бы, что на этот раз до микроскопических размеров сжалась, превратилась во фридмон наша родная вселенная. Если в нас очень сильны «патриотические» чувства, мы, наверное, поторопились бы вернуться туда. Если же более сильным оказался бы исследовательский инстинкт, инстинкт любопытства, то, побродив вдоволь в этом новом, незнакомом мире, мы, пожалуй, подыскали бы себе для продолжения путешествия какой-нибудь другой фридмон и опять «нырнули» бы в него. Таким образом, наша прогулка могла бы продолжаться, по сути дела, до бесконечности.

Вероятно, кто-то, прочитав статью, скажет, что все это химеры, что все это невозможно, ибо противоречит здравому смыслу. Здравый смысл, однако, тут совершенно ни при чем. Если идея фридмонов и будет в конце концов признана нереальной, так это лишь вследствие того, что по мере углубления наших знаний о природе обнаружится нечто такое, чего мы не знаем сегодня и что в корне противоречит этой идее.

ного субъекта придется, поставив перед ним преграду уже не в виде окружности, а, допустим, в виде достаточно толстой хрустальной сферы, наподобие той, которая, как полагали древние, несет на себе звезды и ограничивает вселенную. О величине запретного для него пространства изгнанник, естественно, может судить лишь по тому, как велика площадь хрустальной поверхности. Вот он заметил, что площадь увеличилась: это карательные органы его бывших соплеменников решили ужесточить для него наказание, увеличили радиус сферы, оттесняя его на «периферию» пространства. Так повторяется много раз. Внезапно, однако, новое открытие: поверхность сферы начала сокращаться. Что это! Судьи смиловились! Увы, тщетная надежда. Радиус сферы продолжает неумолимо расти, но геометрия неевклидова пространства такова, что по мере роста радиуса сферы площадь ее поверхности, достигнув некоторой наибольшей величины, делается все меньше и меньше, пока, наконец, не обращается в нуль. В конце концов наш изгнанник оказывается, словно Диоген, в бочке. Единственный путь к спасению — как-то выпрыгнуть из этого мира в другой, если, конечно, он существует.

Из правого бокового кармана светло-коричневой кожаной куртки он достал пачку недорогих сигарет. Привычным движением пальцев вытолкнул одну, помял ее. Щелкнула зажигалка, и светлый танцующий язычок пламени коснулся табака. Мой собеседник с наслаждением затянулся.

Мы сидели в фойе зала «Штадтхалле» Бад-Годесберга, одного из районов «большого Бонна». В зале былолюдно: конгресс западногерманских сторонников мира, на который собрались свыше 500 делегатов из разных концов страны, совпал по времени с выставкой, посвященной защите окружающей среды.

На деревянной скамейке, отгороженной какими-то стендами и вынесенной сравнительно далеко от входа в основной зал, меньше слышался гомон выслушавших на обеденный перерыв делегатов конгресса.

Через тонкие стекла очков в стальной оправе мой собеседник терпеливо наблюдал за моими приготовлениями. Увидев у меня на коленях увесистый блокнот и ручку, начал свой рассказ. Говорил размеренно, четко, стараясь выделить главное, существенное. Останавливался, делал очередную затяжку и продолжал дальше:

— Меня зовут Вольфганг Кинцельман, мне 27 лет. Родился и вырос в Линденберге — это маленький

РАВНЫЕ ДЛЯ

Александр УРБАН,
корреспондент ТАСС
в ФРГ. Специально
для «Смены».
Фото автора

РАЗГОВОР С ЗАПАДНОГЕРМАНСКИМ

ЛОЗУНГ ГЛАСИТ: «ПРОТИВ БЕЗРАБОТИЦЫ МОЛОДЕЖИ И УМЕНЬШЕНИЯ ЧИСЛА МЕСТ ДЛЯ УЧЕНИКОВ НА ПРОИЗВОДСТВЕ».

баварский город, недалеко от австрийской границы. Отец — рабочий-строитель. Мать — упаковщица в местной типографии. Есть две сестры. Одна замужем, а другая еще бегает в школу.

К сожалению, не дотянул до аттестата. Надо было идти работать: свободных денег у нас в семье не было.

Мечтал стать экономистом, но, увы, не удалось закончить даже гимназию.

Сейчас, когда позволяет время, занимаюсь самообразованием. Я работаю в коммерческом отделе завода фирмы «Либхерр». В школе у меня хорошо шла математика, поэтому я и решил изучать бухгалтерское дело.

Еще в гимназии примкнул к «молодым социалистам». Теперь вот уже несколько лет член Социал-де-

мократической партии. В нашем промышленном районе, замыкающемся на городе Кемптене, я возглавляю молодежную секцию профсоюзов. Раз в неделю члены правления собираются на заседания. Обсуждаем различные проблемы, волнующие молодежь. И прежде всего то, что особенно актуально сейчас: безработица, сокращение мест для производственного обучения на предприятиях.

— В чем причина резкого увеличения безработицы среди молодежи? — спросил я.

— Корни глубокие. Ответ следует искать не только в общей экономической ситуации, но и в том, что профессиональному обучению будущих рабочих уделяется очень мало внимания. Ведь это связано с большими материальными затратами, на которые предприниматели идти не хотят. Государство тоже выделяет для профессиональной подготовки молодежи не много средств. Набирая учеников, крупные фирмы руководствуются лишь собственными уз-

«МНЕ 16 ЛЕТ, И Я НЕ ХОЧУ ОТМЕЧАТЬСЯ НА
ВНЕЖЕ ТРУДА...»

Третий очерк из серии «Молодые зарубежные рабочие». Первый, «Троянец из Берлина», опубликован в № 12, второй, «После Девни поеду в Усть-Илим», — в № 17 за 1974 год.

ДЕМОНСТРАЦИЯ МОЛОДЕЖИ ПРОТИВ РОСТА ДОРОГОВИЗНЫ И БЕЗРАБОТНЫМ.
МНОГИЕ ЕГО СВЕРСТНИКИ СТАЛИ БЕЗРАБОТНЫМИ, ТАК И НЕ ПРИСТУПИВ К РАБОТЕ.

кими интересами. В соответствии со своими потребностями и строят они подготовку кадров. Более того, и многие обученные ребята после сдачи экзаменов оказываются за воротами предприятия — для них не находится места, ибо они не подходят по своим политическим взглядам. Есть и еще одно соображение. Пока молодой человек бегал в учениках, ему платили гроши, а работу он выполнял немалую. Когда же ученик вырос в профессионального рабочего, ему надо платить по другой ставке. И тут-то он становится невыгодным для фирмы.

...То, о чем рассказывал Вольфганг, было знакомо. Я видел группы ребят, обивающих пороги бирж труда в Бонне, Дортмунде, Кельне. Удивительно, но мало кто из них был готов к столкновению с жесткой реальностью капиталистического общества: в школе жизнь им казалась проще, яснее, надежнее.

Запомнился снимок, помещенный на двух разворотах в «Штерне», крупнейшем иллюстрированном журнале страны. Слева стояли шестеро 15—16-летних подростков в куртках, свитерах и «водолазках». Фотограф поместил их возле школьной доски. Сверху мелом было написано: «Нашли работу». На правом развороте, и тоже у школьной доски, стояли и сидели 9 таких же ребят. Они пристально глядели в объектив камеры, и поэтому хорошо видны были их глаза — напряженные, ожидающие.

да. В 207 школах 85 тысяч учеников, но до настоящего времени, и этого не скрывает красочный проспект, полученный мною в туристском бюро Дортмунда, из 100 учащихся только двое получали высшее образование, а 83 ученика после окончания неполной средней школы шли работать.

В Дортмунде, сообщил проспект, примерно 27 процентов населения моложе 18 лет, и все они пользуются равными правами. Здесь провозглашен принцип: «Равные шансы для всех», — сообщал тот же туристский проспект.

«Равные шансы...» Сын горняка 16-летний Детлеф Зорга мечтал стать техником телеграфной связи. Он был уверен, что после окончания школы быстро найдет место ученика связиста. Однако Детлеф ошибся. Его ожидало полное разочарование: после школы он не нашел даже подсобной работы.

Его сверстник и одноклассник сын дортмундского крановщика Вольфганг Вебер хотел стать чертежником. Но и его постигла участь Детлефа. Уже несколько месяцев Вольфганг — безработный.

Шестнадцатилетний Ульрих Шотте — сын рабочего-металлиста. Ему нравится профессия слесаря. Уже много месяцев он постоянный посетитель биржи труда. Правда, Ульрих в лучшем положении, чем его товарищи. Он успел полгода поработать подсобным рабочим на шахте, и теперь ему полагается пособие

ШАНСЫ ВСЕХ?..

РАБОЧИМ. ДОПОЛНЕННЫЙ ПИСЬМОМ ЖУРНАЛИСТУ

НАДПИСЬ НА ГРОБЕ ПЕРЕВОДИТСЯ ТАК: «ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ БУДУЩЕЕ МОЛОДЕЖИ ЗОЛИНГЕНА».

Надпись на доске гласила: «Безработные!»

И те и другие учились в одном классе, в одной дортмундской школе.

«Они стали безработными, так и не приступив к работе: 200 тысяч юношей и девушек не могут найти ни места для обучения ремеслу, ни даже подсобную работу», — извещал журнал, характеризуя безработицу среди молодежи ФРГ в самом конце прошлого года.

Дортмунд — один из крупнейших городов ФРГ. В нем живет 650 тысяч человек. Здесь размещены предприятия горно-металлургической промышленности, нефтеперерагонные и прокатные заводы, здесь строятся мосты и экскаваторы, фабрики по производству азотных и других удобрений, насосы и кузова машин, фильтровальные установки и мебель из металла. В этом рурском городе производится каждый 10-й стакан пива ФРГ. Здесь расположены 15 процентов всех страховых компаний страны.

Словом, Дортмунд — это город тру-

по безработице: 24,5 марки в месяц (примерно 7—8 рублей).

В Рурской области, заявляет руководитель биржи труда Дортмунда Герхард Аль, я еще никогда не сталкивался с такими масштабами безработицы среди молодежи.

Только в земле Северный Рейн-Вестфалия в прошлом году не у дел оказались 74 тысячи юношей и девушек: им не нашлось места ни учеников на предприятиях, ни подсобных рабочих.

Куда же деваться молодым людям, которые при первой попытке вступить в самостоятельную жизнь оказываются за бортом?

Не удивительно, что в такой ситуации часть ребят, слоняющихся без дела, потерявших веру и в общество, в котором они живут, и в самих себя, оказываются под влиянием преступного мира. После биржи труда и очередного разочарования подростки со временем попадают в район дортмундского вокзала, где властвуют воров и проститутки. Еженедельник «Пайт-магазин» по-

ОТСТАИВАЯ СВОИ ПРАВА.

святил целое исследование росту алкоголизма среди подростков и молодежи. Он пишет вопреки утверждениям рекламного проспекта, что у многих ребят «нет никаких шансов» приобрести надежную профессию. «Их надежды не осуществляются», — констатирует еженедельник, сообщая, что из 1,8 миллиона алкоголиков ФРГ 100 тысяч составляют люди моложе 25 лет.

Городская биржа труда совместно с руководством ряда шахт сделала попытку отвлечь часть ребят от улицы, вдохнуть в них временную надежду. Была организована «школа трудотерапии».

На окраине Дортмунда в заброшенных помещениях шахты «Цоллерри II» появились люди. Сотни подростков в разноцветных защитных шлемах из пластмассы 8 часов в день пилат, строгаят, стучат молотками. Все происходит под наблюдением взрослых.

Учащиеся этой школы получают небольшую зарплату и имеют шанс достичь «профессиональной зрелости», то есть получить свидетельство, подтверждающее профессиональную пригодность.

Руководитель курсов «трудотерапии» Фриц Грайфенштайн скептически оценивает будущее своих питомцев:

— Боюсь, что заброшенная шахта на долгое время останется единственным «рабочим местом» ребят. Шанс найти работу есть лишь у половины из 300 «учеников».

Проблемы профессионального обучения волнуют демократические молодежные организации, Германскую компартию, профсоюзы.

Они требуют принятия нового закона по профобучению. В ряде районов страны прошли внушительные демонстрации. В конце декабря прошлого года была проведена совместная акция протеста 14 молодежных организаций Гамбурга против уменьшения числа мест учеников на предприятиях и роста безработицы среди молодежи.

В организованных социалистической немецкой рабочей молодежью (SNRM) демонстрациях против безработицы участвовали тысячи молодых жителей Саарбрюкена, Висбадена, Ремшейда и других городов.

— Закон о профессиональном обучении был принят у нас в 1969 году. Я помню, как он готовился. В те годы я работала в торговом-промышленной палате Кобленца, как раз в отделе профессионального обучения, — поясняет мне официальный представитель правления SNRM Клар Фройнд-Мельберт. — Собственно, этот закон устарел еще до того, как вступил в силу. Ведь он не учитывает интересы и потребности молодежи...

Клар недолго размышляет, подыскивая пример. Вот один из крупнейших химических концернов — «БАСФ». Там есть лаборатория и мастерские, где проходят производственное обучение ученики. На «БАСФ» практикуется так называемое двухступенчатое обучение: первый год — это мальчики на побегушках, знакомящиеся с производством в общих чертах и одновременно самая дешевая рабочая сила; второй год — изучение специальности. Но предприятие само определяет, какую профессию надлежит изучить молодому человеку.

Отчислить могут и после первой и после второй ступени. Если ребята выражают недовольство существующим порядком, действиями руководства, им не видать второй ступени. А знаний, полученных за первый год, достаточно лишь для того, чтобы остаться вечным подсобным рабочим.

— SNRM считает, — подытоживает Клар, — что западногерманская мо-

лодежь должна иметь право как на выбор профессии, так и на получение рабочего места после обучения ремеслу. Мы не хотим, чтобы из юношей и девушек штамповалась подсобная сила для обогащения концернов. В условиях растущей безработицы и сокращения производства хорошая квалификация имеет решающее значение. Ведь именно неквалифицированных рабочих выбрасывают в первую очередь владельцы предприятий на улицу...

По официальным данным, в стране постоянно сокращается число мест для учеников на производстве. В 1969 году в промышленности и на ремесленных предприятиях было 640 тысяч таких мест, а к концу 1974 года их количество сократилось до 340 тысяч.

Положение усугубляется еще и тем, что стране недостает 10 тысяч преподавателей школ профессионально-технического обучения.

Министерство просвещения и науки ФРГ, в компетенцию которого входит профессиональное обучение, намерено до 1978 года «мобилизовать» для решения проблемы профобучения 400 миллионов марок. Однако ни государство, ни земля не желают выделять средства на эти цели из своих бюджетов. Остается один путь: заставить раскошелиться владельцев и руководителей фирм. Разработаны планы создания специального фонда из обязательных взносов предприятий на цели профобучения, однако капитал выступает против таких планов: предприниматели отказываются платить «налоги на профобучение».

Официальная комиссия планирования в области профессионального обучения, куда входят представители федерации и земель, подсчитала, что до 1978 года возможно создание лишь 50 тысяч дополнительных мест для учеников на производстве.

Сейчас, когда число безработных в стране переваливает за миллион, такое мизерное увеличение мест для учеников на предприятиях — это, безусловно, капля в море. Многие органы печати прямо заявляют, что безработица среди молодежи имеет тенденцию к возрастанию. Их доводы вполне резонны: в ближайшие годы в производство устремятся новые массы выпускников общеобразовательных школ. Уже сегодня подсчитано, что число школьников, которые пожелают приобрести рабочую профессию, будет увеличиваться ежегодно на 70 тысяч человек.

Следовательно, положение станет еще сложнее.

...Сдав свою машину на очередной технический осмотр, я обратил внимание на рослого, белокурого парня с застенчивыми голубыми глазами. Он, как и другие ученики автомастерской, был одет в темно-голубой стандартный комбинезон, грязноватый и засаленный. Руки юноши темнели от переработанного моторного масла и прилипшей грязи. Он только что вылез из-под машины.

И все же парень чем-то выделялся среди своих коллег. Сначала я не мог понять, потом догадался — причека. После, в разговоре, он пояснил:

— Длинные волосы мешают работать.

Бериду Нойнхерцу 19 лет. Родился в Бонне. В семье рабочих. У него три брата, и все старше его. После окончания 9 классов удалось найти место ученика в автомастерской. Теперь Берид уже на четвертом, последнем году обучения. Пока получает гроши.

— Каждую субботу подрабатываю немножко на бензоколонке недалеко от дома. На чтение книг и развлечения почти не остается времени, — вздыхает он.

— А какие планы на будущее? — Никаких. Многие мои коллеги уже получили извещения, что фирма не нуждается в их услугах. Пойду в армию...

Трудным положением, в котором оказались многие молодые люди ФРГ, беззастенчиво пользуется руководство бундесвера. Оно действует в тесном контакте с менеджерами экономики.

Безработных юношей или учеников на предприятиях, которые уже сдают выпускные экзамены, подталкивают идти в армию.

Газета «Дурхблик», выпускаемая учениками на производстве в городе Бентхейме (земля Нижняя Саксония), опубликовала письмо нефтяной фирмы «Дайльман» руководству бундесвера. Фирма в этом послании настоятельно рекомендует «по возможности скорее» призывать на службу молодых людей, достигших соответствующего возраста. При этом фирма называла фамилии своих учеников, которых надлежит в первую очередь определить в военные казармы.

На страницах буржуазных газет замелькали объявления, приглашающие молодежь изучать «ремесло» в рядах бундесвера, обещающие им «гарантированное существование». И желающие находятся.

Если в прошлые годы бундесвер испытывал недостаток в сверхсрочниках, то в 1974 году число лиц, оставшихся в армии еще на несколько лет, возросло на 38 процентов.

Некоторые органы печати ведут психологическую обработку молодежи. Газета «Вестдойче альгемайне», например, заявляет: «Сегодня резко снижаются шансы того, кто не отвечает «да» на вопрос «Закончили ли вы уже военную службу?»

...Беседа с Вольфгангом Кинцельманом затянулась. Его коллеги — делегаты конгресса уже несколько раз подходили к нам и, обращаясь к моему собеседнику, сообщали, в каком помещении заседает их комиссия.

Стоящая рядом пепельница была переполнена окурками. Вольфганг зажег все новые и новые сигареты. И как-то само собой — видимо, это естественно, когда сходятся два человека из стран с противоположными общественными системами, — речь зашла о нашей стране.

Вольфганг в 1971 году побывал в Москве и Ленинграде.

— Члены нашей молодежной делегации — люди разных взглядов — воочью убедились, сколь однобоко, куцо и фальшиво информирует о жизни советских людей западная печать. Буржуазные газеты утверждают, что советский человек живет в неволе, что в СССР отсутствуют всякие демократические свободы... Все это чепуха, выдумка.

Я рад, что смог побывать у вас. Такие поездки способствуют расширению связей между молодежью обеих стран, служат лучшему взаимопониманию, преодолению существующих предрассудков.

Фирма «Либхерр», где я работаю, сотрудничает с Советским Союзом. На ее предприятиях изготавливается оборудование для автозавода на Каме. Рабочие довольны таким сотрудничеством. Они понимают, что советские заказы — это загрузка производственных мощностей, а значит, работа, сохранение рабочих мест.

Я понимаю, как важно и необходимо создание прочного фундамента мира в Европе. Вот здесь, на конгрессе, в нашей комиссии — Вольфганг указал на дверь, находящуюся недалеко от скамейки, — мы обсуждаем экономические, социальные и политические последствия разоружения. Естественно, очень много говорим о европейской безопасности. И, как бы вспоминая еще совсем

свежую дискуссию в комиссии за соседней дверью, мой собеседник убежденно говорит:

— Разве пужен мир тем, кто строит свой бизнес на гонке вооружений... У нас, в Баварии, многие концерны работают над производством вооружений. Сколько же средств тратится впустую! Если бы пустить их на социальные нужды! Представьте себе, только в 1975 году прямые или косвенные, открытые или замаскированные расходы Бонна на военные цели составят свыше 40 миллиардов марок.

Представители военного бизнеса в Баварии твердят, что военные заказы, дескать, гарантируют сохранение рабочих мест. Спекулируют на страхе людей перед безработицей. Но такие «аргументы» несостоятельны. После войны, когда не было бундесвера, темпы экономического роста у нас были значительно выше...

Разговор наш заканчивался, Вольфгангу надо было уходить.

Прошло несколько дней. И вот однажды, вынимая из почтового ящика газеты, я обнаружил письмо от Вольфганга Кинцельмана.

...«Глазами молодого профсоюзного работника, который родился два года спустя после войны и который черпал свои знания отчасти из книг, отчасти из рассказов родителей и лишь последние 10—12 лет сам сознательно участвует в политической жизни» — так начинал свое письмо Вольфганг. Оно было написано на машинке. С редкими интервалами, опечатками, исправлениями. Чувствовалось, что его автор обдумывал слова, искал наиболее четкие и лаконичные формы выражения своих мыслей.

Зрело, с «родуманных позиций» оценивал Вольфганг послевоенное развитие ФРГ, период «холодной войны», цели включения своей страны в агрессивный блок НАТО, роль, которую империализм отводил Западной Германии в борьбе против социалистических государств. Он писал об эре Аденауэра, о том, как расплодился реваншизм, применялась пресловутая «доктрина Хальштейна» (в соответствии с этой доктриной ФРГ оказывала нажим на те страны, которые призывали в дипломатическом отношении ГДР. — Прим. автора).

В 70-е годы, когда ФРГ подписала договоры с СССР и ПНР, писал Вольфганг, победила сила разума. Западные политики вынуждены были признать, что политика «отбрасывания социализма» потерпела крах. Именно на основе этого признания стали возможными Московский и Варшавский договоры. Послевоенные границы в Европе были признаны нерушимыми. Последующие договоры, заключенные между ФРГ и социалистическими странами, способствовали укреплению мира на континенте, показали возможность установления нормальных отношений между государствами, имеющими различные общественные системы.

Тридцать лет спустя после второй мировой войны, продолжает Вольфганг, вижу большие возможности для наполнения жизнью договоров ФРГ с социалистическими странами, для развития всестороннего и взаимовыгодного сотрудничества во всем мире. Я считаю, что ныне следует более активно выступать за разоружение, ибо военные расходы поглощают слишком много денег. Эти деньги можно использовать на более разумные цели, более выгодные в экономическом и социальном отношениях. Какими бы сложными ни были переговоры о разоружении, они должны состояться — важно не терять из виду эту великую цель...

ПРОЗА

Один из своего поколения

В ряду молодых специалистов, что стали появляться в качестве главного героя на страницах прозаических книг, Андрей Филатов из новой повести Виктора Ильина «Затон» («Молодая гвардия», 1974) стоит несколько особняком. У него есть та ответственность, которую у других литературных героев — его сверстников — встретишь не часто. Ответственность эта — едва ли не главная черта характера — воспитана самой жизнью, сложившейся в общем-то довольно обычной для подростка предвоенной поры, а значит, не просто.

Биография Андрея Филатова началась на Волге и вся дальнейшая судьба тоже связана с этой рекой: учеба в училище и институте, работа конструктором в бюро, затем — технологом и начальником ОТК на судоремонтном заводе.

В детстве — трудном, голодном, но все же детстве, с увлечениями, играми, навными мечтами — мир казался простым и понятным, а обиды быстро забывались. Юность поставила много новых вопросов, от решения которых зависело будущее его и всей страны. Ему, юноше, не умеющему правильно написать слово «интеллигент», предстояло стать одним из первых интеллигентов родного фабричного поселка, инженером-судостроителем. С вручением диплома Андрею вручили право руководить людьми, но готов ли он к этому?

При каждой конфликтной ситуации стоящие рядом люди идут от молодого инженера не только знаний и неуносительного выполнения служебного долга, не только принципиальности, но и гибкости, человеческого понимания. Писатель заинтересован показать и объяснить нам все сомнения, все переживания своего молодого героя, впервые постигающего житейскую мудрость не с чужих слов, а из собственного, порой горького опыта. Предательство надежного, казалось бы, человека, разочарование в работе, крушение семьи — через такие испытания проходит автор Андрей, прежде чем тот познает самого себя, задумывается всерьез о цели своей жизни.

В послесловии к повести критик Б. Леонов отмечает, что В. Ильин «... всегда стремится связать отдельную судьбу с общей судьбой поколения, в частной биографии пытается запечатлеть основные черты времени...» И подобное стремление не оборачивается заданностью, всегда заметной внимательному читательскому взгляду, а становится формирующим центром, основой сюжетного построения. Виктор Ильин спокойно ведет повествование, и оказывается вдруг, что сумел рассказать он об очень многом, поскольку не сосредоточил внимание лишь на образе главного героя, но представил и его ровесников, наставников, сослуживцев, домочадцев, а ведь у каждого — своя история.

Автор говорит о вещах серьезных, исследует коллизии и характеры, которые во многом являются определяющими для нашего времени. Взаимоотношения нестандартной личности и коллектива, проблема преемственности поколений — вот примерная сфера писательского поиска.

Марина ПОДЗОРОВА

«Индуктивный метод»

Надо отметить, что действенность «индуктивного метода» достаточно велика. Что это за метод? «Это такой способ, когда все время шевелишь мозгами, все на свете сопоставляешь...». А открыл его пионер Ромка Мослов — герой повести «Пароль «Стрекоза» («Московский рабочий», 1974), давшей название сборнику повестей и рассказов Владимира Разумневича.

Герои Владимира Разумневича успешно борются с браненером, изучают тайны природы, ставят веселый спектакль на подмостках школьной сцены и охотно перевоплощаются в дедоморозов, когда четвертый «А» решает поздравить первоклашек с Новым годом, — словом, ведут себя так, как вели себя в этом возрасте их братья и сестры, их папы и мамы. А папы и мамы, кстати, действуют у Владимира Разумневича вместе с юными героями, делают их заботы (важные и неотложные!), помогают в их делах (серьезных и несерьезных) и иной раз ведут себя совсем не так, как должны бы вести себя взрослые. Во всяком случае, они не читают своим чадам нотаций, не дают нудных советов, а охотно включаются и в поиски преступника-браконьера и даже в детские игры, которые, оказывается, вполне можно превратить в полезные для ребят дела.

Два мира рядом: мир детства и мир взрослых. Разные миры? Нет, они существуют один в другом, связанные между собой тысячами незримых нитей. Дети (вы заметили это?) всегда стараются казаться старше своего возраста, мечтают поскорее приобщиться к делам отцов, к делам страны. Даже игры их (от спасения игрушечного тигренка дошкольницей Олей из повести «Кудесник без бороды» до «заправдашной» погони за преступни-

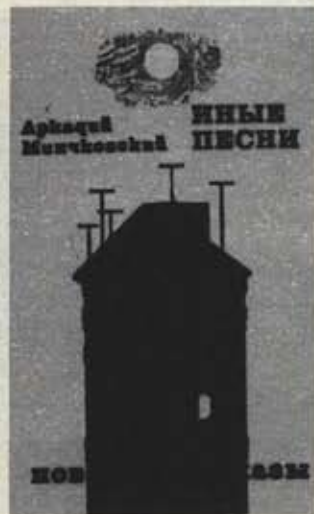
ком в повести «Пароль «Стрекоза») — модель наших «взрослых» дел. Пусть наивная, пусть все-таки детская, но верная, точная по замыслу.

Владимир Разумневич доказывает своими произведениями существование этой неразрывной связи двух миров, попутно убеждая ребят, что быть взрослым — дело трудное и ответственное. Детская ли это книга? Да, детская, если судить по возрасту героев: им — самым старшим! — не больше двенадцати — тринадцати лет. Но это и очень «взрослая» книга, потому что она учит нас с вами понимать тех, кто совсем скоро придет в цеха наших заводов, выйдет на наши поля, встанет за пультом машин и агрегатов, словом, войдет равноправным хозяином в наш мир.

Какими они будут — сегодняшние пионеры, юные следопыты, тихони и забияки, отличники и (что уж скрывать!) двоечники? Это зависит от нас, взрослых. Есть и на производстве, и в науке, и в искусстве отличная форма помощи старших молодым — наставничество. Но ведь надо помнить, что наставничество не ограничивает возраст подопечного, а характер и интересы человека начинают формироваться едва ли не с ясельного возраста.

Какие они, наши мальчишки и девчонки? Чем они живут? О чем мечтают? Что ищут? Что любят? Об этом пишет Владимир Разумневич. Для кого? Для всех: больших и маленьких.

Сергей АБРАМОВ

Когда приходят «иные песни»

Несколько рассказов и повесть Аркадия Минчиковского «Иные песни» («Небо за стеклами», «Советский писатель», 1974) объединяет общая тема — война. Война, уже отгремевшая последними залпами и все же постоянно напоминающая о себе пустым руном фронтовика, полустертой надписью «Бомбоубежище», пожелевшей армейской газетой на дне чемодана...

Инвалидом Отечественной войны, двадцатипятилетним парнем с пенсионной книжкой встречал сорос пятый победный год Алексей Поморцев, бывший балтийский моряк («Небо за стеклами»). Правда и точно рассказывает А. Минчиковский, как возвращается к Алексею вкус и жизни, работе, как крепнет уверенность: людям нужны его сильные, ловкие руки; как тревожит и будит Лешкино сердце нежность к старенькой матери, к любимейшей его девушке.

По следам войны идет герой «Несостоявшегося рассказа». Ему поручили написать очерк о замечательной женщине, Герое Советского Союза. Как видно из названия, очерк не получился. Не потому, что женщина отказалась помочь писателю. Напротив, она охотно доставляла фотонаблюдения, потерянные на гнибах «ди-

визионки», даже описала в школьной тетрадке, как мгла, как помнила, свой подвиг. И все-таки не получился очерк: мирная жизнь наполнила все вокруг «иными песнями», их голоса звучат громко и призывно, заглушая год от года голоса войны.

И неожиданно подумалось о том, — заканчивает рассказ автор, — как бы прекрасно было на свете, если бы никогда не нужно было этой женщине становиться героиней сражений, а потом с опозданием учиться на заочном факультете института и тщетно пытаться прятать под мелким вырезом платя осколочный шрам на нежной шее. Вот бы и написать самые счастливые страницы о такой победе на земле!

В рассказе «Гуцак из Рио-Жанейро» Аркадию Минчиковскому удалось с большим юмором раскрыть тему очень серьезную: внутренний переворот в человеке, обретение новых идеалов, осознание сути социального строя.

Где только не мотался по свету парикмахер Гуцак со всеми атрибутами своего ремесла, пока не обосновался в целинном совхозе «Дальний». К советским порядкам привык не сразу. Поначалу пробовал дать нужным ему людям взятку, а то вешал на дверях своего заведения грозное объявление: «Забастовка! Парикмахерская закрыта до удовлетворения требований. Гуцак». В совхозном партноме стучал кулаком по столу: «Когда мы, парикмахеры, в Бразилии бастовали, коммунисты нас поддерживали!» Интересно, что в конце рассказа автор снова подводит нас к дверям парикмахерской, и там снова висит записка, но теперь вот такая: «Парикмахерская закрыта ввиду работы мастера на уборке урожая». И это была большая победа окружающих его людей — в их семье появился новый, поверивший в наш строй человек.

В самые разные ситуации попадают герои Аркадия Минчиковского. И каждый раз автор требовательно спрашивает их, сохранили ли они человеческое достоинство после «труднейших жизненных передаря, остались ли самими собой после стремительного взлета по служебной лестнице?

«Иные песни» приходят к каждому из нас. Но встречаем мы их по-разному. Какой будет эта встреча: радостной или настороженной, значительной или мимолетной, — очень важно знать автору новой книги.

Елена ЛЮБОВИКОВА

Несчастливая и счастливая

Случилось так, что прекрасное место, куда случайно попала семья, путешествовавшая на собственном автомобиле, оказалось для этой семьи роковым. Не пошло и поэтическое название деревушки — «Счастливая», не помогли ни море, ни солнце, ни тишина — в несколько дней на наших глазах неотвратимо разруши-

лось все, что долгие годы связывало троиц в одно целое. Таково содержание повести «Счастливая», давшей заголовок книге Евгения Дубровина (Центральное-Черноморское издательство, Воронеж, 1974). В книгу вошла еще одна повесть — «Билет на балкон». В ней, как и в первой, в общем-то та же тема — несостоявшаяся жизнь, ответственность человека за свои поступки перед близкими, перед самим собой, своей совестью.

И тем не менее, несмотря на единство темы, авторской интонации, повести эти не однозначны.

Главный герой «Счастливая» преуспевающий инженер Клементьев сам себя считает человеком положительным. Еще бы, ведь он всего в жизни добился: получил образование, стал директором завода. У него красивая жена, сын...

Он жарится на солнце, наслаждается морем, потягивает вино, даже заводит легкий флирт с соседкой по стоянке. И его воспоминания, оттененные фоном отпускового безделья, рисуют нам симпатичного, волевого человека. Мы уже глядим на его семью глазами самого Клементьева, соглашаемся с ним: не повезло бедняге с женой, она только о внешности своей заботится — пустьшнал! То ли дело случайная соседка по отдыху — женщина умная, интересная. И сын у Клементьева — рохла какой-то, не то что сам Клементьев в его возрасте. Мы даже сочувствуем Клементьеву, сочувствуем до тех пор, пока вдруг в конце повести понимаем, что он не был искренен ни перед нами, ни перед самим собой. Жена его на самом деле оказывается не пустышкой, а женщиной тонкой, любящей, а вот Клементьев не такой уж «рыцарь без страха и упрека»: были в его жизни и не очень красивые поступки, о которых он ни разу не вспомнил за это время. Но об этом помнила его жена, помнила, не подавая вида, что знает. Сына Клементьев тоже не разглядел. За внешней флегматичностью, напускным равнодушием таилась бунт, высокая мечта. Сын уходит навстречу мечте тайком от родителей, потому что убежден — те не поймут его.

Герой повести «Билет на балкон» Глорский показан нам в отличие от Клементьева не через себя, а через восприятие своего друга и антипода Кутищева. Вероятно, это и определило четкий рисунок его характера с самого начала повести. Глорский обаятелен, талантлив и в то же время это человек несбывшейся судьбы. Одаренный литературными способностями, Глорский мог бы, по словам его школьного учителя, зарабатывать билет на балкон в зале великих. Но Глорский предпочел минутный успех тяжелой работе, проща говоря, закопал свой талант в землю. Глорский способен легко увлечься, но с такой же легкостью он и остывает. Он живет и гибнет как мотылек, бесечно летящий на свет огня. Рядом с Глорским его друг Кутищев выглядит малозначительным, скучным человеком, ограничивая себя во всем, он упорно пишет рассказы, которые никто не печатает. И в конце концов Кутищев добивается своего: у него выходит книга, его признали; от Глорского же, погибнувшего в катастрофе, осталась лишь записная книжка с единственной нестершейся фразой: «Горы пахли страстью». «Билет на балкон» — это своего рода притча о двойственности человеческой природы. Исход борьбы предпринят — побеждают Кутищев, Глорские гибнут. С одной стороны, нам жаль их, потому что они словно бы часть нашего несбывшегося. А с другой — мы понимаем, что как бы ни был человек талантлив, он «не состоится», если нет у него нравственной стержня, целеустремленности, полной самоотдачи.

Сергей СМОЛЕВ

ПЕСНЯ О ЛЕТЕ

Слова Марка ЛИСЯНСКОГО
Музыка Александра ИЗOTOBA

Музыкальная партитура для голоса и фортепиано. Включает ноты для голоса и фортепиано с русскими текстами.

Лето сплело шалаш
Ярко-зеленый.
Этот шалаш — дом сегодняшний наш,
Рай в шалаше для влюбленных!
Слышишь, поют соловьи
Песню о лете!..
Не было б в мире любви,
Не было б счастья на свете.

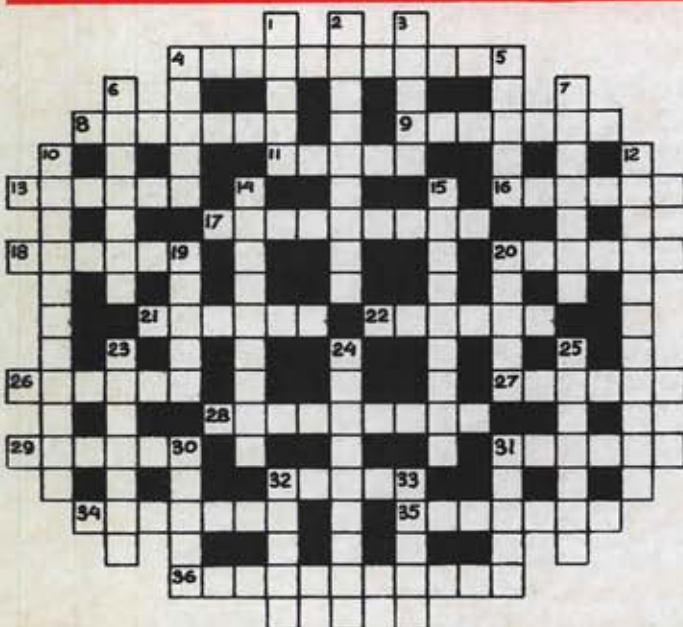
Вот и закат угас
На небосводе.
Лето в сердцах остается у нас,
Лето от нас не уходит.
Лучшие годы мои
В солнечном свете...
Не было б в мире любви,
Не было б счастья на свете.

Быстро вода течет,
Годы — быстрее.
Люди стареют от вечных забот,
Только любовь не стареет.
Волосы тронул твой
Утренний ветер.
Не было б в мире любви,
Не было б счастья на свете!

Музыкальная партитура для фортепиано. Включает ноты для фортепиано с русскими текстами.

КРОССВОРД

Составил Б. ЖУРАВЛЕВ,
г. Москва

По горизонтали:

4. Один из первых советских писателей. 8. Рассказ М. Шолохова. 9. ПIANИСТ, народный артист СССР. 11. Войсковое подразделение. 13. Травянистое растение, медонос. 16. Советский космонавт. 17. Герой романа М. Шолохова «Поднятая целина». 18. Отдых в походе. 20. Конская рысь. 21. Притон Они. 22. Светочувствительная лента для снимков. 26.

Герой поэмы А. Твардовского. 27. Запах цветов. 28. Один из «Донских рассказов» М. Шолохова. 29. Вид конноспортивных состязаний. 31. Наименование вида струнных инструментов. 32. Небольшой павильон для торговли. 34. Определенный порядок, организация. 35. Передовик производства. 36. Композитор, автор оперы «Тихий Дон».

По вертикали:

1. Степень зрелости зерна, плодов. 2. Единица электрического напряжения. 3. Крупный метеор. 4. Шеренга солдат. 5. Горный курорт на Алтае. 6. Город в Болгарии. 7. Герой рассказа М. Шолохова «Судьба человека». 10. Верхняя форменная рубашка воина. 12. Выборы в общественные и государственные органы. 14. Лесной кулик. 15. Герой романа М. Шолохова «Тихий Дон». 19. Стихотворение А. С. Пушкина.

20. Охотничья собака. 23. Сельскохозяйственное орудие. 24. Добровольное коллективное выполнение общепользуемой работы. 25. Один из героев романа М. Шолохова «Они сражались за Родину». 30. Многолетнее травянистое растение. 31. Башкирский духовой инструмент. 32. Поллярная птица. 33. Форма ускоренной подготовки и повышения квалификации работников.

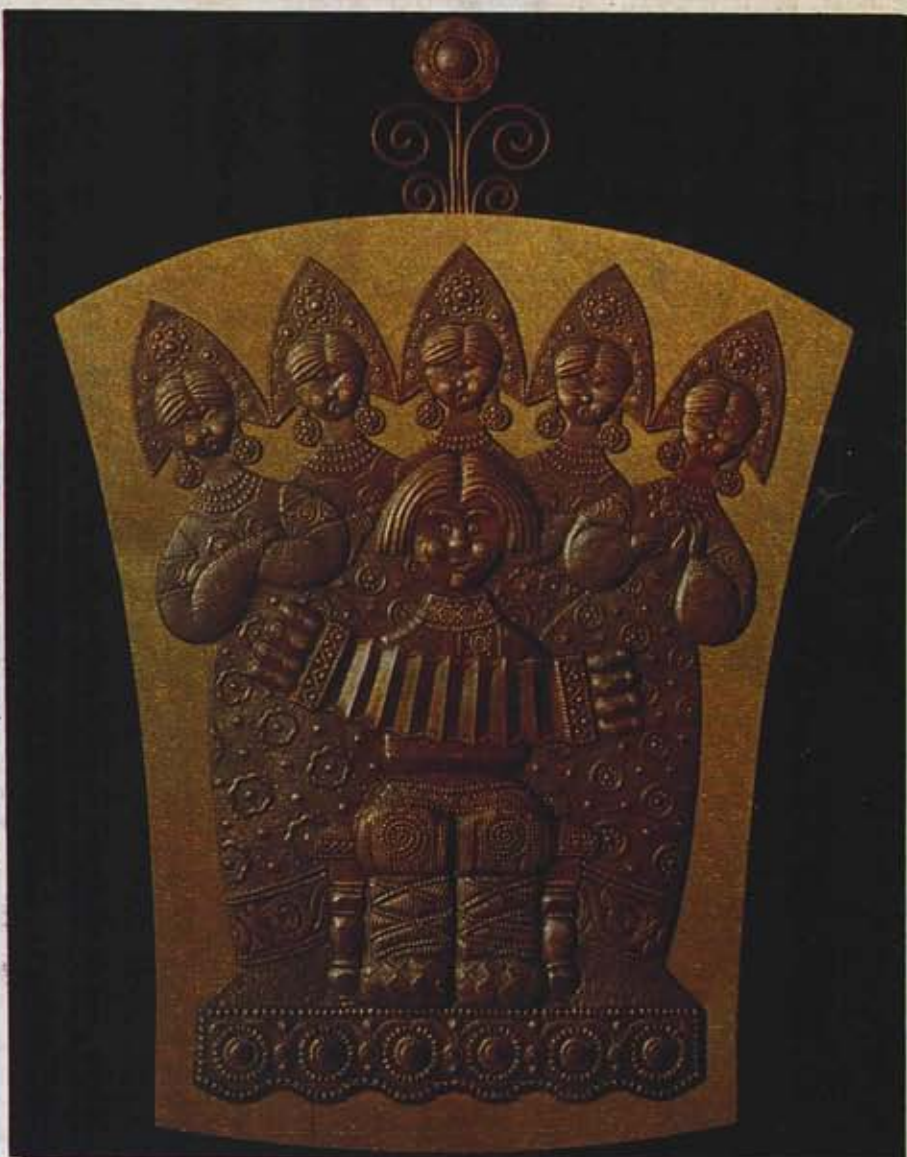
ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали:

1. Разметнов. 8. Зоология. 9. Карболит. 12. Никитин. 15. Теннис. 17. «Гобсек». 18. Сера. 19. Картогена. 20. Азов. 21. Вика. 23. Масленица. 24. Азот. 25. Контур. 26. Абакан. 27. Алабама. 29. Глостама. 31. Изотерма. 32. Постамент.

По вертикали:

2. Арагон. 3. Миля. 4. Трап. 5. Оборин. 6. Колонка. 7. Алгебра. 10. Матусовский. 11. «Псковитянка». 13. Кантилена. 14. Тектоника. 16. Сикомор. 17. Граната. 22. Антонов. 24. Анафора. 27. Ариозо. 28. Аюклян. 30. Агат. 31. Изюм.

Чеканщик с берегов Вятки

Юрий Удальцов живет в небольшом городе Котельниче на берегу Вятки, работает художником районного Дома культуры. Его графические листы не раз демонстрировались на областных и всероссийских выставках. В последние годы Юрий увлекся чеканкой. «Из всех видов декоративно-прикладного искусства,— говорит он,— чеканка наиболее близка графике. Поэтому мое новое увлечение — это естественное развитие мо-

их давних художественных склонностей».

Ю. Удальцова всегда привлекали сюжеты народных сказок и былин, события русской истории. По его мнению, медь с ее богатейшими пластическими возможностями как раз и является тем материалом, в котором он, художник, может с наибольшей полнотой воплотить свои замыслы.

Константин СОПОВ

